

Джон Хемминг
Завоевание империи инков.
Проклятие исчезнувшей цивилизации

Текст предоставлен правообладателем
http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=142253

*Завоевание империи инков. Проклятие исчезнувшей цивилизации / Пер. с англ. Л.А. Карповой.:
Центрполиграф; Москва; 2009
ISBN 978-5-9524-3876-7*

Аннотация

В книге рассказывается о завоевании цветущей могущественной империи инков испанскими конкистадорами, о том, как развитая цивилизация постепенно превращалась в зависимую провинцию Испании и какими методами завоеватели насаждали свою деспотию. Автор рисует портреты целой плеяды Великих Инков, военачальников и полководцев – иноземцев, с именами которых связана трагическая и загадочная история перуанских индейцев, знакомит с искусством, религией, достижениями, традициями и обрядами великого народа.

Содержание

Предисловие	4
Глава 1	11
Глава 2	27
Глава 3	45
Глава 4	56
Глава 5	65
Глава 6	77
Глава 7	90
Конец ознакомительного фрагмента.	94

Джон Хемминг

Завоевание империи инков.

Проклятие исчезнувшей цивилизации

Предисловие

Причиной для написания книги, которую вы держите в руках, послужило любопытство. Почти год я провел в разных районах Перу за изучением исторических памятников. Меня увлекла тема испанского владычества, в особенности взаимоотношения испанцев и коренных жителей Перу. Таким образом, в книге уделено внимание контактам обеих наций, охватившим все слои перуанского общества, начиная с правящих кругов и заканчивая бедными крестьянами и рудокопами.

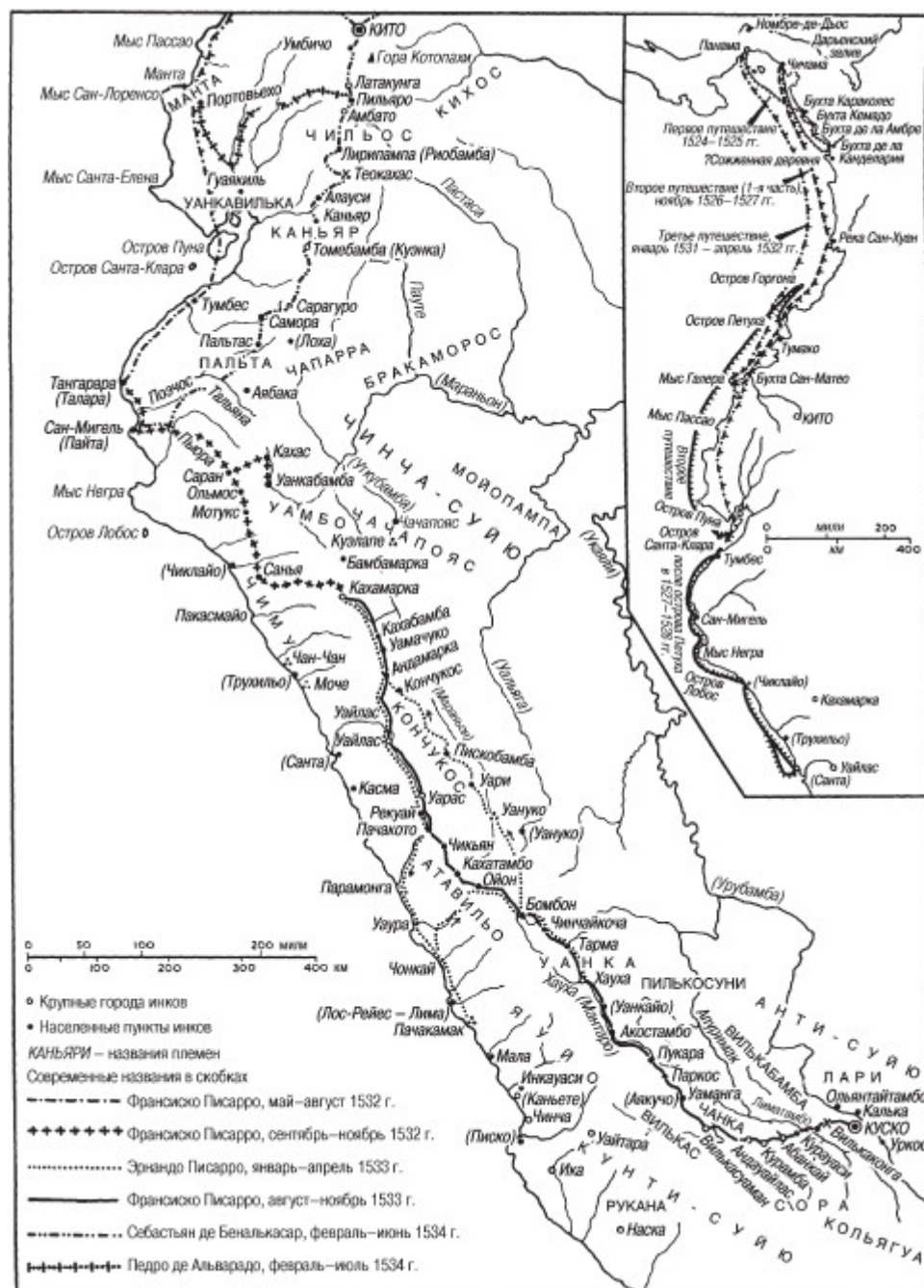
Моей целью не было рассмотрение социального уклада инков: этой теме посвящено множество прекрасных книг. Я решил описать образ жизни инков, а также испанское общество и трагические последствия гражданской войны, разгоревшейся между завоевателями.

У меня появилась возможность прояснить некоторые неточности, встречающиеся в повествованиях некоторых историков. Было принято считать, что инки сдались испанцам без борьбы. К чести инков должен сказать, что в стране постоянно вспыхивали восстания местных жителей. Захват Кито и второй мятеж Инки Манко ранее не получали подробного освещения в исторической литературе. Мало упоминалось и о Вилькабамбе, где Инка Манко и его сыновья предпринимали попытки сопротивления или сотрудничества с испанскими завоевателями.

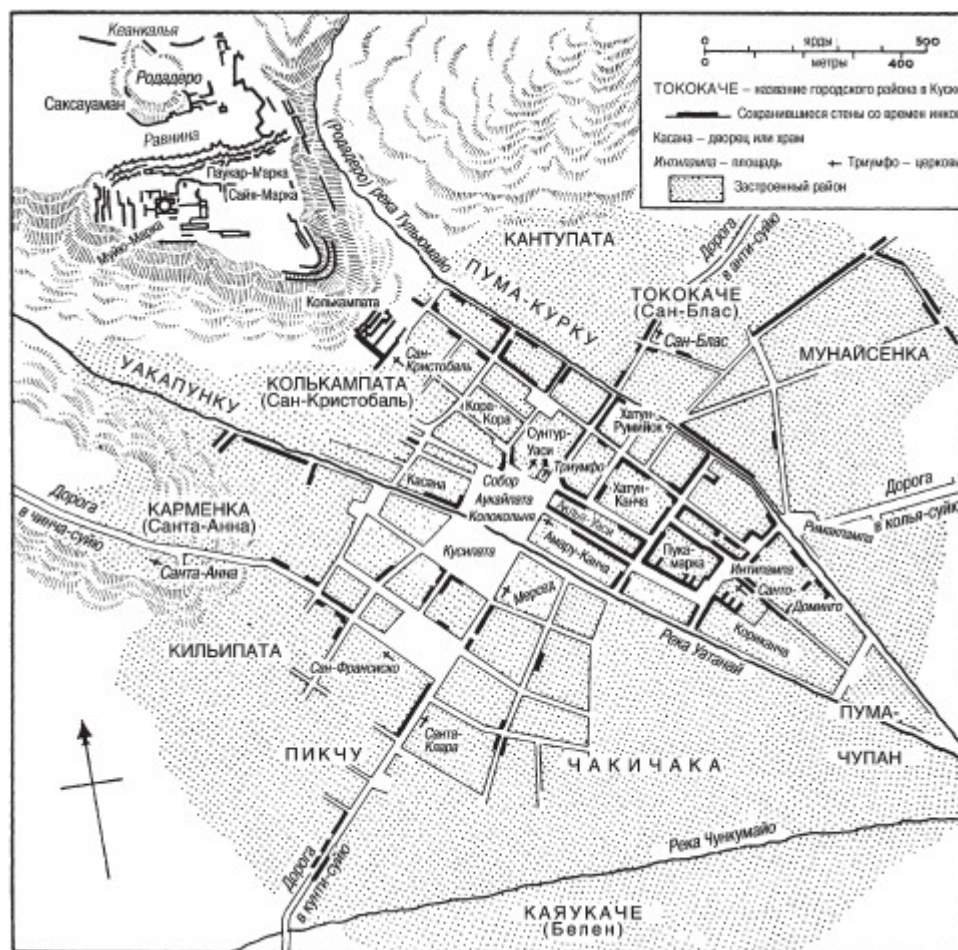
Сведения о поведении испанцев в Перу также отличаются противоречивостью. Миф о зверствах испанцев по-прежнему находится под вопросом. Я попытался найти золотую середину между совершенно противоположными мнениями. Этот вопрос предоставляет ученым обширное поле деятельности для исследований и дискуссий. Точная картина жизни Перу в период установления колониального ига появляется после тщательного изучения правительственных и законодательных актов.

Судьба последних инков также представляет большой интерес. Я решил описать жизнь наследников королевского дома Инков и проследить их генеалогическое древо.

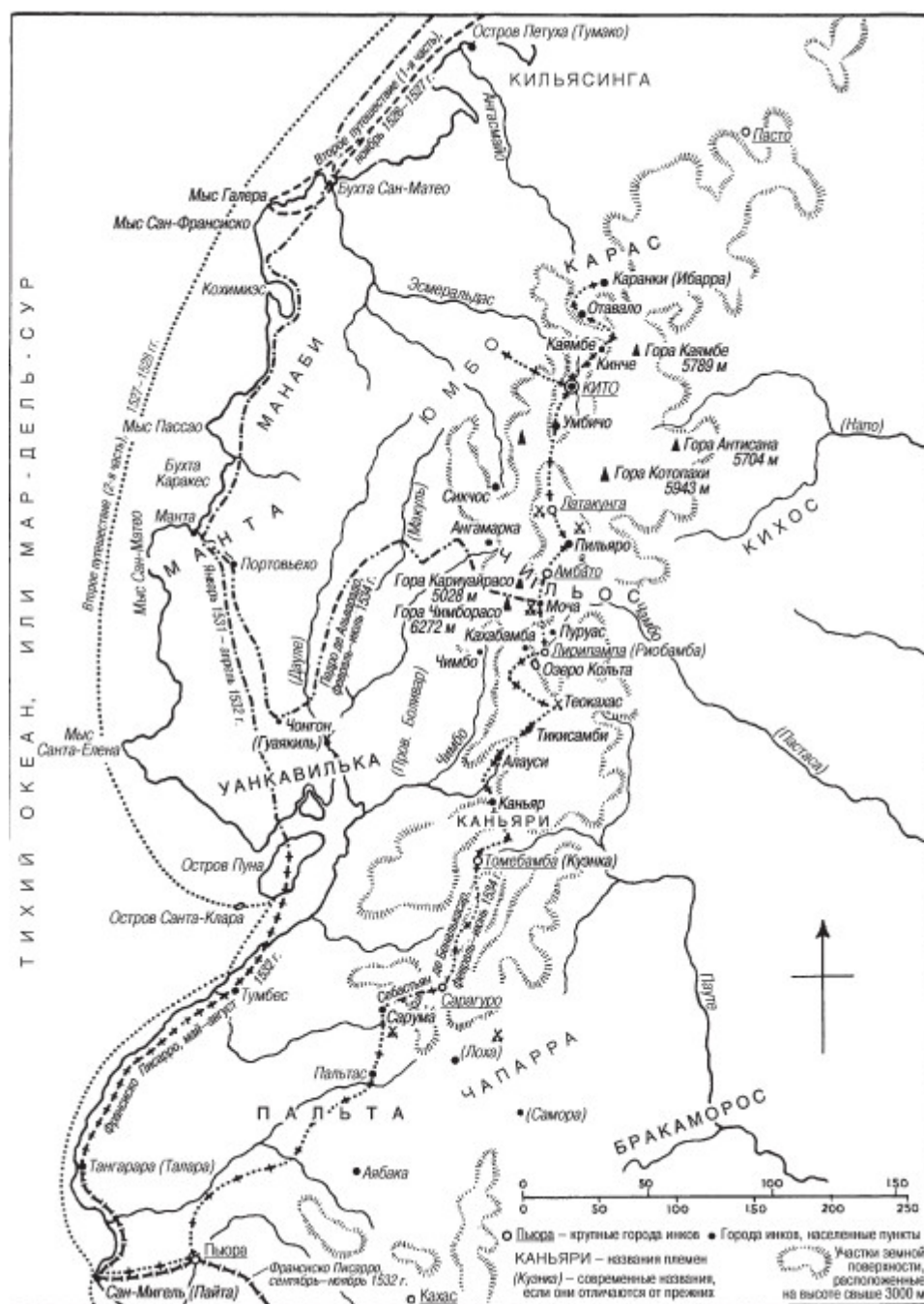
Захваченное испанцами Перу было последней высокоразвитой цивилизацией, полностью скрытой от внешнего мира. Но хотя история завоевания кажется поистине фантастической, ее участниками были реальные люди. Я поставил перед собой задачу показать не наследников блистательной и богатейшей империи, а обычных людей, борющихся с врагами. Насколько успешно ее удалось осуществить, судить вам.

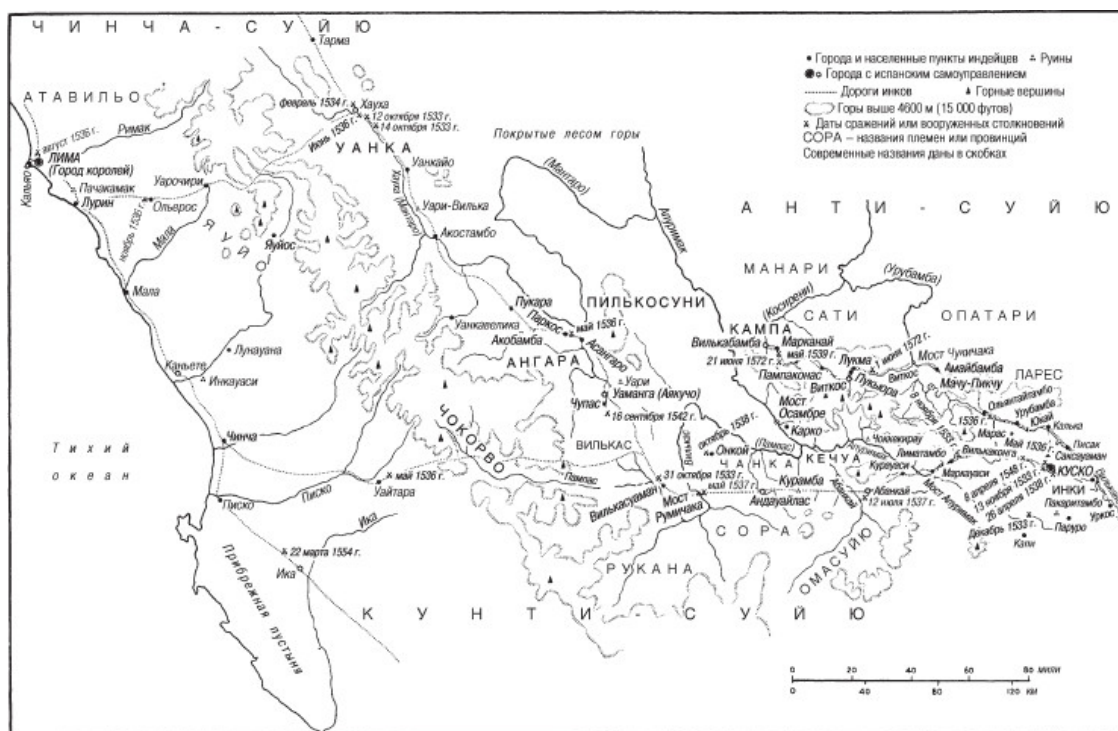
Первые путешествия и поход на Куско

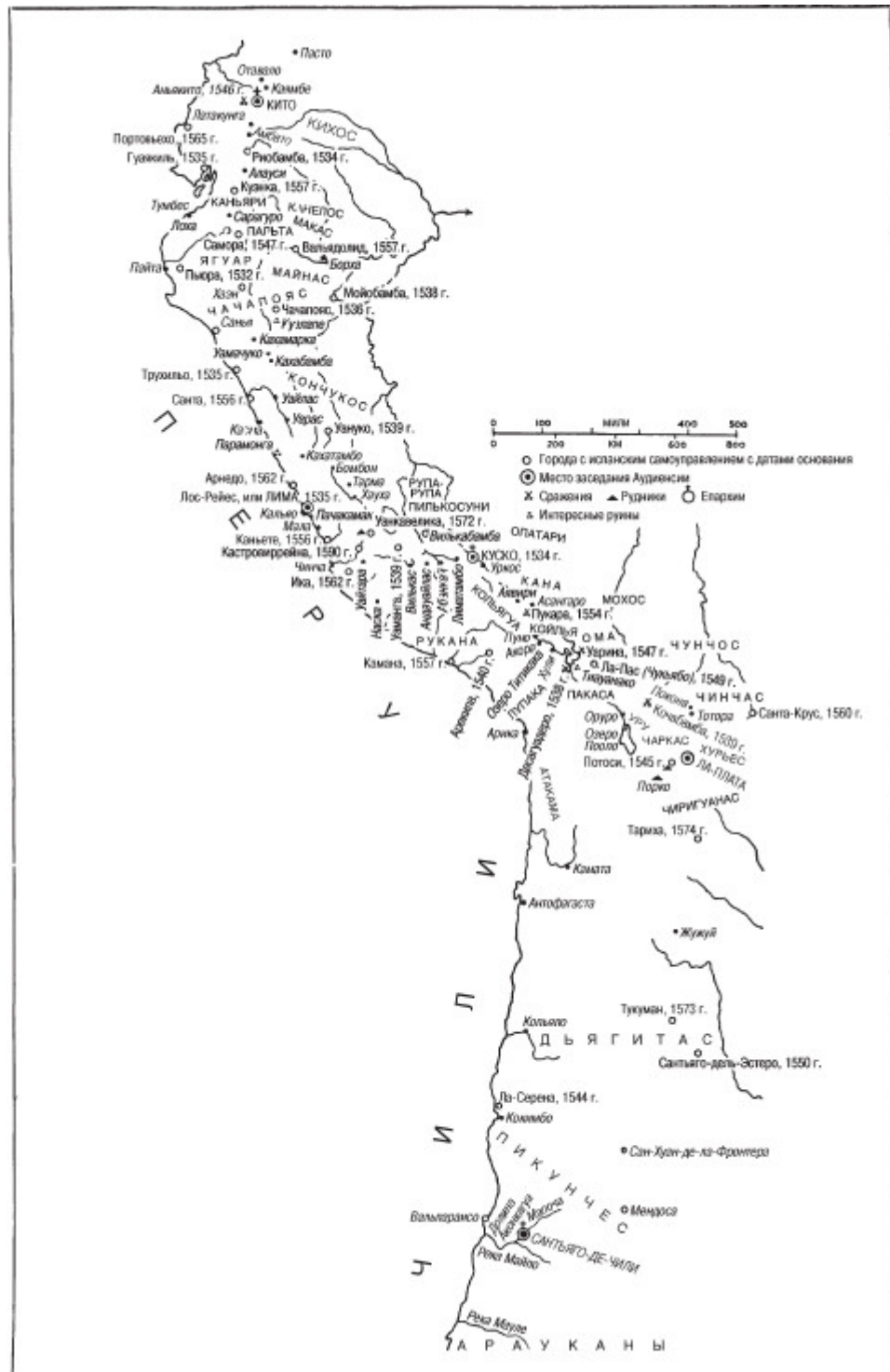
Куско в период конкисы

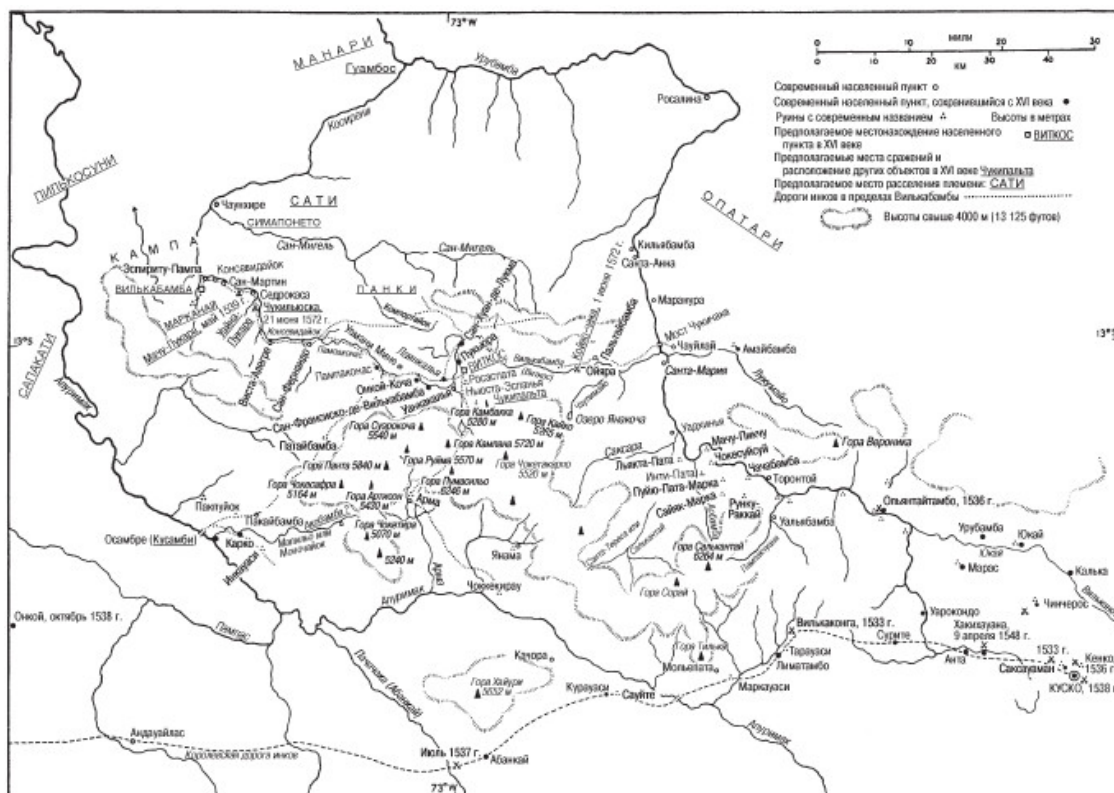
Китонская кампания

Южная часть Перу во время восстания под предводительством Инки Манко в период гражданских войн

Оккупация испанцами империи инков

Вилькабамба

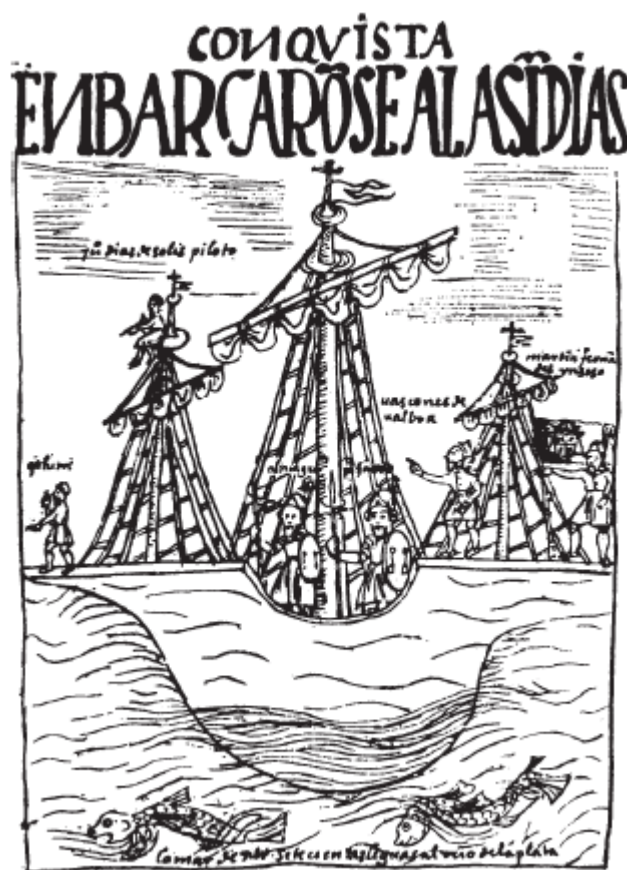
Глава 1

Кахамарка

25 сентября 1513 года отряд измученных испанских путешественников пробился через леса Панамы и вышел к океану: это было Мар-дель-Сур, Южное море, или Тихий океан. Эту экспедицию возглавлял Васко Нуньес де Бальбоа, и одним из старших офицеров у него был тридцатипятилетний капитан по имени Франсиско Писарро. Спустя шесть лет после открытия испанцы основали на Тихоокеанском побережье перешейка городок Панаму. Панама стала базой для постройки кораблей, которые предназначались для исследования и использования в своих интересах этого неизвестного моря.

В эти годы развитие Испании происходило как взрыв. На протяжении Средних веков рыцари-крестоносцы Кастилии изгоняли мусульман с Иберийского полуострова. Окончательная победа реконкисты произошла в январе 1429 года со сдачей Гранады кастильцам, которыми командовал король Фердинанд Арагонский. Спустя несколько месяцев в том же году Христофор Колумб вышел на кораблях в Атлантический океан, поплыл на запад и высадился на островах Карибского моря. Последующие годы прошли в установлении испанского присутствия на островах Вест-Индии и в исследованиях северного побережья Южной Америки. Франсиско Писарро принимал участие во многих из этих экспедиций, которые, в сущности, были жестокими, не сулящими награды набегами на племена, жившие в лесах Америки.

Точка зрения европейцев на обе Америки – или, как их тогда называли, Вест-Индию – резко изменилась, когда в 1519 году Эрнан Кортес открыл и вторгся в могущественную империю ацтеков в Мексике. У Кортеса в отряде было только около 500 человек и 16 лошадей, но опыт помог ему одержать победу над союзом восставших против него племен. Благодаря искусной дипломатии, выдержке и безжалостной храбрости своих солдат Кортес завоевал империю, полную экзотического великолепия. Испания, страна с населением менее 10 миллионов человек, захватила территорию, по своему населению и богатству равную себе. Достижения Кортеса развеяли романтические представления испанцев. Младшие сыновья феодалов и испанцы, принадлежавшие ко всем слоям общества, подстегиваемые нетерпением, поплыли через Атлантику в поисках приключений и богатств.

Писарро и Альмагро отплывают в Перу

Пока Кортес завоевывал Мексику, испанцы начали исследовать Тихоокеанское побережье Южной Америки. В 1522 году Паскуаль де Андагойя проплыл около 200 миль вдоль побережья Колумбии и поднялся по реке Сан-Хуан. Он искал племя, которое называлось «виру» или «биру»; и название этого племени, изменившееся до «перу», стало названием страны, лежащей далеко к югу.

Три компаньона приобрели корабли Андагойи, и им удалось достать деньги на снаряжение еще одного плавания. Этими тремя были: Франсиско Писарро, Диего де Альмагро – оба они жили в Панаме и являлись там владельцами некоторой собственности – и священник Эрнандо де Луке, который, очевидно, действовал как доверенное лицо судьи Гаспара де Эспинозы, оказавшего финансовую помощь этой троице. Писарро отплыл в ноябре 1524 года с 80 солдатами и 4 лошадьми. Эта первая экспедиция не была успешной: она достигла места, которое испанцы называли – по понятным причинам – Порт Голода, а Альмагро потерял глаз в стычке с местными жителями у сожженной деревни. Никаких богатств не было найдено вдоль побережья, и путешественникам с трудом удалось уговорить Эспинозу финансировать их следующую попытку.

10 марта 1526 года три компаньона заключили формальный контракт, и Писарро отплыл спустя восемь месяцев. Он взял с собой 160 человек и несколько лошадей, разместившихся на двух небольших кораблях, которые вел опытный лоцман Бартоломе Руис. Экспедиция разделилась: Писарро встал лагерем у реки Сан-Хуан, Альмагро отправился за подкреплением, а Руис поплыл на юг. Впервые корабли Руиса пересекли экватор в Тихом океане, и затем, неожиданно, произошел первый контакт с цивилизацией инков.

Испанские корабли встретили в океане и захватили бальсовый плот, снабженный превосходными парусами из хлопка. Все, кто видел этот плот, не сомневались в том, что он

был продуктом развитой цивилизации. Судно плыло по торговым делам с целью обмена изделий инков на темно-красные раковины и кораллы. Поспешное донесение об этом плоте было отправлено королю Карлу I, который также являлся императором «Священной Римской империи» Карлом V. «Они везли много изделий из золота и серебра в виде личных украшений, <...> включая короны и диадемы, пояса и браслеты, латы для ног и нагрудники; щипцы и погремушки, нити и гроздья бисера и рубинов; зеркала, украшенные серебром, бокалы и другие сосуды для питья. Они везли много накидок из шерсти и хлопка и мавританские туники... и другие предметы одежды красного, малинового, голубого, желтого и других цветов, украшенные разнообразными вышитыми орнаментами с фигурами птиц, животных, рыб и деревьев. У них были крошечные весы, чтобы взвешивать золото... В мешочках для бусин находились небольшие камни: изумруды, халцедоны и другие драгоценные камни и кусочки хрусталя и камеди. Они везли все это, чтобы обменять на морские раковины белого и красного цвета...» Одиннадцать из двадцати человек, находившихся на плоту, прыгнули в море при попытке их захватить, а остальных шестерых лоцман Руис отпустил на берег. Но троих он предусмотрительно оставил, с тем чтобы, научившись испанскому языку, они стали переводчиками для завоевателей этой загадочной страны.

Руис присоединился к Писарро и повез экспедицию на юг, чтобы исследовать побережье Эквадора. Они приплыли к необитаемому острову Исла-дель-Гальо, острову Петуха, в устье реки Тумако. Это были бесплодные, с влажным климатом берега, изобилующие гибельными мангровыми болотами. Испанцы ужасно страдали. От голода и болезней умирало в неделю по 3–4 человека. Когда экспедиция уже потеряла значительную часть людей, отчаянный вопль о помощи от тех, кто уцелел, достиг губернатора Панамы. 29 августа 1527 года он начал всестороннее расследование и распорядился, чтобы любому, пожелавшему вернуться, была предоставлена такая возможность. Экспедиция продолжалась главным образом благодаря фанатической решимости Франсиско Писарро. На песке острова он провел линию и бросил своим людям вызов: кто хочет, пусть пересечет ее и останется с ним. Тринадцать смельчаков сделали это. Они остались с Писарро на острове и обеспечили продолжение экспедиции.

На следующий год упорство Писарро было вознаграждено. Он поплыл на юг только с горсткой солдат, имея своей целью лишь исследование, а не вторжение, для чего не было взято почти никакого оружия. Экспедиция вошла в залив Гуаякиль, и взорам открылся первый город инков Тумбес. Благородный инка посетил корабль, и испанец Алонсо де Молина сошел на берег с подарками: поросятами и курами. Высокий и стремительный грек Педро де Кандия высадился вместе с ним и подтвердил описание Тумбеса Молиной как города, в котором царит установленный порядок. Здесь наконец-то искатели приключений нашли развитую цивилизацию, которую они искали с таким пылом. Кандия сильно поразил воображение местных жителей, выстрелив в цель из аркебузы, но эта первая встреча между испанцами и инками была очень сердечной.

Писарро проплыл вдоль побережья Перу до реки Санта, как она и теперь называется. Две другие высадки на берег подтвердили важность открытия и необычность этой загадочной империи. Экспедиция вернулась с доказательствами. Это были ламы, керамические и металлические сосуды, прекрасная одежда и мальчики, которых предстояло обучить испанскому языку и сделать переводчиками. Люди из экспедиции Писарро мельком увидели краешек великой цивилизации, развивавшейся в течение веков в полной изоляции от остальной части человечества.

Исследователи были возбуждены своими открытиями и масштабом возможных завоеваний, но они не смогли вызвать энтузиазма у губернатора Панамы. Они решили послать Писарро назад в Испанию, чтобы заручиться одобрением короля и достать еще денег и людей. Король Карл хорошо принял Писарро в Толедо в середине 1528 года. Писарро

повезло, что его приезд совпал с возвращением Кортеса, который очаровал придворных дам щедрыми подарками из мексиканских сокровищ и был пожалован титулом маркиза и другими почестями. Кортес воодушевил Писарро; только благодаря этому бьющему через край восторгу от мыслей о будущем завоевании Мексики Писарро легко удалось завербовать жаждущих приключений молодых авантюристов в своем родном Трухильо-де-Эстремадура. Король Карл должен был покинуть Толедо, но 26 июля 1529 года королева подписала соглашение, в котором она разрешала Писарро открыть и завоевать Перу. Писарро был объявлен губернатором и генерал-капитаном Перу, Альмагро – комендантом Тумбеса, а Луке был назначен протектором индейцев, и в дальнейшем ему был обещан сан епископа Тумбесского.

Писарро отплыл из Севильи в январе 1530 года на кораблях, полных будущих завоевателей, среди которых были его единокровные братья Эрнандо, Хуан и Гонсало Писарро и Франсиско Мартин де Алькантара. В Панаме Диего де Альмагро выразил – по вполне понятной причине – решительное неудовольствие своим незавидным назначением согласно договору в Толедо. Он согласился продолжить предприятие только после того, как ему было обещано звание маршала и должность губернатора земель, лежащих за пределами владений Писарро.

Третья экспедиция Писарро отплыла из Панамы 27 декабря 1530 года, но по необъяснимой причине высадилась на побережье Эквадора, не достигнув Тумбеса. Потянулись тяжелые месяцы: утомительный поход вдоль тропического побережья, эпидемия бубонной чумы, остановка на мрачном острове Пуна в Гуаякильском заливе и многочисленные стычки с местными жителями. Самое серьезное столкновение произошло при попытке экспедиции пересечь на плотках залив от острова Пуна и высадиться на материке, на территории перуанских инков. Наконец, конкистадоры начали вторжение в империю инков, но они были еще в ее отдаленном уголке, далеко от ее сказочных городов и богатств. Тумбес, место обещанной епархии, находился в руинах, и не было видно никаких признаков присутствия там испанца, который предпочел остаться там на жительство. Местные жители сказали, что это разрушение произошло в результате междоусобной войны между инками.

Закончился 1531 год, и прошло уже несколько месяцев 1532 года с того дня, когда третья экспедиция покинула Панаму, но Писарро продвигался вперед с осторожностью. Он оставил Тумбес в мае 1532 года и отправился в район Поэчос на реке Чира. Следующие месяцы он провел в исследованиях пустынной северо-западной части Перу. Было потрачено несколько недель на то, чтобы переправить по морю часть людей из Тумбеса в Тангарару, на 120 миль к югу. Чтобы поднять дух людям Писарро, к ним приплыли корабли с подкреплением: закаленный в боях Себастьян де Беналькасар привез 30 человек из Никарагуа, а отважный Эрнандо де Сото прибыл еще с одним отрядом. Писарро убил местного вождя по имени Амотапе, очевидно, с целью запугать местных жителей этой отдаленной провинции. Затем он выбрал место для первого испанского поселения в этой чужой стране: в середине сентября небольшой церемонией было отмечено основание поселка Сан-Мигель-де-Пьюра недалеко от Тангарары. Около 60 испанцев остались жить в поселке, а Писарро стал поспешно продвигаться в глубь империи инков с крошечной армией, состоявшей из 62 всадников и 106 пеших солдат. Закончились месяцы колебаний.

24 сентября 1532 года отряд Писарро вышел из поселка Сан-Мигель. Десять дней он провел в Пьюре, ненадолго остановился в Саране (современный Серран), Мотуксе (Мотупе) и 6 ноября достиг Саньи. До сих пор испанцы оставались на прибрежной равнине, узкой пустынной полоске суши между Тихим океаном и Андами, но 8 ноября они решили повернуть в глубь страны и подняться в горы. Инки привыкли жить в горах, их легкие в ходе эволюции приобрели больший объем, чтобы можно было дышать разреженным воздухом. И хотя ими были завоеваны многие цивилизации, расположенные в жарких прибрежных

долинах, настоящая империя инков лежала вдоль горных цепей Анд, и именно там любой завоеватель должен был встретиться с инками лицом к лицу.

Сопутствуемые поразительным везением, испанцы из отряда Писарро вторглись в Перу именно в тот момент, когда война за престолонаследие была в самом разгаре. Когда несколько лет назад Писарро впервые плыл по Тихому океану, империей инков безмятежно правил один, почитаемый всеми, Великий Инка Уайна-Капак. Его владения простирались почти на 3 тысячи миль вдоль Анд, от Центрального Чили до юга современной Колумбии. Это больше, чем расстояние от Западного до Восточного побережья США, и больше, чем расстояние от Атлантического побережья Европы до Каспийского моря. Тихий океан омывал границы империи инков на западе, а леса бассейна Амазонки простирались на востоке, и инки пребывали в уверенности, что их империя поглотила почти весь цивилизованный мир.

В течение многих лет Уайна-Капак стоял во главе профессиональной армии империи, которая воевала с племенами на ее северных границах, в Пасто и Попаяне в Колумбии. Борьба была упорной, и военная кампания затягивалась. Инка и его приближенные давно уже не жили в Куско, столице империи, и Уайна-Капак подумывал о том, чтобы создать вторую столицу на севере, в Кито или Томебамбе. Именно во время этой военной кампании Уайна-Капаку впервые донесли о появлении высоких чужестранцев с моря. Но ему не было суждено увидеть европейцев. Его армию и двор внезапно охватила сильная эпидемия, и Уайна-Капак умер в горячечном бреду в период между 1525-м и 1527 годом. Возможно, болезнью была малярия, но могла быть и оспа. Испанцы привезли с собой оспу из Европы, и она неудержимо распространилась по Карибскому бассейну среди народов, не имевших к ней иммунитета. Она легко могла передаваться от племени к племени по всей Колумбии и настичь армию инков задолго до того, как сами испанцы приплыли к побережью. Эпидемия скосила большую часть приближенных Инки. В их число попал и вероятный наследник Уайна-Капака Нинан Куйучи. «Умерло и простого народа без счета».

Преждевременная смерть Великого Инки Уайна-Капака и его наследника создала неопределенную ситуацию. Наиболее вероятным преемником был сын Инки Уаскар, который принял бразды правления в столице Куско. Другой сын, Атауальпа, остался во главе имперской армии в Кито. Вероятно, он исполнял обязанности губернатора этой провинции от имени своего брата, хотя некоторые летописцы отметили, что умирающий Инка решил разделить огромную империю на две части, одну со столицей в Куско, а другую – в Кито. Мы никогда не узнаем правду о том, каким в действительности было завещание Инки. Известно лишь, что после нескольких лет спокойной жизни между двумя братьями вспыхнула междоусобная война. Некоторые испанцы вели в этом походе путевые заметки и дали различные объяснения причин этого конфликта в зависимости от личных симпатий тех местных жителей, которые их информировали. Будучи европейцами, испанцы изо всех сил старались доискаться, притязания кого из братьев, Уаскара или Атауальпы, на трон были самыми «законными». Но это было бесполезно, так как для инков право первородства не имело значения. Для них было важно только, чтобы новый Инка был королевской крови и мог править. Если старший или любимый сын, назначенный наследником, оказывался слабым или неспособным к управлению государством, то в ходе междоусобной войны или дворцового переворота его вскоре смещал более агрессивный брат. Большинство из 11 Инков, которые правили страной до этого времени, пришли к власти только после некоторой борьбы, в результате чего выдающиеся правители сменяли один другого.

Когда началась междоусобная война, Атауальпа обладал профессиональной армией, которая все еще вела бои на севере под командованием полководцев Чалкучимы, Кискиса и Руминьяви. Уаскару осталась верна большая часть его подданных. Всего за несколько лет отношения между двумя братьями развились в открытый конфликт. Народное ополчение Уаскара предприняло попытку вторгнуться в Кито, но после начального успеха было отбро-

шено на юг, через Анды, закаленными в боях регулярными частями, верными Атауальпы. Серия сокрушительных побед китонцев завершилась поражением и взятием в плен Уаскара в генеральном сражении у Куско. Многие народы империи считали одерживающих победы китонцев врагами и захватчиками, и профессионалы отвечали им жестокостью, которой они научились во время походов на север. Атауальпа подвергнул опустошению провинцию, где жило племя каньяри, в наказание за интриги его вождя. Полководец Кискис, захвативший Куско, вознамерился истребить всех членов семьи Уаскара, чтобы избавиться от любых других претендентов. Он отослал пленного Инку на север под сильной охраной. Чалкучима, верховный главнокомандующий Атауальпы, удерживал район в центральных Андах вместе с еще одной армией, находившейся в Хаухе, в то время как полководец Руминьяви был оставлен командовать войсками в Кито. Сам Атауальпа совершал триумфальное шествие на юг вслед за своими военачальниками.

Писарро начал свой поход вдоль перуанского побережья как раз тогда, когда эта яростная гражданская война подходила к концу. Его люди увидели достаточно свидетельств недавних боев. Тумбес был разрушен. Когда Эрнандо де Сото отправился в глубь страны на разведку, он достиг города Кахаса, «пребывавшего в руинах после сражений, которые вел Атауальпа. В горах на деревьях во множестве висели тела индейцев, потому что они не согласились сдаться: ведь все эти деревни изначально принадлежали Куско [Уаскару], которого они признавали своим господином и которому они платили дань».

Когда Писарро узнал о междоусобице, он тут же понял, как полезна она ему может оказаться. Двенадцатью годами раньше Кортес блестяще сыграл на сопернических разногласиях во время завоевания Мексики. Писарро надеялся сделать то же самое.

Другим исключительным совпадением было то, что лагерь победителя – Атауальпы – случайно оказался в горах у Кахамарки, недалеко от линии движения Писарро. Донесения достигли Атауальпы, как только испанцы высадились на материке. В них сообщалось, что они занимаются грабежами и жестоко обращаются с населением. Но Атауальпа был слишком поглощен междоусобной войной, чтобы особенно беспокоиться о передвижениях 150 чужестранцев. Он был полностью занят делами своей армии, оккупированием вновь завоеванной империи, планированием своей поездки в Куско и ожиданием донесений от своих военачальников с юга. Когда Писарро со своими людьми вышел из поселка Сан-Мигель, Атауальпа еще не знал, выиграл или проиграл полководец Кискис сражение за Куско. Но он послал одного из своих близких советников все разузнать про чужестранцев. Этот благородный инка прибыл в Кахас в то время, когда там находился разведывательный отряд Сото, и сразу же произвел на испанцев впечатление своей властью. Они отметили, что местный вождь «сильно испугался и встал, так как он не смел сидеть в его присутствии». А когда посланник прибыл в лагерь Писарро, «он вошел так непринужденно, как будто он воспитывался и всю жизнь провел среди испанцев. Выполнив свою дипломатическую миссию, он с охотой пробыл с нами два или три дня». В качестве подарков посланец Атауальпы привез фаршированных уток и два керамических сосуда в форме крепостей. Недоверчивые испанцы заподозрили, что утки, с которых была снята кожа, символизировали ту участь, которая ожидала захватчиков, а сосуды в виде крепостей должны были указать им на то, что впереди они увидят еще много крепостей на своем пути.

У посланника был также приказ доложить о численности и вооружении отряда Писарро. В течение двух дней он находился среди испанцев, ходил по лагерю, осматривая каждую деталь их вооружения, лошадей и ведя счет. Он попросил испанцев показать ему их мечи. «С этой целью он подошел к одному испанцу и коснулся рукой его бороды. Тот испанец ударил инку несколько раз. Когда дон Франсиско Писарро услышал об этом, он заявил, что никто не должен трогать этого индейца, что бы он ни делал». Посланник пригласил Писарро

проследовать в Кахамарку для встречи с Атауальпой. Писарро принял приглашение и послал Инке в подарок прекрасную голландскую рубашку и два кубка из венецианского стекла.

Небольшой отряд захватчиков повернул в глубь страны и, поднимаясь в Анды, оставил позади Тихий океан. Вероятно, испанцы шли по дороге инков, двигаясь вверх по течению реки Чонгойяпе. От песков прибрежной пустыни они дошли до плантаций сахарного тростника и хлопка. По мере того как они поднимались по предгорьям Анд, долина сузилась в каньон, склоны которого были покрыты полями и террасами. У истока реки Чанкай отряд Писарро, вероятно, повернул на юг и двинулся вдоль водораздела, пересекая безлесую саванну на высоте около 13 500 футов. Испанцы испытывали тревогу, возбужденные быстрой сменой высоты; вид укреплений и сторожевых башен инков, лежащих на их пути, лишил их покоя. Но Атауальпа решил позволить чужестранцам проникнуть в горы, и его воины не предпринимали ничего, чтобы задержать их продвижение.

Испанцам повезло, что Атауальпа решил не препятствовать их переходу через горы, так как они двигались по чрезвычайно пересеченной местности; этот регион и сейчас труднодоступен. Эрнандо Писарро писал: «Дорога была так плоха, что они легко могли бы захватить нас или там, или на другом перевале по пути в Кахамарку, так как мы не могли воспользоваться лошадьми на дорогах даже при известном умении, а сойти с дороги не могли ни кони, ни пешие солдаты». Эта оценка была разумной: спустя четыре года менее профессиональная армия инков уничтожила такой же по величине отряд в схожих условиях местности.

Наконец, в пятницу 15 ноября испанцы спустились с гор, и перед их глазами открылась долина Кахамарка. Это красивая плодородная долина всего несколько миль шириной, но она удивительно плоская, что очень редко встречается в Андах, где мир состоит из вертикалей, где почти все реки несутся по обрывистым каньонам, а ровная горизонтальная поверхность находится высоко, и это бесплодные почвы саванн. В наши дни в эвкалиптовых рощах долины Кахамарки пасутся коровы; ее гордость – шоколадная фабрика. Земля долины усеяна миллионами глиняных черепков, расписанных замысловатыми геометрическими узорами, относящимися к доинковскому периоду. А на пустынных склонах гор над городом пролегают причудливые каналы и видны непонятные рисунки, вырезанные на обнаженных скальных породах. Современная Кахамарка – это очаровательный испанский городок: здесь и домики с красными крышами, и замечательный собор, и прекрасные монастыри в колониальном стиле.

Писарро остановил своих людей у края долины, чтобы дождаться арьергарда, а затем четким маршевым строем, разбившись на три эскадрона, отряд двинулся вниз. Атауальпа приказал, чтобы его армия встала лагерем за пределами города. И армейские походные палатки усеяли склоны окрестных гор. «Лагерь индейцев выглядел как очень красивый город. Было видно так много палаток, что сердца наши поистине охватила тревога. Мы никогда не думали, что индейцы могут поддерживать порядок в таком большом лагере и так хорошо содержать свои владения. Ничего, подобного этому, мы здесь еще не видели. Это зрелище наполнило нас, испанцев, страхом и смятением. Но нам не подобало выказывать страх, а тем более поворачивать назад. Так как если бы они почувствовали в нас хоть малейшую слабость, то те же самые индейцы, которые сопровождали нас, убили бы нас. Итак, проведя тщательное наблюдение за городом и лагерем, мы спустились в долину и вошли в город Кахамарку, всячески показывая свое бодрое расположение духа».

Оказалось, что в самой Кахамарке на тот момент было только 400 или 500 человек из 2 тысяч ее жителей. На ее окраине за оградой был расположен храм Солнца и несколько зданий, предназначенных для священных дев. Эти избранные являлись частью официальной религии империи: поклонения солнцу. Стать одной из них было привилегией правящей верхушки инков. В юном возрасте девочек отбирали либо по их знатному происхождению, либо благодаря необычайной красоте. Затем их отправляли в закрытые школы при монастырях в

столицах провинций, таких, как Кахас или Кахамарка. В течение четырех лет эти избранные девушки, аклья, ткали тонкое полотно или занимались приготовлением чичи (кукурузного пива) для Инки, его жрецов и приближенных. Некоторые из них затем становились жрицами. Они сохраняли целомудрие, и их жизнь протекала в служении богу солнца и другим святыням. Других акल्या отдавали в жены благородным инкам или вождям племен, а самые красивые становились наложницами самого Инки.

Испанцы впервые увидели акल्या и жриц в «женском монастыре», когда Эрнандо Писарро проводил разведку в районе Кахаса. Легко себе представить, какое действие произвело на мужчин, которым приходилось обходиться без женщин месяцами, зрелище такого «монастыря», полного прекрасных девушек. Диего де Трухильо вспоминал, что «женщин привели на площадь, где их собралось больше пятисот. Капитан [Сото] отдал многих из них испанцам. Посланник Инки пришел в негодование и сказал: «Как вы смеете делать это, когда Атауальпа находится всего лишь в 20 лигах отсюда! Ни один из вас не останется живым!»

Франсиско Писарро собрал своих людей на площади Кахамарки, которая с трех сторон была окружена длинными постройками, в каждой из которых было по несколько дверей. Пошел град, и люди укрылись в пустых зданиях. Испанцы были полны опасений, но стремились вести себя корректно. Поэтому Писарро послал Эрнандо де Сото нанести визит Атауальпе. С ним отправились 15 всадников и Мартин, один из переводчиков, появившихся во время второго похода испанцев. Посланные должны были спросить Атауальпу, как он желает, чтобы чужестранцы разместились. Вскоре после отъезда Сото Эрнандо Писарро встревожился. Он объяснял: «Я пошел поговорить с губернатором, который отправился осмотреть город на тот случай, если индейцы нападут на нас ночью. Я сказал ему, что, по моему мнению, мы совершили ошибку, послав 15 лучших всадников... Если Атауальпа решится на что-то, эти пятнадцать не смогут защитить себя; а если их постигнет поражение, то это будет очень серьезная потеря. Поэтому губернатор приказал мне взять еще 20 всадников, стоявших наготове, и отправиться вслед, а там действовать, как я сочту нужным». К счастью для нас, среди посланных нанести визит Атауальпе испанцев в тот первый вечер нашлись такие, которые в своих дневниках оставили свидетельские отчеты об этом событии. Это были Эрнандо Писарро, Мигель де Эстете, Хуан Руис де Арсе, Диего де Трухильо и, возможно, Кристобаль де Мена и Педро Писарро.

От Кахамарки до резиденции Инки вела мощеная дорога длиной несколько миль. Атауальпа находился в небольшом здании, расположенном рядом с купальней, – горячие природные источники Коноха и по сей день все еще шипят и булькают. Испанцы с трепетом продвигались сквозь безмолвный строй армии инков. Им пришлось переправляться через две речки, так что основная часть всадников осталась у второго водного потока, а их военачальники поехали дальше, чтобы найти Атауальпу. «Над домом наслаждений... возвышались две башни. В нем было четыре зала и дворик посередине. В этом дворике был сделан бассейн, к которому были подведены две трубы: с горячей и холодной водой. Эти две трубы шли от источников... расположенных один возле другого. Бассейн предназначался для купания Инки и его женщин. У двери этого здания была лужайка, на которой он и находился вместе со своими женщинами». Наконец, наступил момент, когда первые испанцы должны были предстать перед лицом правителя Перу. «Это был великий властитель Атауальпа... о котором мы знали из донесений и о котором нам столько рассказывали». «Он сидел на небольшой, очень низенькой скамеечке, как обычно сидят турки или мавры, во всем своем величии, окруженный всеми своими женщинами и многими вождями. Еще раньше, не доезжая до него, мы видели другую группу вождей, и еще, и еще – и так далее, по старшинству».

Атауальпа носил королевские знаки отличия. Каждый знатный перуанец носил льяуту, то есть несколько шнуров, обвязанных вокруг головы. Но только у Инки с этого обода на голове спереди свешивалась бахрома. Она была сделана из «очень тонкой шерсти алого

цвета, очень ровно подстриженной и хитроумно скрепленной посередине маленькими золотыми зажимами. Шерсть была скручена в нити, но ниже зажимов она имела распушенные концы, и эта часть спадала на лоб... Эта бахрома была толщиной в дюйм. Она свешивалась до бровей и закрывала весь лоб». Из-за этой челки Атауальпа не поднимал глаз, и де Сото не смог добиться от него никакой реакции. «Эрнандо де Сото возвышался над ним на своем коне, но тот оставался неподвижным, не сделал ни малейшего движения. Сото подъехал так близко, что дыхание коня задевало бахрому, надетую на голову Инки. Но Инка так и не пошевелился. Капитан Эрнандо де Сото снял с пальца кольцо и подал его Инке в знак мира и дружбы со стороны христиан. Тот взял кольцо почти равнодушно». Сото выступил с заранее подготовленной речью, в которой назвал себя посланцем губернатора, и сообщил, что губернатор был бы счастлив лично предстать перед ним. От Атауальпы не последовало никакой реакции. Вместо него ответил один из вождей. Он сказал, что у Инки – последний день церемониального поста.

В этот момент появился Эрнандо Писарро и выступил с речью, схожей с речью Сото. Атауальпа, очевидно, догадался, что вновь прибывший был братом губернатора, так как он поднял глаза и начал говорить. Он сказал, что первое донесение о христианах он получил от Маркавильки, вождя из области Поэчос на реке Сурикари (в настоящее время – Чира), что находится между Тумбесом и Сан-Мигелем. Этот вождь «прислал мне сообщение о том, что вы плохо обращаетесь с вождями, надеваете на них цепи; и он прислал мне железный ошейник. Он сообщает, что сам он убил трех христиан и одну лошадь». Эрнандо Писарро запальчиво ответил ему на это: «Те мужчины в Сан-Мигеле были совсем как женщины. А одной лошади было бы достаточно, чтобы завоевать всю ту землю. Когда вы увидите нас в бою, вы поймете, какие мы воины». Чтобы смягчить ответ, Эрнандо Писарро стал говорить дальше. Он сказал Атауальпе, что «губернатор [Франсиско Писарро] относится к нему с искренней любовью; и если у него есть какой-либо враг, то стоит ему лишь сказать об этом [губернатору], и тот пошлет людей захватить этого человека». Атауальпа сказал, что в четырех днях пути обитает племя очень свирепых индейцев, с которыми он никак не может сладить: христиане должны отправиться туда и помочь его людям. «Я сказал ему, что губернатор пошлет 10 всадников, и этого будет вполне достаточно, а его воины понадобятся лишь для того, чтобы отыскать тех, кто спрятался. Он улыбнулся так, как будто был о нас невысокого мнения».

Атауальпа пригласил испанцев спешиться и отобедать с ним. Они отказались, и тогда он предложил им выпить. После некоторых колебаний – испанцы опасались быть отравленными – они согласились. Немедленно появились две женщины, неся золотые кувшины с национальным напитком из кукурузы, чичей, и испанцы церемонно выпили его вместе с Инкой. Солнце уже садилось, и Эрнандо Писарро попросил разрешения вернуться к своим. Инка захотел, чтобы один из испанцев остался с ним, но они сказали, что у них не было такого приказа. Поэтому они уехали, получив от Инки разрешение разместиться в трех домах на площади, оставив главную крепость для его собственной резиденции. Он также уверил их в том, чего они больше всего добивались: на следующий день он сам отправится в Кахамарку, чтобы встретиться с Писарро.

Во время встречи с испанцами Атауальпа «внимательно осматривал лошадей, которые, несомненно, понравились ему. Увидев это, Эрнандо де Сото вывел небольшого коня, который был выдрессирован вставать на дыбы, и спросил [Инку], не желает ли тот, чтобы он [Сото] проехался на этом коне по двору. Инка дал понять, что желает этого, и [Сото] какое-то время демонстрировал на коне разные маневры, сохраняя замечательную выправку. Конь разгорячился, и у него изо рта пошла пена. Инка этому немало удивился. Живость, с которой двигался конь, также произвела на него впечатление. Но у простых инков это вызвало еще большее восхищение, и они начали перешептываться. Воины из одного отряда отступили

назад, когда увидели приближающегося к ним коня. Все они заплатили за это своей жизнью в тот же вечер: Атауальпа приказал убить их всех, потому что они показали свой страх».

У испанцев теперь было время поразмыслить над серьезностью ситуации, в которой они оказались. «Между собой мы обсудили многие точки зрения относительно того, что нам следует делать. Все были охвачены страхом, так как нас было так мало и мы так далеко углубились в эту страну, что не могли надеяться ни на какое подкрепление... Все собрались у губернатора, чтобы решить, что делать на следующий день. Мало кто спал. С нашего наблюдательного пункта на площади хорошо были видны огни костров в военном лагере индейцев. Это было зрелище, вселяющее страх. Большинство огней находилось на склонах гор близко один к другому. Все это выглядело как небо, густо усеянное яркими звездами». Кристоаль де Мена вспоминал, как эта опасность разрушила все классовые различия между испанцами: «Не было различия между знатными и простолюдинами, между пешими солдатами и кавалеристами. Той ночью все несли караульную службу в полном вооружении. А наш старый добрый губернатор обходил посты, подбадривая людей. В тот день все были рыцарями».

Теперь испанцы осознали – впервые! – всю сложность своего положения после проникновения в эту империю. Они оказались отрезанными от моря многодневными переходами через труднодоступные горы. Вокруг них стояла победоносная армия в полном боевом порядке, численный состав которой Сото и Эрнандо Писарро оценили как 40 тысяч человек – «но они сказали так, чтобы ободрить людей, так как у него [Атауальпы] было более 80 тысяч». В добавление ко всему тут был страх перед неизвестностью, «так как испанцы не знали, как воюют эти индейцы, каков их боевой дух». Увидев самого Атауальпу, его дисциплинированную армию и жестокость, с которой велась недавняя междоусобная война, они не могли надеяться на дружелюбный прием в течение более или менее длительного времени.

Люди, которых возглавлял Писарро, были опытными, закаленными воинами. Многие из них приобрели свой опыт в завоевательных походах в Карибском бассейне, Мексике и Центральной Америке. Сам Писарро первый раз прибыл в Вест-Индию в 1502 году, и теперь, в свои пятьдесят с лишним лет, он был одним из самых богатых и влиятельных жителей Панама. Хотя он и не умел читать и был в прошлом бедным конюхом, его право командовать экспедицией никогда не ставилось под вопрос. Все трения, которые имели место, происходили между Диего де Альмагро, Эрнандо де Сото, Эрнандо Писарро и Себастьяном де Бенадькасаром. Другие члены экспедиции получили боевой опыт в Северной Италии и Северной Африке, в результате чего Испания заняла главенствующее место в Европе, а испанские солдаты стали для всех самыми страшными противниками. Даже самые молодые члены экспедиции – а большинству испанцев было за двадцать – компенсировали недостаток боевого опыта искусностью в военных упражнениях, смелостью и удалью. В феодальной структуре испанского общества амбициозный человек мог занять более высокое положение, только женившись на богатой наследнице или приняв участие в войне. Над этой экспедицией витал дух золотой лихорадки, в какой-то степени подкрепленный убежденностью в том, что это своего рода крестовый поход.

Несмотря на свой опыт, 150 человек из отряда Писарро оказались в безвыходном положении и пребывали в страхе и отчаянии. Все, что они могли решить в ту беспокойную ночь, – это пользоваться своими преимуществами и применять различную тактику, имевшую успех в Карибском бассейне. Они могли неожиданно напасть первыми и воспользоваться тем преимуществом, что противнику неизвестны их способы ведения боя. Их вооружение – лошади, стальные мечи и латы – значительно превосходило все, виденное ими до сих пор в Вест-Индии, хотя, что касается вооружения инков, испанцы не были столь уверены. Они помнили тактику, принесшую такой успех в завоевании Мексики: похищение главы государства. Они также могли попытаться нажить капитал на внутренних распрях в империи инков: Эрнандо Писарро уже предлагал Атауальпе услуги испанцев в борьбе с непокорными племенами.

Возможно, их самое главное преимущество заключалось в том, что они были абсолютно уверены в своей принадлежности к более развитой цивилизации и знали, что их цель – завоевание. Для индейцев же испанцы все еще были чужеземцами неизвестного происхождения с неопределенными намерениями.

Договорились, что губернатор Писарро решит, что следует предпринять, непосредственно исходя из обстановки, когда на следующий день, 16 ноября, Атауальпа прибудет в Кахамарку. Но при этом был тщательно разработан план неожиданного нападения и пленения Инки. «Губернатор указал на возвышение, на котором должен будет сидеть Атауальпа. Было решено заманить его туда ласковыми речами с тем, чтобы он потом приказал своим воинам вернуться в лагерь, так как губернатор опасался вступать в схватку, когда вокруг столько индейских воинов, а нас так мало». Нападение должно было произойти только в том случае, если его успех окажется возможным или если индейцы сделают что-либо угрожающее. Было еще два, более мирных, варианта. Атауальпу, возможно, удастся убедить совершить какой-нибудь акт политического или духовного повиновения. Или, если индейцы покажутся слишком сильными, испанцы могут поддерживать с ними видимость дружбы и надеяться на более благоприятный случай в будущем.

Площадь Кахамарки идеально подходила для осуществления плана испанцев. С трех сторон она была окружена низкими длинными зданиями, каждое длиной около 200 ярдов. В двух из них Писарро разместил три отряда кавалерии по 15–20 всадников в каждом под командованием лейтенантов: Эрнандо де Сото, Эрнандо Писарро и Себастьяна де Беналькаса. В каждом из этих зданий имелось около двадцати выходов на площадь, «как будто они специально были построены для этого». «Все, в том числе и всадники верхом на лошадях, должны были напасть из своих укрытий». Будучи неважным наездником, сам Писарро должен был оставаться в третьем здании с несколькими всадниками и 20 пешими воинами. Перед его отрядом стояла задача «захватить Атауальпу в плен при первом признаке того, что он что-то заподозрил».

Дороги вели из города на площадь. Они входили в нее между этими тремя зданиями. Группы пеших и конных испанцев были скрытно расположены на дорогах, чтобы отрезать пути к отступлению. Нижняя часть площади была ограничена длинной глиняной стеной, посредине которой возвышалась башня; войти в нее можно было лишь снаружи. За стеной лежала открытая равнина. Посреди площади, в ее более возвышенной части, находилась крепкая каменная постройка, которую испанцы считали своим фортом. По приказу Писарро остатки пехоты должны были охранять его ворота. Возможно, он призван был сыграть роль последнего прибежища. Внутри его расположился Педро де Кандия с «18 или 19 мушкетерами и 4 аркебузами». Выстрел из этих аркебуз был для испанцев сигналом к атаке.

Атауальпа не торопился совершить свою короткую поездку через равнину в Кахамарку. У него только что закончился пост, и в честь этого события, а также в честь победы его армии в сражении под Куско должно было состояться празднество. Утро прошло без каких-либо признаков движения из лагеря индейцев. Нервное напряжение среди испанцев нарастало. От Атауальпы прибыл уже знакомый им благородный инка с сообщением о том, что Атауальпа и его люди намереваются приехать вооруженными. «Губернатор ответил: «Скажите своему господину, чтобы он приезжал, <...> как он того пожелает. В любом случае я приму его как друга и брата». Гонец, который прибыл позже, сообщил, что индейцы будут безоружны. Испанцы усмотрели в этом знамение Божие и вручили себя Господу, моля его не оставлять их. Наконец, в полдень армия Атауальпы пришла в движение, и «вскоре вся равнина была полна перестраивающимися воинами, ожидающими появления Инки». Испанцы не были видны в своих зданиях-укрытиях, имея приказ не высовываться, пока не прозвучит артиллерийский сигнал. Молодой Педро Писарро вспоминал: «Я видел, как многие испанцы писались от ужаса, не замечая этого».

Было ясно, что Атауальпа решил превратить свою поездку к необычным чужеземцам в церемониальное шоу. «У всех индейцев на головах были надеты, как короны, большие золотые и серебряные диски. Очевидно, все они были в своих парадных одеждах». «Впереди шел отряд индейцев, одетых в клетчатые, похожие на шахматную доску ливреи. По мере своего продвижения они подбирали с земли солому и подметали дорогу». «Они указывали руками на землю, чтобы убрать все, что попадалось на пути, – это едва ли было необходимо, так как городские жители содержали дороги в чистоте... Они пели песню, которая всем нам, кто ее слышал, показалась не лишенной мелодичности».

Напряженность возрастала, когда Атауальпа остановился в полумиле от города. Дорога была все еще полна людей, а новые воины продолжали выходить из лагеря. Произошел еще один обмен гонцами. Воины Атауальпы начали ставить палатки, так как близился вечер. Атауальпа повелел передать, что он намерен остаться там на ночь. Этого Писарро хотел меньше всего, потому что испанцы особенно боялись нападения ночью. Отчаявшись, Писарро послал одного Эрнандо де Алдано «сказать Инке, чтобы он пришел на площадь и встретился с ним до наступления ночи. Когда гонец прибыл к Атауальпе, он поклонился и сказал ему с помощью знаков, «что ему нужно поехать туда, где находится губернатор». Он уверил Инку, «что ему не нанесут ни вреда, ни оскорбления, поэтому он может ехать не боясь – правда, Инка и не выказывал никакого страха».

Атауальпа уступил. Солнце уже было совсем низко, когда он продолжил свое движение в город. Большую часть своих вооруженных воинов он оставил на равнине, а с собой «взял 5 или 6 тысяч невооруженных человек, при которых были только боевые топоры, пращи и мешочки с камнями под туниками». Вслед за передовым отрядом «на очень красивом паланкине, украшенном серебром, появился сам Атауальпа. Восемьдесят индейцев благородного происхождения, одетых в богатые голубые одежды, несли его на своих плечах. Сам он был очень богато одет: на его голове была корона, а на шее – ожерелье из крупных изумрудов. Он восседал на роскошной подушке, положенной на небольшую скамеечку, установленную на паланкине. Когда паланкин достиг середины площади, они остановились; Атауальпа был виден наполовину». «Паланкин был украшен разноцветными перьями попугаев, пластинами из золота и серебра... За ним прибыли еще два паланкина и два гамака, в которых ехали другие важные персоны. Затем появились отряды воинов в головных уборах из золота и серебра. Как только первые отряды вошли на площадь, они расступились, чтобы дать дорогу остальным. Когда Атауальпа достиг центра площади, он сделал знак всем остановиться. При этом паланкины, в которых путешествовал он и его спутники, остались высоко поднятыми. Воины продолжали прибывать на площадь. Вперед вышел военачальник и пошел к форту посреди площади, в котором находилась артиллерия», и «в некотором смысле овладел им, водрузив знамя, укрепленное на копье». Это был королевский штандарт Атауальпы с изображением его личного герба.

Первая встреча Атауальпы и Эрнандо Писарро

Атауальпа был удивлен, не видя вокруг испанцев. Позже он признался, что подумал, будто они все в страхе попрятались при виде его великолепной армии. «Он позвал: «Где же они?»» Тогда из здания, в котором скрывался губернатор Писарро, появился монах-доминиканец Висенте де Вальверде в сопровождении переводчика Мартина». «Он шел с крестом в одной руке и молитвенником в другой мимо отрядов воинов и остановился перед паланкином Атауальпы».

Разные очевидцы этого события дали незначительно отличающиеся друг от друга версии того, какой разговор состоялся между Вальверде и Атауальпой. Большинство из них сошлись на том, что священник стал приглашать Инку войти в здание, чтобы побеседовать и отобедать с губернатором. Руис де Арсе объяснил, что это приглашение было сделано с целью «отдалить его от его воинов». Атауальпа не принял приглашения. Он сказал Вальверде, что не двинется вперед, пока испанцы не возвратят все, что они украли или уничтожили с момента своего появления в его империи. Возможно, эти невыполнимые требования были казус белли, то есть формальным поводом к объявлению войны и началу военных действий.

Вальверде начал объяснять, что он является священником и исповедует христианскую религию, и продемонстрировал «вещи Бога». Он также сказал, что послан своим императором открыть христианскую религию Атауальпе и его народу. На самом деле Вальверде действовал согласно известному «Требованию», весьма необычному документу, который, согласно приказу королевского совета, необходимо было оглашать во время любого завоевательного похода, прежде чем прибегать к кровопролитию. По словам священника, учение, о котором он говорил, содержится в том католическом требнике, который он держит в руке. «Атауальпа велел передать ему книгу для осмотра. Священник передал ему книгу в закры-

том виде. Атауальпа не смог сам раскрыть ее, и монах протянул руку, чтобы помочь. Но Атауальпа ударил его по руке с большим презрением, не желая, чтобы тот раскрыл ее. Он сам продолжил попытки раскрыть ее и раскрыл. На мой взгляд, на него произвело большее впечатление само начертание букв, нежели смысл написанного. Он пролистал книгу, восхищаясь ее формой и внешним видом. Но потом он сердито бросил ее наземь под ноги своим воинам, при этом лицо его побагровело». «Мальчик, который исполнял роль переводчика и переводил весь этот разговор, бросился, чтобы достать книгу, и отдал ее священнику».

Наступил критический момент. Серес и Эрнандо Писарро написали, что Атауальпа встал в полный рост на своем паланкине, приказывая своим воинам быть наготове. Священник Висенте де Вальверде вернулся к Писарро чуть ли не бегом, призывая к бою. Согласно записям Мены, он кричал: «Выходите! Выходите, христиане! Нападайте на этих собак, которые отвергают Бога! Этот вождь бросил на землю мою священную книгу!» Согласно записям Эстете, он крикнул Писарро: «Разве вы не видели, что случилось? Зачем проявлять вежливость и раболепие перед этим исполненным гордыни псом, когда на равнине полно индейцев? Начинайте немедленно, я отпускаю вам этот грех!» А Трухильо услышал: «Ваша честь, что вы собираетесь делать? Атауальпа превратился в Люцифера!» Для Муруа это звучало так: «Христиане! Евангелие Божье – на земле!» Хуан Руис де Арсе просто написал, что Вальверде вернулся «рыдая и призывая Бога».

Писарро выпустил засаду по условному сигналу. Он «дал сигнал артиллеристу [Педро де Кандия] выстрелить из пушек в середину толпы. Он выстрелил из двух, больше он выстрелить не смог». Испанцы в латах и кольчугах направили своих коней прямо в гущу невооруженных людей, толпившихся на площади. Зазвучали трубы, и испанцы испустили свой боевой клич «Сантьяго!». «Все они привязали к своим лошадям погремушки, чтобы устрашить индейцев... Грохот выстрелов, звуки труб, топот лошадей, треск погремушек привели индейцев в смятение, и началась паника. Испанцы обрушились на них и стали убивать». «Они настолько были объаты страхом, что лезли друг на друга, образуя кучи и давя друг друга». «Всадники, наседая, топтали их лошадьми, нанося раны и убивая». «А так как индейцы были безоружны, то они не представляли никакой опасности для христиан, обращавших их в бегство».

«Губернатор надел защитный китель из плотного стеганого хлопка, вооружился мечом и кинжалом и врзался в гущу индейцев вместе с другими испанцами. С великой отвагой <... > он достиг паланкина Атауальпы. Он бесстрашно схватил Инку за левую руку и закричал: «Сантьяго!»... но он не мог стянуть его с паланкина, который стоял высоко. Все, кто нес паланкин Атауальпы, оказались знатными людьми, и все они погибли, равно как и те, которые приехали на других паланкинах и в гамаках». «У многих индейцев были отрублены кисти рук, но они продолжали поддерживать паланкин своего повелителя плечами. Но их усилия были бесполезны, так как всех их все равно убили». «Несмотря на то что испанцы убивали тех индейцев, которые несли паланкин, на место убитых немедленно приходили новые, чтобы поддерживать его. И так продолжалось довольно долго, пока один из испанцев, измотанный схваткой, не замахнулся на Инку кинжалом, чтобы убить его. Но Франсиско Писарро парировал удар, и от этого испанец, покушавшийся на Атауальпу, ранил губернатора в руку... Подскакали 7 или 8 конных испанцев, ухватились за край паланкина, подняли его и перевернули паланкин на бок. Так Атауальпа был взят в плен, и губернатор увел его с собой в то помещение, в котором он размещался». «Все те индейцы, которые несли паланкин, и те, которые его [Инку] сопровождали, так и не покинули его: все они погибли вокруг него».

Тем временем ужасная резня продолжалась на площади и за ее пределами. «Они пришли в такой ужас при виде губернатора в гуще толпы, при неожиданных звуках артиллерийской стрельбы и ворвавшейся кавалерии – а этого они никогда еще не видели, – что, охвачен-

ные паникой, они больше думали о том, как убежать и спасти свою жизнь, чем об оказании сопротивления». «Они не могли спастись бегством все сразу, так как ворота, через которые они вошли, были небольшими. Поэтому они не могли убежать в неразберихе. Когда задние ряды увидели, как далеко они находятся от дороги к спасению, 2 или 3 тысячи индейцев бросились на участок стены и свалили ее. За этой стеной была равнина, потому что с той стороны не было построек». «Они сломали участок стены 15 футов длиной, 6 футов толщиной и высотой в рост человека. Многие всадники бросились за ними». «Пешие солдаты с такой скоростью расправлялись с оставшимися на площади индейцами, что через короткое время большинство из них были преданы мечу... При этом ни один индеец не поднял оружие против испанцев».

Кавалеристы перемахнули через разрушенную стену и вырвались на равнину. «Все кричали: «За этими, в ливреях! Не давайте никому скрыться! Колите их копьями!» Остальные воины, которых Атауальпа привел с собой, находились на расстоянии четверти лиги [1 миля] от Кахамарки и были готовы к бою, но ни один индеец не двинулся с места». «Когда отряды воинов, остававшихся на равнине за пределами города, увидели бегущих и орущих людей, большинство из них дрогнули и бросились бежать. Это было необыкновенное зрелище, так как вся долина длиной 4 или 5 лиг была полностью заполнена людьми». «Это была равнина с расположенными на ней полями... Много индейцев было убито. Ночь уже спустилась, а кавалеристы все продолжали скакать по полям и пронзать копьями индейцев. И тогда трубач дал сигнал всем вернуться в лагерь. По приезде мы пошли поздравить губернатора с победой».

«В течение двух часов – столько времени оставалось от светлого времени суток – все войска были уничтожены... В тот день на равнине полегло 6 или 7 тысяч индейцев, у многих были отрублены руки или имелись иные раны». «Сам Атауальпа признал, что мы убили 7 тысяч его воинов в том бою». «Убитый человек на одном из паланкинов был его дворецким (правитель Чинчи), которого Атауальпа очень любил. Другие также были повелителями над многими людьми и его советниками. Вождь, который правил Кахамаркой, погиб. Погибли и другие военачальники, но их было так много, что их невозможно всех перечислить. Ведь все, кто пришел с Атауальпой в качестве личной охраны, были великими вождями. Было поразительно, что такого великого правителя взяли в плен так быстро, учитывая, что он привел с собой такую огромную армию. Племянник Атауальпы писал, что испанцы убивали индейцев, как мясники забивают скот. Одна только скорость, с которой производились убийства, была ужасающая, даже если считать, что много индейцев было затоптано или задавлено или что оценка числа погибших была завышена. Каждый испанец в течение этих двух ужасных часов зверски убил в среднем 14–15 беззащитных индейцев».

Атауальпу оттеснили от места побоища его подданных и поместили под сильной охраной в храме Солнца на окраине Кахамарки. Некоторая часть кавалерии продолжала патрулировать город на тот случай, если 5 или 6 тысяч индейцев, которые укрылись наверху в горах, попытаются напасть ночью. А в то время, когда тысячи тел индейцев грудami лежали на площади, победители уделяли самое пристальное внимание своему пленнику. «Губернатор пошел в свое жилище вместе с Атауальпой. Он избавил его от одежды, которую испанцы разорвали, когда тащили его с паланкина, <...> приказал принести местную одежду и велел его одеть... Затем они пошли ужинать, и губернатор усадил Атауальпу за стол вместе с собой, хорошо с ним обращался, и ему прислуживали точно так же, как и губернатору. Затем губернатор приказал, чтобы ему [Инке] дали тех женщин, которых он пожелает, из числа захваченных в плен, для того чтобы они прислуживали ему; он также приказал, чтобы для него приготовили постель в той же комнате, где спал сам губернатор».

Вся эта забота сопровождалась речами, сказанными удивительно покровительственным тоном. «Мы вошли к Атауальпе и увидели, что он был охвачен страхом, думая, что мы

собираемся его убить». «Губернатор <... > спросил Инку, почему он такой грустный, так как ему не следует печалиться... В каждой стране, куда мы, христиане, приходили, были великие правители, и мы сделали их своими друзьями и вассалами нашего императора как мирными путями, так и посредством войны, поэтому он не должен чувствовать себя потрясенным, попав к нам в плен». «Атауальпа спросил, собираются ли христиане его убить. Они ответили ему, что нет, так как христиане убивают под влиянием порыва, но не после».

Как милости Атауальпа попросил у губернатора разрешения поговорить с кем-нибудь из его людей, которые могли оказаться в плену. «Губернатор немедленно приказал привести двоих знатных индейцев, которые попали в плен в ходе сражения. Инка спросил у них, много ли воинов погибло. Они ответили ему, что вся равнина покрыта их телами. Затем он попросил передать оставшимся воинам, чтобы они не спасались бегством, а пришли служить ему, так как он жив, но находится во власти христиан... Губернатор спросил переводчика, что он сказал, и переводчик передал ему все вышесказанное».

Испанцы немедленно задали напрашивающийся вопрос: почему Атауальпа, правитель с таким опытом и властью, попал в такую явную ловушку? Ответ был абсолютно ясен. Инка составил совершенно ошибочное мнение о своих противниках и недооценил их. И Марка-вилька, вождь из Поэчоса, и благородный посланник, который провел два дня с захватчиками, видели испанцев, когда те были организованы в наименьшей степени. По словам Атауальпы, «они сказали ему, что христиане не были воинами и что их лошади расседланы ночью, что если ему [благородному Инке] дать 200 индейцев, то он мог бы повязать их всех. [Атауальпа сказал] что этот инка и этот вождь <...> обманули его».

Инка признался в том, какая судьба была уготована чужеземцам. «С полуулыбкой он ответил, что <...> он намеревался взять в плен губернатора, но случилось все наоборот, и по этой-то причине он и был так печален». «Он рассказал о своих великих замыслах, что стало бы с испанцами и лошадьми... Он решил взять жеребцов и кобыл, чтобы заняться их разведением, так как они восхищали его больше всего; некоторых испанцев должны были бы принести в жертву богу солнца, а остальных – кастрировать и использовать в качестве дворцовой челяди и для охраны его женщин». Нет причин сомневаться в его словах. Атауальпа, возбужденный победой в гражданской войне, мог позволить себе поиграть в кошки-мышки с необыкновенными чужеземцами, которые пришли из какого-то другого мира прямо в гущу его армии. Он не мог даже допустить, что при всех столь благоприятно складывающихся для него обстоятельствах испанцы нападут первыми. А также он не мог представить себе, что нападение будет спровоцировано и произойдет без предупреждения и даже раньше, чем он встретится с губернатором Писарро.

Сами испанцы действовали, подстегиваемые ужасом и отчаянием, и едва могли поверить в ошеломляющий успех, который имела их засада. «Поистине это не было совершено нашими собственными силами, так как нас было так мало. Это случилось по воле Бога, велики милости Его».

Глава 2

Атауальпа – пленник

На следующее утро воодушевленные испанцы развили свой военный успех, быстро и умело закрепляя его результаты. Эрнандо де Сото с 30 всадниками в боевом порядке поехал осматривать лагерь Атауальпы. Великая армия индейцев все еще находилась там: «... лагерь был полон народу, как будто никаких потерь и не было». Но ни один из потрясенных воинов не оказал никакого сопротивления. Вместо этого военачальники различных подразделений изображали крестное знамение в знак того, что они сдаются: Писарро велел Атауальпе проинструктировать их насчет этого. Сото вернулся в Кахамарку до полудня, «с ним прибыли мужчины, женщины, ламы, золото, серебро, одежда. Губернатор повелел отпустить всех лам, так как их было так много, что они заполонили весь лагерь: христиане и так могли каждый день убивать их столько, сколько им было нужно. Что же касается собранных индейцев, <...> губернатор приказал привести их всех на площадь, с тем чтобы христиане могли отобрать некоторых и взять их к себе в услужение... Некоторые придерживались того мнения, что всех воинов нужно убить или отрубить им руки. Губернатор не соглашался. Он сказал, что нехорошо совершать такую большую жестокость». «Все войска были собраны, и губернатор велел им возвращаться по домам, так как он не собирался причинять им никакого вреда... Таково было и повеление Атауальпы». «Многие из них ушли, и мне показалось, что осталось не больше 12 тысяч индейцев». «А тем временем испанцы в лагере заставили индейцев-пленников убрать с площади мертвых».

Вторжение в Перу было уникальным по многим причинам. Военные действия предшествовали мирному проникновению: никакие торговцы или исследователи никогда не бывали раньше при дворе Инки, и не было никаких рассказов путешественников о его великолепии. Первое впечатление европейцев от величия Инки совпало с его свержением. Завоевание началось с полного разгрома индейской армии. Теперь перуанцы были не только разделены своей междоусобной войной, но и остались также без правителя. И вот что усугубляло их смятение: их Инка продолжал управлять страной и раздавал приказы как единоличный властитель, находясь в плену.

Инка Атауальпа в плену у испанцев

Атауальпа был умным человеком, и он сразу же стал действовать так, чтобы постараться выпутаться из почти безвыходного положения. Он заметил, что испанцев, как оказалось, интересовали только драгоценные металлы. Люди из отряда Сото увезли с собой все золото и серебро, которое они смогли найти в лагере Инки. Его качество превысило все самые смелые надежды конкистадоров: золотая лихорадка уже ослепила их. Из военного лагеря инков один только Сото привез «80 тысяч песо [золота], 7 тысяч марок серебра и 14 изумрудов. Золото и серебро было в виде фигурок, больших и маленьких блюд, мисок, кувшинов, кружек, больших сосудов для питья и в виде различных других предметов. Атауальпа сказал, что все это – остатки той посуды, которая подавалась к его столу, и что убежавшие индейцы унесли с собой значительно большее ее количество». Атауальпа заметил этот интерес и пришел к заключению, что он может купить себе свободу с помощью большого количества этих металлов. Он все еще не мог допустить и мысли, что эти непредсказуемые 170 человек были лишь острием копья широкомасштабного вторжения, – и испанцы не собирались выводить его из этого заблуждения. «Он сказал губернатору, что прекрасно знает, чего они ищут. Губернатор ответил ему, что его воины ищут не что иное, как золото для себя и своего императора».

И тогда Инка предложил свой знаменитый выкуп. «Губернатор спросил его, сколько [золота] он даст и как скоро. Атауальпа сказал, что он наполнит золотом комнату. Комната имела в длину 22 фута, в ширину 17 футов и должна была быть наполнена золотом до белой линии, на такую высоту, до которой он мог дотянуться. Линия, о которой он говорил, вероятно, была на высоте 1,5 эстадо [свыше 8 футов]. Он сказал, что до этого уровня он наполнит комнату различными предметами, сделанными из золота, – вазами, кувшинами, плитками и т. д. Он также пообещал дважды наполнить эту комнату серебром. И все это будет сделано

за два месяца». Испанцы были ошеломлены этим неожиданным предложением. «Конечно, это было очень щедрое предложение! Когда он сделал его, губернатор Франсиско Писарро – по совету своих военачальников – вызвал секретаря, чтобы записать предложение индейца как его официальное обязательство».

Комната, описанная Сересом, секретарем Писарро, имела объем около трех тысяч кубических футов, или 88 кубических метров. Сейчас посетителям Кахамарки показывают комнату большей площади и объема в аккуратном доме каменной кладки, расположенном на одной из узких улочек на склоне горы выше главной площади. Эту комнату больших размеров стали показывать туристам с XVII века. Местный индейский вождь привел туда Антонио Васкеса де Эспинозу в 1615 году и сказал ему, что «комната остается и останется нетронутой в память об Атауальпе». Эта комната, вероятно, была частью храма Солнца и, возможно, камерой, в которой содержали Атауальпу.

Первоначально Атауальпа выступил со своим предложением, чтобы спасти свою жизнь, «потому что он боялся, что испанцы убьют его». Писарро мог бы убить Атауальпу, но он, очевидно, понимал его ценность как заложника и очень старался взять его в плен живым. Писарро с облегчением увидел, что индейские вожди все еще подчиняются Атауальпе, находившемуся в плену, и, естественно, был очень доволен, узнав, что такой фантастический выкуп будет доставлен прямо в лагерь испанцев. Он с готовностью принял предложение Атауальпы. «Губернатор пообещал возвратить ему свободу при условии, что он не совершит измены» и «дал ему понять, что он сможет вернуться в Кито, на те земли, которые достались ему по завещанию отца».

И снова испанцы обвели Инку вокруг пальца. Искушая его перспективой возвращения в свое королевство в Кито, они превратили Атауальпу в добровольного заложника, даже в коллаборациониста. Его жизнь стала для них гарантией, а приказы, которые отдавал Инка, казалось, одобряли их присутствие. Писарро и его людям нужно было время, чтобы послать весть о своем невероятном успехе своим соотечественникам в Панаме, чтобы получить подкрепление, с которым можно было бы углубиться в территорию Перу. Чем больше времени потребовалось бы Атауальпе, чтобы собрать выкуп, тем лучше было бы для Писарро. Обеим сторонам оставалось только ждать: испанцам – прибытия подкрепления и золота, а Атауальпе – уплаты выкупа, возвращения ему свободы и отъезда ненавистных чужестранцев.

В течение месяцев, проведенных в Кахамарке, испанцы имели возможность наблюдать за своим высокородным пленником. «Атауальпа был мужчиной тридцати лет от роду, с приятной внешностью и манерами, несколько склонный к полноте. У него было крупное лицо, красивое и жестокое, глаза его наливались кровью. Говорил он важно, как и подобает великому правителю. Его высказывания были очень живыми: когда испанцы поняли их, им стало ясно, что он мудр. Он был жизнерадостным, хотя и грубоватым. Когда он разговаривал со своими подданными, он был резок и демонстрировал свое недовольство». Гаспар де Эспиноза написал императору то, что он слышал об уме Атауальпы: «Он самый образованный и одаренный из всех виденных здесь нами индейцев; он с таким увлечением изучает наши обычаи, что уже хорошо играет в шахматы. Пока этот человек в нашей власти, в стране царит спокойствие».

Великая удача испанцев была в том, что в их руках находился правитель, чья абсолютная власть не ставилась под вопрос. Единственным ограничением власти Инки был древний обычай и традиция править милосердно. Отец Атауальпы Уайна-Капак и его предшественники на королевском троне прилагали немалые усилия для обеспечения благосостояния и счастья своих подданных. Престиж Инки был высок благодаря утверждению, что он потомок солнца, с которым, как все считали, он был в неразрывной связи. Это отождествление с самой мощной силой, влияющей на жизнь людей, было обычным для правителей в разные исторические эпохи – особенно заметным в Египте и Японии, – результатом чего было

поклонение Инке в течение всей его жизни. К периоду правления Атауальпы божественный статус Инки укрепился потому, что он был постоянно окружен защитной ширмой из женщин, а также благодаря тому, что в личном обиходе он пользовался исключительно самыми изящными предметами. «Одна сестра прислуживала ему в течение восьми или десяти дней, и в качестве таких сестер ему служили многие дочери вождей... Эти женщины были с ним постоянно, прислуживая ему, так как ни один индеец-мужчина не мог войти к нему... Эти вожди и сестры, которые считались женами, носили очень тонкую, мягкую одежду, такую же, как и их родственники... [Атауальпа] надел свой плащ себе на голову и застегнул его под подбородком, пряча свои уши. Он сделал это, чтобы скрыть, что одно ухо сломано, так как когда воины Уаскара схватили его, они поранили ему ухо». Годы спустя сестра Атауальпы Инес Юпанки писала, что «жены Атауальпы пользовались таким большим уважением, что никто не смел даже смотреть им в лицо. Если они делали что-то неподобающее, их немедленно убивали; это относилось и к любому индейцу, вышедшему по отношению к ним за рамки дозволенного».

Педро Писарро с неослабевающим интересом наблюдал за теми ритуалами, которые совершались вокруг Инки каждый день. Когда Атауальпа ел, «он восседал на деревянной скамеечке немногим более пяди [9 дюймов] в высоту. Эта скамеечка была сделана из очень красивой древесины красноватого цвета, и ее всегда покрывал коврик искусной работы, даже когда Инка сидел на ней. Женщины приносили ему еду и ставили ее перед ним на тонкие зеленые побеги тростника... Они ставили все сосуды из золота, серебра и глины на этот тростник. Он указывал на то, чего бы ему хотелось, и это ему подносили. Одна из женщин брала это блюдо и держала в руке, пока он ел. Так он ел, когда я однажды присутствовал при этом. Кусочек еды поднесли ему ко рту, и одна капля упала на его одежду. Подав руку индианке, он встал и ушел в свою комнату, чтобы переодеться, и вернулся, одетый в темно-коричневую тунику и плащ. Я подошел к нему и потрогал плащ, который на ощупь был мягче шелка. Я спросил у него: «Инка, из чего делают одежды, мягкие, как эти?» <...> Он объяснил, что их делают из кожи летучих мышей-вампиров, которые летают ночью в Портовехо и Тумбесе и кусают индейцев».

В другом случае молодого Педро Писарро взяли осмотреть королевский склад кожаных сундуков. «Я спросил, что находится в этих сундуках, и [индеец] показал мне несколько сундуков, в которых они хранили все, до чего Атауальпа дотрагивался руками, и одежду, которую он уже больше не носит. В некоторых сундуках лежал тростник, который клали ему под ноги во время его трапез; в других – кости животных и птиц, которых он съел <...>; в третьих – сердцевинки початков кукурузы, которые он держал в руках. Короче говоря, все, к чему он прикасался. Я спросил, зачем они хранят все это. Они мне ответили: для того, чтобы сжечь. Все, к чему прикасались правители, а они были сыновьями солнца, должно было быть сожжено, превращено в пепел и развеяно по ветру, так как никому не было дозволено прикасаться к этим вещам».

«Эти индейцы благородного происхождения спали на земле на больших матрасах из хлопка. У них были большие шерстяные одеяла, чтобы укрываться... Во всем Перу я не видел ни одного индейца, который мог бы сравниться с Атауальпой в жестокости или масштабах власти».

Низкопоклонство, окружавшее Атауальпу, могло доходить до крайностей. Хуан Руис де Арсе вспоминал, что «он не сплевывал на землю, когда откашливался: какая-нибудь женщина протягивала руку, и он сплевывал в нее. Женщины снимали каждый волос, который падал на его одежду, и съедали его. Мы поинтересовались, почему он сплевывал таким образом, [и узнали, что] он делал это, потому что он такого высокого происхождения. А с волосами все это объяснялось тем, что он очень боялся колдовства: он приказал женщинам съедать свои волосы, чтобы его не заколдовали».

Эта тщательно культивируемая аура божественности помогала поддерживать абсолютную власть Инки как правителя, и самоуверенный Атауальпа полностью использовал свои огромные возможности. Близкие к нему вожди продолжали видеть в нем своего главу, и он руководил ими, находясь в плену у испанцев. «Когда вожди этой провинции услышали о приезде губернатора и пленении Атауальпы, многие из них пришли с миром, чтобы увидеть губернатора. Некоторые из этих касиков имели до 30 тысяч индейцев в подчинении, но все они были подданными Атауальпы. Когда они предстали перед ним, они оказали ему знаки величайшего почтения, целуя его ноги и руки. Он принял их, даже не взглянув на них. Стоит отметить достоинство Атауальпы и безграничную покорность, которую все они проявляли по отношению к нему». «Он вел себя с ними как истинный король, оставшийся в плену после поражения не менее величественным, чем до этих испытаний». «Я помню, как правитель Уайласа попросил у него разрешения съездить в свои владения, и Атауальпа позволил ему, но дал ограниченное время, за которое тот должен был съездить и вернуться. Он отсутствовал немного дольше. Я присутствовал при его возвращении, когда он прибыл с фруктами, привезенными в подарок [Атауальпе] из своей провинции. Но как только он предстал перед Инкой, он начал так сильно дрожать, что не мог стоять. Атауальпа немного приподнял голову и, улыбаясь, сделал ему знак уйти».

Обожествление и прославление Инки были неотъемлемыми столпами, на которых покоилось управление такой огромной империей. Всего лишь за век до появления испанцев инки представляли собой ничем не примечательное горное племя, обитавшее только в долине Куско. Приблизительно в 1440 году на них напало и почти завоевало соседнее племя чанка, но они защищались и выиграли главное сражение на равнине выше Куско. После этого успеха племя взяло курс на безудержную экспансию. Из правящей династии вышла череда Великих Инков, в которых неутолимая жажда завоеваний сочеталась с военным талантом и способностью управлять. Инки инстинктивно перенимали самые успешные методы колониального и тоталитарного режимов. Везде, где возможно, они избегали кровопролития, предпочитая присоединять к своей империи новые племена мирными путями. Но их прекрасно дисциплинированная армия могла в случае необходимости продемонстрировать свою опустошающую эффективность. Они ввели в империи официальный культ солнца и заявили, что Инка и вся королевская семья являются потомками солнца. Членам самой семьи позволялось знать, что эта связь с солнцем покоилась на обмане: их предок, Манко-Капак, использовал блестящие доспехи, которые отражали солнечные лучи, и поэтому в храме Солнца в Куско по аналогии с этим золотой диск тоже ловил отраженные солнечные лучи.

Члены королевской фамилии занимали все важные административные посты по всей империи. Сразу же после них шла каста индейской аристократии, представителей которой можно было отличить по золотым серьгам в виде колец или дисков, которые они носили в мочках ушей, – из-за них испанцы прозвали их «орехонами», или «большими ушами». Орехоны занимали менее высокие должности. Инки правили добросовестно, но также пользовались всеми имевшимися в их распоряжении формами роскоши и привилегиями. У них была самая лучшая еда и одежда, великолепные столовые сервизы, украшения и дворцы, прекрасные женщины, слуги, особый язык, разрешение на кровосмешение, что запрещалось рядовым индейцам; они могли пользоваться дорогами и специальными мостами, путешествовать в паланкинах; к ним применялась другая шкала наказаний; они имели право жевать слабонаркотическую коку и т. д. Вожди покоренных племен постепенно допускались в этот привилегированный класс. Их сыновей увозили в Куско с тем, чтобы они могли получить там образование и участвовать в придворных церемониях. Таким образом, семьи подвластных Инке правителей навсегда сохраняли свои кастовые отличия, пользуясь привилегиями, но утрачивали при этом большую часть своей власти. Вообще принадлежать к племени инков

было престижным, как принадлежать к элите. Группы инков переселялись во вновь завоеванные районы, чтобы сформировать там ядро безоговорочно преданных людей. По мере расширения империи другие племена, говорившие на языке кечуа, стали считаться почетными инками. Таким образом, в обществе инков было сильно развито классовое сознание, причем в основе классовых различий не лежали денежные отношения или частная собственность, а главенствующая каста своим милосердным правлением обеспечивала благосостояние государства.

Харизма привилегированного класса находилась в зависимости от его ничем не прерываемого процветания. Это было разрушено опустошительной эпидемией в Кито, междоусобной войной за престолонаследие и больше всего массовой резней на площади Кахамарки и пленением Инки. Среди жителей Анд стало расти разочарование и безразличие к судьбе бывшего правящего класса. Они не могли постичь, что испанцы, пришедшие с Писарро, представляли собой передовой отряд вторжения, которое в конечном счете поработит их всех. Поэтому они стояли в стороне, и испанцы поняли, что классовые различия в империи инков могут сыграть в их пользу, так же как и семейные раздоры междоусобной войны.

Политика, которую решил проводить Атауальпа, используя всю имевшуюся у него власть, состояла в том, чтобы выплатить выкуп для спасения его собственной жизни. Очевидно, он рассуждал, что испанцы, которые не убили его сразу же после победы, выполняют свое обещание и вернут ему свободу, когда выкуп будет собран. Тогда, на свободе, он получит в свое обладание империю, которую для него завоевали его полководцы. Поэтому он приказал своим военачальникам оставаться на своих местах на юге Перу, ускорить присылку золота для выкупа и не пытаться силой освободить его. Сам Атауальпа был доволен своим существованием в условиях привычного комфорта в Кахамарке, в то время как шло накопление золота.

Военачальники Атауальпы Кискис и Чалкучима ведут Инку Уаскара в Кахамарку

Вскоре после пленения Атауальпы пришла весть, что его пленного брата Уаскара везут из Куско и что он находится на расстоянии всего нескольких дневных переходов от Кахамарки. Писарро сказал Атауальпе, что ему очень хочется увидеть его соперника, и приказал Атауальпе обеспечить его благополучное прибытие. Испанцы думали, что скоро у них в руках будут два претендента на трон инков. Атауальпа был все еще поглощен политикой в междоусобной войне и был уверен, что испанцы не представляют угрозы внешнего вторжения. Поэтому вместо того, чтобы приказать освободить Уаскара для организации национального сопротивления, он думал только о том, какая опасность ему грозит, если его соперник окажется в Кахамарке. Поэтому Уаскар был убит своей охраной в Андамарке, в горах, выше долины Санта между Уамачуко и Уайласом, немного южнее Кахамарки. Атауальпа, протестуя, заявил испанцам, что охрана Уаскара действовала по своей собственной инициативе, и Писарро принял это в высшей степени маловероятное объяснение. Трудно было допустить, чтобы какой-нибудь перуанец осмелился убить брата Атауальпы, не имея на то его четкого приказа, особенно в такой близости от него.

Убийство Уаскара было кульминацией истребления ветви королевской фамилии из Куско, и оно немедленно дало Атауальпе личное преимущество. «Так он обычно поступал со своими братьями <...> потому что, по его собственным словам, он убил многих из них, кто пошел за его братом [Уаскаром]». Среди предметов, которыми очень дорожил Атауальпа, была голова Атока, одного из полководцев Уаскара, который взял Атауальпу в плен под Томебамбой и потерпел поражение в первом же сражении гражданской войны под Амбатом, южнее Кито. Кристобаль де Мена видел эту «голову, обтянутую кожей, с волосами и высохшей плотью. В ее стиснутых зубах было зажато серебряное горлышко. Сверху к голове была приделана золотая чаша. Атауальпа имел обыкновение пить из нее, когда ему напоминали о войнах, развязанных против него его братом. Ему наливали чичу в золотую чашу, и он пил ее из горлышка во рту головы».

Атауальпа продолжал закреплять свой успех в гражданской войне другими способами, находясь в Кахамарке. По словам Педро Писарро, два единокровных брата [Атауальпы] Уаман Титу и Маята Юпанки попросили разрешения у губернатора Писарро уехать из Кахамарки к себе домой в Куско. Хотя испанцы и вооружили их мечами, Атауальпа подослал к ним людей, чтобы те убили их в пути. Два других брата прибыли в Кахамарку в середине 1533 года; одним из них был Тупак Уальпа, человек, у которого теперь, после смерти Уаскара, были наибольшие права на то, чтобы стать преемником Уайна-Капака. «Они приехали тайно из страха перед своим братом... Они спали возле губернатора, потому что они не осмеливались ложиться спать в каком-нибудь другом месте» и «не выходили из своей комнаты, притворяясь больными в течение всего времени, что Атауальпа был там. [Тупак Уальпа] делал это из страха перед Атауальпой, который мог подослать к ним убийц и расправиться с ними, как он это сделал с другими братьями».

Междоусобные войны порождают неистовые страсти и сильную ненависть. Поведение Атауальпы было понятно с точки зрения его собственных притязаний на трон Инки, но было трагичным перед лицом иностранной угрозы. Страна оказалась лишенной руководства и единства в момент, когда и то и другое ей были нужны больше всего. Если бы испанцы появились здесь год спустя, они бы попали в страну, которой бы твердо правил Атауальпа. И, как писал Педро Писарро, «если бы Уайна-Капак был жив, когда испанцы пришли на эту землю, было бы невозможно ее завоевать, так как он пользовался огромной любовью своих подданных... А также если бы страна не была разделена войной между Уаскаром и Атауальпой, мы не смогли бы вторгнуться в нее или завоевать ее, если только больше тысячи испанцев не прибыли бы одновременно. Но в то время было невозможно собрать

вместе даже пять сотен человек, потому что людей было так мало, а также потому, что страна пользовалась дурной репутацией».

Атауальпа однажды попытался помериться силами с испанцами. Он предложил, чтобы один из людей Писарро вышел бороться против местного великана по имени Тукуйкуйучи. Писарро принял вызов и назначил на поединок крепкого Алонсо Диаса. Индейский боец явился обнаженный, с коротко подстриженными волосами. Сначала победа склонялась в его сторону. Но Диас вывернулся, поймал Тукуйкуйучи в смертельный захват и задушил его. Благоговение индейцев перед испанцами возросло еще больше.

Понадобилось некоторое время, чтобы собрать золото и переправить его через всю империю в Куско. Вторая половина ноября и декабрь 1532 года прошли без происшествий, если не считать прибытия партии золота «в виде удивительно больших брусков, ваз и кувшинов вместимостью до двух арроба. Некоторые испанцы, которых назначил для этого губернатор, начали ломать эти предметы, чтобы [комната] вместила больше золота. [Атауальпа] спросил их: «Зачем вы это делаете? Я дам вам столько золота, что вы насытитесь им!» Нетерпеливые конкистадоры начали надоедать Инке требованиями доставить обещанное золото. Он возбудил их аппетит описанием сокровищ двух крупнейших храмов империи: храма Солнца Кориكانчи в Куско и великой усыпальницы и храма прорицаний Пачакамака, расположенного в прибрежной пустыне южнее современной Лимы. Атауальпа предложил Писарро послать испанцев надзирать за разграблением этих святынь – сам Атауальпа, вероятно, не видел ни одного храма и мог себе позволить не испытывать сантиментов по отношению к ним. Его больше заботило поклонение его собственным предкам – Инкам, и он отдавал строгие приказы, чтобы не трогали ничего, связанного с его отцом Уайна-Капаком. Его ближайшей целью было собрать выкуп, и ее можно было достичь, только забрав золото из храмов. Возможно, Атауальпа имел основания бояться, что жрецы в храмах предпочтут спрятать свои сокровища, чем пожертвовать ими для спасения узурпатора.

Пачакамак был святилищем доинковского периода. Его так почитали все жители прибрежной равнины, что инки не осмелились трогать его, когда завоевали побережье в конце XV века. Вместо этого они сделали его частью их собственной религии, построив ограду вдоль огромной ступенчатой пирамиды из сырцовых кирпичей, в пределах которой обитали священные девы. Идол Пачакамака стал также отождествляться с богом – создателем инков, у которого не было имени, но его величали Илия-Тикси-Виракоча-Пакайякастик, что означало: Древний Бог-Создатель и Всемирный Учитель.

Верховный жрец и вождь Пачакамака появились в Кахамарке в конце 1532 года. Холодный прием оказал им Атауальпа, который попросил Писарро надеть на жреца цепи и с язвительной насмешкой велел жрецу просить своего бога об освобождении. Атауальпа объяснил Писарро, почему он так зол на Пачакамака и его жреца. Тамошний оракул сделал три катастрофически ошибочных предсказания: он сказал, что Уайна-Капак оправится от своей болезни, если его вынести на солнце, но он умер; Уаскару было предсказано, что он победит Атауальпу; а совсем недавно оракул посоветовал Атауальпе пойти войной на христиан, предсказывая их полное уничтожение. Атауальпа пришел к заключению, что святыня, которая допускает такие ошибки, не может быть вместилищем бога; а Писарро сказал ему, что он мудр, если пришел к такому выводу.

Находившимся в Кахамарке испанцам становилось скучно, их нетерпение росло. Они также все больше нервничали из-за своей изоляции и беспокоились, чтобы на них не было совершено нападение. «Каждый день губернатор продолжал получать донесения, что против него собираются воинские силы». «Господин губернатор и все мы... видели, что каждый день нас подстерегает огромная опасность. По приказу этого предателя Атауальпы против нас постоянно стягивались войска. Войска прибывали, но не осмеливались приблизиться». Было донесение, что индейские войска сконцентрировались в Уамачуко, а это было

в нескольких днях пути к югу от Кахамарки. На разведку был послан Эрнандо Писарро с 20 всадниками (включая авторов дневников Мигеля де Эстете и Диего де Трухильо) и несколькими пешими солдатами. Эта экспедиция выехала из Кахамарки 5 января 1533 года, но не обнаружила вражеских войск в Уамачуко. После пыток индейские вожди признались, что главнокомандующий войсками Атауальпы Чалкучима находится со своей армией не так далеко, чуть южнее. Эрнандо Писарро послал троих человек назад к брату с донесением и с небольшой партией золота, но «в дороге с ними приключилось несчастье. Эти трое, которые несли золото, поссорились из-за каких-то недостающих золотых предметов. Один из них отрубил другому руку – то есть сделал то, чего ни за какое количество золота не сделал бы губернатор». Теперь Франсиско Писарро дал разрешение своему брату отправиться в храм Пачакамака. Армии Чалкучимы не было видно, хотя небольшой отряд испанцев понимал, что он был «вблизи с 55 тысячами воинов».

Конный отряд под командованием Эрнандо Писарро отправился в глубь империи инков. Они двигались вверх по современному Уайласскому ущелью, и слева от них оставались великолепные снежные вершины Уаскарана и Кордильера-Бланки, а бурная река Санта неслась по дну каньона вниз. Им оказывали хороший прием в городах, через которые они проходили, и у них была возможность восхищаться неспешной деловитостью индейцев. И Эрнандо Писарро, и Эстете с похвалой писали о подвесных мостах, дорогах и складах, мимо которых они проезжали. Их радовало все из того, что они видели в этой незнакомой империи.

Перу в эпоху инков явилось плодом развития в полной изоляции в течение тысячелетий. Оно простиралось вдоль горных цепей Анд и засушливой пустынной полосы, тянувшейся между ними и Тихоокеанским побережьем. К западу от него лежал самый большой в мире океан, к востоку – ошеломляющая преграда в виде лесов Амазонки, и к югу – мрачные дебри Араукании и Патагонии. Перуанцы создали уникальную цивилизацию в этом вакууме. Недавние археологические находки относятся к очень далеким временам, к эпохе, когда еще не было известно гончарное дело или земледелие. С той поры в течение тысячелетий перуанцы постоянно развивали свои умения, возможно получая стимул извне, но, вероятнее всего, все это было в полной изоляции. Великие цивилизации достигли пика своего развития и умерли задолго до расцвета племени инков. Мы знаем об этих цивилизациях только по названиям мест самых известных археологических находок, но можем воссоздать их образ жизни по массе найденных при раскопках материалов. В то время, когда в Греции был золотой век, в Северном и Центральном Перу царила культура чавин, названная так в честь огромного каменного храма в горах над долиной, через которую проник отряд Эрнандо Писарро. Эта культура, известная своими высокостилизованными изображениями свирепых пум и злобных кондоров, дала толчок череде различных культур, развившихся в долинах вдоль Тихоокеанского побережья. На севере это была культура мочика, яркая цивилизация, о которой нам много известно, потому что ее керамика и ткани в большом количестве сохранились в сухой почве прибрежных захоронений. Многие керамические изделия культуры мочика являлись скульптурными изображениями, с большой долей натурализма дающими нам представление о типах лиц, повседневной жизни, растениях, войнах и сексуальных традициях ее народа. В это же время в Южном Перу цивилизацией наска создавалась керамика и ткани исключительной красоты.

Приблизительно в 1000 году н. э. мочика, наска и многие другие культуры, возникшие в долинах, были побеждены цивилизацией, которая, вероятно, взяла свое начало в Тиауанако рядом с озером Титикака на Боливийском плоскогорье. Типичная для этой культуры стоянка древнего человека в Тиауанако с монолитными статуями, каменными платформами и знаменитыми воротами солнца представляла собой древние руины на момент прихода завоевателей. Инки считали, что родиной их племени было озеро Титикака, и, вероятно, из культуры Тиауанако они переняли многие строительные приемы и технику работы с камнем. В

течение какого-то времени культура Тиауанако главенствовала в Перу, а затем из нее вышел целый ряд племенных государств или городов-государств. В горах жили могущественные племена: каньяри, чачапояс, кончуко, яривилька; уанка в районе Хаухи; чанка в Абанкае и Андауайласе; инки, колья и лупака у озера Титикака и многие другие. Но государством с самой утонченной культурой было государство Чиму на северном побережье Перу. В искусстве оно продолжило блистательные традиции культуры мочика, хоть и с меньшим успехом. Но огромные, построенные по законам симметрии города, сложные ирригационные и оборонительные сооружения, политическая система – все это было хорошо развито в культуре государства Чиму и перенято инками.

Проходя по территории государства Чиму, входящего в состав империи инков, испанцы из отряда Эрнандо Писарро увидели хорошо организованное сельскохозяйственное общество. Простые перуанцы жили незамысловатой крестьянской жизнью. Они занимались земледелием и жили коллективно, не имея частной собственности. Они были тесно связаны со своими семьями, родами, деревнями и полями крепкими узами. Из-за изолированного положения Перу его растения, животные и даже болезни были уникальны; все они были неизвестны захватчикам из Европы. У перуанцев не было тягловых животных, которые помогали бы им возделывать землю. Они пахали с помощью ножных плугов, которые представляли собой длинные колья с заостренным и закаленным концом, снабженные упорами для ног и рук. Мужчины выстраивались рядами и пахали, разворачивая землю кольями; их жены располагались напротив и, низко наклонившись, разрыхляли мотыгами дерн и сеяли. Это было радостное событие, праздник, сопровождавшийся пением и возлияниями. По сельскохозяйственному календарю каждому месяцу года соответствовали свои сельскохозяйственные работы и свои праздники. В январе, когда Эрнандо Писарро двигался к храму Пачакамака, подрастала кукуруза, и крестьяне вместе со своими детьми выходили защищать ее от птиц и хищников. Кукурузу убирали в мае, самом важном месяце для сельхозработ. В июне из земли выкапывали картофель и оку (сладкий картофель). Хотя испанцы и не могли догадаться об этом, но картофель явился самым большим подарком всему человечеству от Перу. Родиной картофеля было Перу. Там произрастали разнообразные его виды всевозможных цветов. Подсчитано, что ежегодный урожай картофеля во всем мире стоит во много раз больше, чем все сокровища и драгоценные металлы, вывезенные завоевателями из империи инков.

Перуанские крестьяне жили в простых хижинах, крытых соломой и тростником, полных дыма и запахов, морских свинок, собак и блох. Помимо мяса морских свинок и иногда сушеного мяса ламы или рыбы, перуанцы ели вегетарианскую пищу: в основном кукурузу, картофель и киноа (перуанское растение, похожее на рис). Перу – суровая страна: большая часть ее равнин представляет собой бесплодные высокогорные плато, которые расположены слишком высоко для обычного земледелия, или полосы прибрежной пустыни, в которой одну речную долину от другой отделяют мили и мили. Эта пустыня возникла из-за холодного течения Гумбольдта, протекающего вблизи перуанского побережья, и суша здесь имеет более высокую температуру, чем вода: влага вытягивается с суши, а не наоборот. Горные цепи Анд возвышаются пиками над узкой равниной, и дождевые облака со стороны Амазонки всегда натываются на преграду из горных хребтов. Все, что остается для нормального возделывания и проживания, это речные долины – тесные, осыпающиеся ущелья в горах или мелкие островки растительности на Тихоокеанском побережье. Почти нигде в Перу не найдешь больших участков богатой возделанной почвы, как в Европе или Северной Америке. К этим топографическим трудностям добавляется еще относительная скудость природных даров: за пределами лесов Амазонки в Перу было очень мало домашних животных, сельскохозяйственных культур и деревьев.

Инки применили весь свой выдающийся организационный гений, чтобы преодолеть эти природные недостатки. Были организованы сельскохозяйственные общины для постройки и поддержания в надлежащем виде сложных террас, подпиравших склоны гор широкими ступенями из грубого камня. Водные ресурсы засушливой прибрежной равнины использовались экономно, а горные ливни укрощались с помощью прекрасных ирригационных каналов и канав. Администрация империи содержала склады с продовольствием и стадам и альпака, главным образом для своих собственных нужд и нужд армии, но также для своего рода страховки на случай неурожая. Администрация империи перемещала сельское население с одного места на другое с целью сбалансировать жизненный уровень во всей империи, а также с целью размещения колоний из лояльных граждан среди племен, которые в будущем могут доставить беспокойство.

В результате такой административной деятельности и благодаря стабильному распорядку размеренного сельскохозяйственного труда население империи инков процветало. Но оно жило скудно питаясь: пища была бедна белками. Индейцам так не доставало молока, яиц и мяса – еды, столь привычной для европейцев. В их растении киноа, похожем на рис, было немного белка, так же как и в картофеле (который вымачивали, вымораживали и перемалывали в белую муку – «чуньо»); различные растения были источниками разумно сбалансированного количества витаминов. Индейцы ели дважды в день, утром и вечером, сидя на земле и беря пищу из мисок. В основном их еда представляла собой супы или каши. Всякому, кто в наши дни захотел бы попробовать пищи инков, нужно только остановиться в индейской хижине вдали от основных дорог. Женщина бросает зелень, картофель и кукурузу в булькающий горшок и затем разливает это кушанье половником в миски домочадцев и гостей. Морские свинки суетятся под ногами и тащат все объедки, которые падают на грязный пол. Вареную картошку раздают прямо в руки вместе с грязью, все еще прилипшей к кожуре. Вареные или жареные початки кукурузы также едят с помощью рук. Инки сами для себя варили чичу, для этого старухи жевали кукурузу, чтобы их слюна дала начало ферментации. Это приятный напиток темного цвета, по вкусу напоминающий перестоявший сидр, а не «искрящаяся чича», по выражению Прескотта. Простым людям запрещалось пить более крепкие напитки, такие, как спирты, полученные на основе сахара, и жевать коку – это была привилегия знати. Так что повседневная жизнь в империи инков была большей частью жизнью крестьянских общин – постоянной борьбой за существование, прерываемой религиозными праздниками согласно сельскохозяйственному календарю.

Земледельцы того времени мало отличались от индейцев, живущих в Андах сейчас: они покорные и пассивные, сильные, стойкие и суеверные. Из них сформировался отличный пролетариат, послушный и глубоко консервативный. Их потомки выглядят флегматиками, даже меланхоликами, но у наиболее смысленных из них насмешливое выражение лица, чуть ли не издевательски насмешливое. Это красивые люди с кожей цвета меди и высокими монгольскими скулами. У них гордые римские носы, но их лбы и подбородки скошены назад. Дети, живущие в Андах, очаровательны; их черные глазки всегда блестят, а щеки постоянно здорового розового цвета. Они выглядят крепкими, так как у этой расы развились легкие и грудная клетка большего объема для дыхания разреженным горным воздухом.

Простые индейцы во времена империи инков носили стандартную униформу, им запрещалось любое разнообразие в одежде. Одежда им выдавалась из общих запасов, и они носили ее и днем и ночью. Во время сна индейцы снимали только свои наружные украшения, что они делают и по сей день. Свою одежду – один комплект для повседневной носки и один для праздников – они постоянно чинили, но редко стирали. Мужчины носили набедренные повязки из куска ткани, пропущенного между ног и закрепленного на поясе спереди и сзади. Сверху они надевали белые туники без рукавов в виде мешка с прямыми боковыми краями и отверстиями для головы и голых рук, свисавшие почти до колен: в них они

выглядели как римляне или средневековые пажи. Поверх туник они носили большие прямоугольные плащи из коричневой шерсти; их завязывали узлом на груди или на одном плече. Женщины носили длинные туники, прихваченные на талии поясом, довольно похожие на греческие; они свисали до земли, но по бокам имели разрезы, через которые при ходьбе были видны ноги. В сущности, это была ткань в форме прямоугольника, обернутая вокруг тела и закрывавшая грудь, а ее концы закреплялись на плечах булавками. На талии ее держал широкий пояс, украшенный узорами или квадратами. Поверх туник женщины надевали серые накидки, застегивавшиеся на груди с помощью большой декоративной булавки; накидки свисали сзади до уровня икр. И мужчины, и женщины ходили босыми или носили простые кожаные сандалии, которые завязывались на лодыжках.

Развиваясь в изоляции, перуанцы дошли до многих атрибутов других цивилизаций: у них были ткани, керамика, одежда, металлы, архитектура, дороги, мосты и ирригационная система. Но им не удалось сделать тех трех открытий, которые мы считаем основополагающими. Это – колесо, арочное перекрытие и письменность. Они использовали катки для перемещения больших строительных блоков, но так и не изобрели крутящееся на оси колесо. В отсутствие таких сильных животных, как лошади или быки, у инков был маленький потенциал для быстрых средств передвижения. Перу – это такая гористая страна, что ее дороги все время либо поднимаются вверх, либо спускаются вниз: все транспортные перевозки у инков совершались бегунами и носильщиками или караванами лам, груженных нетяжелой поклажей. До XX века большая часть Анд не имела дорог для колесного транспорта. Огромное количество превосходной керамики доколумбовского периода делалось вручную за неимением гончарного круга. Менее важным было отсутствие такого изобретения, как арочное перекрытие и замковый камень: инки были великолепными каменщиками и умели строить прекрасные прямоугольные перекрытия. Боковые стороны дверных проемов и ниш они делали скошенными внутрь, чтобы уменьшить расстояние, которое нужно перекрывать наверху. В результате проемы в форме трапеций являются типичными признаками, характерными для построек инков.

Так и не дойдя непосредственно до письменности, перуанцы создали мнемонические средства, использовавшиеся для записи статистических данных или исторических событий. В культуре мочика для этой цели, очевидно, использовали мешочки меченой фасоли. У инков было их знаменитое узелковое письмо кипу, то есть ряды веревок, цвет и количество узелков на которых обозначали числа или понятия. У инков была также сложная система «протоколирования» общественной жизни; у них существовала каста профессиональных сказителей, которые, как гомеровские барды или средневековые трубадуры, устно передавали традиции из поколения в поколение. Отсутствие письменности – это большое препятствие для историков, занимающихся периодом завоевания: все записи сделаны только испанцами. К счастью для нас, испанцы часто расспрашивали инков об их прошлом как официальным путем, так и частным образом, что было инициативой отдельных людей, которые вели дневниковые записи. Племянник Атауальпы, Титу Куси Юпанки, надиктовал длинное повествование, и это единственная историческая запись со слов члена королевской фамилии инков. Некоторые хронисты пользовались рассказами матерей или жен инков, особенно Гарсиласо де ла Вега, Фелипе Гуаман Пома де Аяла и Хуан де Бетансос. Другие стали знатоками перуанского языка, кечуа, и узнали многое благодаря дружбе с членами семьи Инки. Выдающимся хронистом из их числа был священник Мартин де Муруа, чьи симпатии были на стороне индейцев и благодаря кому нам известны многие подробности того, что происходило в обществе инков в течение десятилетий после завоевания.

Таковы были цивилизация и народ, представшие перед маленькой экспедицией Эрнандо Писарро в январе 1533 года. Пятнадцать дней экспедиция пробиралась через горы и спускалась на прибрежную равнину, чтобы еще неделю ехать до храма Пачакамака. У

великого храма их ждало жестокое разочарование. Как и боялся Атауальпа, жрецы спрятали большую часть сокровищ, если они у них вообще были. Святилище находилось на вершине огромной ступенчатой пирамиды, сложенной из сырцового кирпича. На каждой ступени было ограждение. Предполагалось, что каждый, стремящийся достичь ее вершины, должен поститься в течение года, и общение с оракулом разрешалось только при посредничестве жрецов. Нарушив правила, испанцы прошли мимо охраны и силой проложили себе дорогу прямо на самый верхний уровень. Мигель де Эстете вспоминал, какое разочарование постигло их в конце путешествия. Храм оказался маленьким помещением кубической формы, «стены которого были сплетены из тростника; в нем стояло несколько столбов, украшенных золотыми и серебряными листьями, а на его крыше лежали куски домотканой материи, чтобы защитить его от солнца... Его запертая дверь была густо усеяна разнообразными предметами: кораллами, бирюзой, хрусталем и другими штучками. В конечном счете ее открыли, и мы были уверены, что интерьер окажется таким же любопытным, как и дверь. Но все было совсем наоборот. Казалось, что это обиталище дьявола, так как он живет исключительно в мерзких местах... Там довольно дурно пахло и было темно, поэтому нам принесли свечу. С ней мы вошли в крохотную пещерку безо всякой отделки и украшений. Посередине помещался вкопанный в землю столб, наверху которого стояла статуя мужчины грубой работы. Видя всю эту грязь и пародию на идола, мы вышли и спросили, почему они его так превозносят, такого грязного и уродливого». Что же касается общения с дьяволом, Эрнандо Писарро, охваченный некоторыми сомнениями, писал: «Я не верю, что там они разговаривают с дьяволом, <...> так как я постарался выяснить это. Там находился один древний жрец, один из тех, кто был ближе всех к их богу, и он сказал, что дьявол велел ему не бояться лошадей, так как они внушают ужас, но не причиняют вреда. Его пытали, но он остался непреклонен в своей вере. Насколько можно судить, индейцы поклоняются дьяволу не из любви, но из страха... Я заставил всех окрестных вождей приехать и стать свидетелями моего входа [в святилище], чтобы они избавились от своего страха. У меня не было проповедника, поэтому я сам почитал им проповедь, разъяснив им обман, в котором они жили». Испанцы провели в храме Пачакамака почти весь февраль в тщетных поисках сокровищ. Смелость и дерзость Эрнандо Писарро и горстки его последователей не могут не произвести впечатления. Они беспечно ниспровергли такую древнюю и почитаемую святыню, которую не тронули даже инки во время своих завоевательных походов (фото 11). Они сделали это, зная, что от находящихся в изоляции соотечественников в Кахамарке их отделяют недели трудного пути.

Первоначально Атауальпа обещал, что его выкуп будет собран за два месяца – время, необходимое для того, чтобы послать гонцов в Куско и перевезти золото из его храмов в Кахамарку. После первых недель ожидания в город непрерывным ручейком потекли сокровища. «В некоторые дни прибывало 20 тысяч песо золота, в другие – 30, 50 или 60 тысяч песо золота. [Золото было в виде] больших кувшинов или ваз, вместимостью от двух до трех арроба [от 50 до 75 фунтов]; а также были большие серебряные кувшины и вазы и много других сосудов... Губернатор приказал, чтобы все это хранилось в здании, где находилась охрана Атауальпы. Для обеспечения большей сохранности сокровищ губернатор поставил христиан охранять их днем и ночью. Когда сокровища помещали на хранение, их все пересчитывали, чтобы не было обмана». Вероятно, это произвело на Атауальпу большое впечатление и убедило его в том, что испанцы серьезно относятся к его предложению. Как только склад будет заполнен, испанцы со своей добычей, по-видимому, уедут, Атауальпа получит свободу и будет править страной, а его армия может даже уничтожить чужеземцев до того, как они покинут Перу. Поэтому он с нетерпением ждал завершения сборов выкупа, а это зависело от того, войдут ли в него золотые пластины, которыми был облицован храм Солнца в Куско. Один из братьев Атауальпы прибыл с партией сокровищ и сообщил, что еще боль-

шая их часть задержалась в Хаухе. Возможно, он также сказал, что разорение храма Кори-канчи еще не началось. Поэтому Атауальпа предложил Писарро послать нескольких испанцев в Куско, чтобы они присмотрели за отправкой партии золота оттуда. Писарро очень не хотелось ввергать испанцев в новые рискованные предприятия в этой незнакомой стране, но он смягчился, когда от его брата Эрнандо Писарро прибыл гонец. Атауальпа пообещал отправить одного из своих родственников с любыми посланцами и приказать своим военачальникам – Чалкучиме в Хаухе и Кискису в Куско, – чтобы те гарантировали их безопасность. Наконец, добровольцами вызвались трое: Мартин Буэно и Педро Мартин, оба из Могера, и один из переводчиков, находившихся при армии Писарро. Они выехали из Кахамарки 15 февраля 1533 года. «Губернатор послал их, вручив Господу. С ними были индейцы, которые несли их в гамаках и прислуживали им».

Полководец Кискис, недавний завоеватель Куско, оказал посланцам весьма холодный прием. «Ему не нравились христиане, хотя он ими сильно восхищался... Он сказал им, что, если они откажутся освободить касика [Инку], он сам пойдет и освободит его». Приказы Атауальпы были недвусмысленны: золото должно быть снято с храма, но ничто, связанное с мумией Уайна-Капака, не должно быть потревожено. И Кискис отправил посланцев в храм Солнца Кори-канчи. Как и предполагал Атауальпа, они нашли его нетронутым. «Эти здания были обшиты большими золотыми пластинами с той стороны, с которой восходит солнце, а с более затененной от солнца стороны золото было худшего качества. Христиане подошли к зданиям, и без помощи индейцев – которые отказались помогать, сказав, что это Дом Солнца и что они умрут, – христиане решили снять украшения <...> при помощи медных ломов. Что они и сделали, по их словам». Испанцы выломали 700 пластин, о которых Серес писал, что в каждой из них было в среднем по 4,5 фунта золота после переплавки. «Большей частью это были пластины, по размерам похожие на доски для сундука, длиной 3–4 пяди [2–2,5 фута]. Их снимали со стен зданий, поэтому в них были дырочки, как следы от гвоздей». Посланцам не позволили осмотреть весь город, но то, что им удалось увидеть, опьянило их. «Они сказали, что во всех храмах города было столько золота, что это было просто потрясюще... Они привезли бы гораздо больше золота, если бы это не задержало их дольше, ведь они там находились одни, на расстоянии более 250 лиг от других христиан». И тем не менее «именем его величества они вступили во владение городом Куско». Они заперли одно здание, полное золотой и серебряной утвари, «и запечатали его королевской печатью и печатью губернатора Писарро, а также оставили охрану из индейцев». Они сообщили, что видели золотой алтарь для жертвоприношений весом 19 тысяч песо, который был так велик, что мог вместить двух человек. Другой огромный трофей – золотой фонтан изумительной красоты, сделанный из множества кусочков золота, – весил свыше 12 тысяч песо и был разобран на части для отправки в Кахамарку. Посланцы проникли даже в святилище, в котором находились мумии двух Великих Инков. Старуха в золотой маске отгоняла от них мух веером. Она настояла, чтобы пришельцы сняли обувь, прежде чем войти. Смирненно выполнив эту формальность, «они вошли и увидели мумии и украли много дорогих вещей, принадлежавших им».

Отношение полководца Кискиса к испанским посланцам показало, в каком затруднительном положении оказались военачальники Великого Инки. Чтобы спасти жизнь своему повелителю, они вынуждены были сотрудничать с его похитителями. И едва завершив свой триумфальный поход к Куско, они не смели сдвинуться с места, чтобы попытаться его спасти. Кискис располагался в Куско вместе с армией численностью 30 тысяч человек, а главнокомандующий Чалкучима находился в Хаухе, на полпути между Куско и Кахамаркой, с 35 тысячами воинов. Другие гарнизоны численностью несколько тысяч человек занимали стратегические центры, такие, как Вилькасуаман и Бомбон. На севере, между Кахамаркой и Кито, находился третий военачальник, Руминьяви, отвечавший за опорный пункт Атау-

альпы. Его армия увеличилась за счет войск, отправленных Писарро из Кахамарки домой, а также он мог набирать пополнение из дружелюбно настроенного населения. Руминьяви был единственный генерал, не оккупировавший вражескую часть империи, поэтому только его армия была относительно мобильна.

Эрнандо Писарро, находившийся у храма Пачакамака, был недалеко от Чалкучимы в Хаухе, если перейти через горы. Он воспользовался услугами индейцев-бегунов, которые передали военачальнику Великого Инки приглашение спуститься на побережье и встретиться с ним. Чалкучима передал свой ответ: он встретится с испанцами там, где по пути назад, в Кахамарку, они достигнут горной дороги в южной части Уайласской долины. Эрнандо Писарро принял условия встречи. Его отряд покинул храм Пачакамака в начале марта, но повернул в долину Чинча (современная Пативилька), к большому городу Кахатамбо. Местные жители утверждали, что Чалкучима уже прошел через этот город по пути на условленную встречу. «Но так как мы думали, что эти индейцы редко говорят правду, капитан решил выйти на королевскую дорогу», которая вела из Хаухи в Уануко, а затем в Кахамарку вдоль реки Мараньон. Это означало, что придется пересекать безлюдные горы Кордильера-Уайуаш на высоте почти 5 тысяч метров. «Дорога шла через горы и была настолько занесена снегом, что мы испытывали большие трудности». «Люди очень ослабли, а лошади устали и нуждались в перековке».

11 марта испанцы вышли на королевскую дорогу у города Бомбон и узнали, что на самом деле Чалкучима находится все еще в Хаухе. Они двинулись на юго-восток и достигли этого города в воскресенье 16 марта. Несмотря на свою безрассудную храбрость, Эрнандо Писарро боялся приближаться к месту пребывания самого грозного военачальника Атауальпы. «Один из вождей, сопровождавших меня, с которым я хорошо обращался, предупредил меня, чтобы я приказал христианам идти вперед в боевом порядке, потому что он считал, что Чалкучима настроен воинственно. Вскрабавшись на невысокую гору неподалеку от Хаухи, мы увидели на площади огромную черную массу, о которой мы подумали, будто это что-то сгорело. Но когда мы спросили, что это, нам ответили, что это были индейцы». «Мы не знали, были ли они воинами или горожанами». «Все солдаты шли вперед, думая, что мы будем сражаться с индейцами. Но когда мы вступили на площадь, вожди вышли, чтобы принять нас с миром», а зловещая темная масса оказалась «горожанами, собравшимися на праздник».

Эрнандо Писарро отправился в Хауху, чтобы «ласковыми речами попытаться уговорить Чалкучиму сопровождать его до того места, где находился Атауальпа». Крохотный отряд надеялся «привезти золото, рассеять его армию и привезти Чалкучиму лично ради его же блага; а если бы он воспротивился, то напасть на него и схватить». Не слезая с коня, Эрнандо Писарро спросил, где Чалкучима, и узнал, что он ушел из города за реку. Вместе с Писарро находился один из сыновей Уайна-Капака и, возможно, брат Атауальпы Киллискача, которого и послали поговорить с ускользнувшим Чалкучимой. А тем временем испанцы очистили площадь от индейцев и разбили на ней лагерь, оставив лошадей взнузданными и под седлами на всю ночь. Писарро сказал местным вождям, что лошади рассердились и могут уничтожить любого индейца, неосторожно забредшего на площадь. Но ничто не может помешать индейцам в Андах веселиться во время их праздника: испанцы оказались в центре непрекращавшихся плясок, пения и разгула пьянства в течение всех пяти дней их пребывания в Хаухе.

Чалкучима вернулся в Хауху с принцем Киллискачей на следующее утро. Они ехали на носилках Чалкучимы в сопровождении великолепного кортежа. Военачальник пришел к Эрнандо Писарро, и они вдвоем провели целый день в переговорах, которые ни к чему не привели. Писарро пытался уговорить Чалкучиму поехать с ним в Кахамарку, заявив, что Атауальпа хочет, чтобы его военачальник был рядом с ним. Чалкучима объяснил, что Атауальпа

еще раньше прислал ему приказ оставаться в Хаухе, поэтому он не двинется с места, пока не получит четкий контрприказ. Если бы он уехал из Хаухи, вся эта область, несомненно, восстала бы и перешла на сторону Уаскара. Обе договаривающиеся стороны еще не пришли ни к какому соглашению, когда наступила ночь. Испанцы опять провели ночь в боевой готовности, в то время как Чалкучима обдумывал доводы, высказанные ему днем. По какой-то неизвестной причине он решил уступить. На следующее утро он вернулся, чтобы сообщить Эрнандо Писарро, что он поедет с ним в Кахамарку, раз уж тот так сильно этого хочет. Они тронулись в путь через два дня, захватив с собой большую партию золота и серебра и оставив Хауху под командованием принца, сопровождавшего Писарро.

Решение Чалкучимы было трагической ошибкой, одним из поворотных пунктов в крушении сопротивления испанским захватчикам. Самый грозный военачальник в империи инков добровольно отправился туда, где ему, как оказалось, был уготован плен. В момент своей капитуляции Чалкучима был одержавшим не одну победу полководцем, окруженным преданной армией. Он был почти такой же крупной добычей для испанцев, как и сам Инка, потому что воинская репутация Чалкучимы сложилась еще при Уайна-Капаке и могла оказаться достаточно весомой, чтобы он, объединив все силы, встал во главе сопротивления отряду Писарро. Возможно, он был в Перу единственным человеком, обладавшим такими качествами, которых было достаточно, чтобы преодолеть ненависть, порожденную междоусобной войной, – несмотря на то что был главнокомандующим армией победителей-китонцев и сыграл свою роль в казни Уаскара.

Что заставило Чалкучиму изменить свое решение после целого дня упорных дебатов с Эрнандо Писарро? Некоторые испанцы с присущей им самоуверенностью решили, что «этот военачальник боялся христиан, особенно конных». Эрнандо Писарро писал, что «наконец, когда он увидел, что я полон решимости привезти его, он пришел по собственной воле». Но кажется невероятным, чтобы такой Голиаф, как Чалкучима, мог испугаться такого крошечного отряда испанцев, удаленного от основных сил. Эстете признал, что «у него было столько воинов, что случилась бы большая беда, вздумай он напасть ночью на христиан... У Чалкучимы были специальные интенданты, отвечавшие за снабжение его армии; у него было много плотников для работ по дереву; во многом его обслуживание и личная охрана были поставлены на широкую ногу; у него было три или четыре носильщика. Короче, он подражал своему повелителю в организации всего своего хозяйства и во всех других отношениях. Его боялись по всей стране, так как он был очень доблестный воин и завоевал по приказу своего господина более 600 лиг территории. В ходе завоеваний он провел много сражений как на равнине, так и в труднодоступных местах и одержал победу во всех из них. В этой стране ему больше нечего было завоевывать». «У этого военачальника было много прекрасных воинов: в присутствии христиан он пересчитал их на своих узелках [кипу], и их оказалось 35 тысяч».

Значит, Чалкучиму ввели в заблуждение «ласковые речи» Эрнандо Писарро, которым индейский принц прибавил убедительности. Он, очевидно, поверил заявлению, будто Атауальпа желает, чтобы его полководец сопровождал испанцев по пути в Кахамарку. Возможно, ему было любопытно узнать при личной встрече с Атауальпой, чего тот хочет от него и его армии и как ему следует относиться к испанцам. Возможно, он боялся, что если кто-нибудь из них будет убит в стычке с его армией, то пострадает Атауальпа. Хотя если бы Чалкучима взял в плен Писарро, он мог бы начать торговаться: Писарро в обмен на Инку. Он глубоко недооценил последствий своего поступка, так как, выехав из Хаухи с этой обманчиво маленькой шайкой чужестранцев, он доставил себя прямо в плен и в конечном счете встретил смерть.

Чалкучима приказал своим людям сделать для коней испанцев серебряные и медные подковы. Путешествие из Хаухи в Кахамарку было приятным. Во время поездки испанцы

получили привилегию увидеть страну в сопровождении гида, которым был ее самый выдающийся полководец. Жилье и припасы для людей и лошадей были наготове при каждой остановке на ночлег. В течение двух дней, проведенных путешественниками в Уануко, там проходили особенно красочные празднества. Развалины города, в настоящее время известные как Уануко— Вьехо, находятся выше Ла-Унион, дальней деревушки у верховьев реки Мараньон. Они представляют собой превосходную работу по камню и являются уникальными, будучи единственными руинами крупного города инков, оставшегося нетронутым во время более поздней оккупации (фото 10). Упавшие на землю серые камни городских домов и плиты храмов лежат на краю плоского участка безлесной, лишенной красок саванны, и только время оставило на них свой след. Из Уануко путешественники поехали на север по прекрасной местности между восточными склонами Кордильера-Бланки и огромным ущельем реки Мараньон. (В этот район даже сейчас еще не проник автомобильный транспорт, и почти каждый обрывистый склон увенчивают живописные разрушенные башни доинковской цивилизации яривилька. Это солнечная местность, проезжая по которой путешественник минует горные деревушки и любуется потрясающими долинами, круто спускающимися к реке Мараньон.) Несколькими месяцами раньше Чалкучима с боями пробивался по этой дороге. Около одного моста над труднопреодолимым каньоном он рассказал своим попутчикам, как в течение трех дней воины Уаскара защищали эту позицию, а затем сожгли мост и заставили его воинов преодолевать реку вплавь.

Эрнандо Писарро вошел в Кахамарку 25 апреля после трехмесячного отсутствия. «Испанцы вышли нам навстречу в великой радости». И у них была для этого причина: возможно, Писарро и не нашел много сокровищ, но зато он привез важного пленника. Теперь статус Чалкучимы резко изменился. Во время поездки он был попутчиком и хозяином. А теперь он стал фактически пленником, которого охраняли не менее 20 испанцев в течение всей его оставшейся жизни. Его первым побуждением было получить аудиенцию у Атауальпы, и на испанских наблюдателей произвело большое впечатление то, как соблюдался протокол при встрече пленного правителя и его главнокомандующего. «Когда Чалкучима вошел в двери, за которыми содержался в заключении его господин, он принял из рук сопровождавшего его индейца груз и положил его себе на спину, как это сделали и многие другие вожди, пришедшие вместе с ним. Он вошел к своему господину, неся этот груз на спине, а когда он увидел Атауальпу, он поднял руки к солнцу в знак благодарности за то, что ему позволено видеть его [Атауальпу] снова. Он подошел к нему с великой почтительностью, плача, и поцеловал его лицо, руки и ступни; и другие вожди, пришедшие вместе с ним, сделали то же самое. Атауальпа продемонстрировал все свое величие. Он не посмотрел ему в лицо и не обратил на него ни малейшего внимания, как если бы перед ним стоял самый бедный индеец, хотя в его империи не было человека, которого он любил бы так же горячо». «Касик Атауальпа был глубоко расстроен приездом своего военачальника, но так как он был очень умным человеком, то притворился, что рад».

Теперь, когда Чалкучима был в их власти, испанцы начали с ним жестоко обращаться. Они были убеждены, что, когда он завоевал Куско, он должен был захватить и золото Уайна-Капака и Уаскара, — посланцы еще не вернулись, чтобы подтвердить, что оно все еще в городе. Когда губернатор Писарро стал настойчиво требовать золота, Чалкучима мог только протестовать, «что у него нет золота и что они привезли все». Ему никто не поверил. «Все, что он говорил, было ложью. Эрнандо де Сото отвел его в сторону и пригрозил, что сожжет его, если он не скажет правду. Он повторил свой ответ. Тогда они поставили столб и привязали его к нему, и принесли много хвороста и соломы, и сказали ему, что подожгут его, если он не скажет правды. Он попросил их позвать его повелителя. Атауальпа пришел с губернатором и поговорил со своим связанным полководцем». Чалкучима объяснил, в какой опасности он находится, но Инка сказал, что это блеф, «так как они не посмеют сжечь его».

Затем они еще раз спросили его о золоте, и он так и не сказал им ничего. Но как только они разожгли огонь, он попросил, чтобы его господина увели, потому что он делал ему глазами знаки не открывать правды. И Атауальпу увели.

«Затем Чалкучима сказал, что по приказу касика он три или четыре раза выступал с большой армией против христиан. Но, как уже известно христианам, его правитель Атауальпа лично приказал ему отступить из страха, что христиане убьют его... Тогда они отнесли этого индейского военачальника в дом Эрнандо Писарро и приставили к нему хорошую охрану. Такая охрана была необходима, потому что значительная часть армии подчинялась больше его приказам, чем приказам их господина, самого Атауальпы... И хотя он сильно обгорел, многие индейцы пришли служить ему, потому что они были его слугами». Позже Эрнандо Писарро засвидетельствовал, что Чалкучиму принесли к нему «с обожженными руками и ногами и высохшими сухожилиями; и я лечил его в своем жилище».

Глава 3

Под давлением обстоятельств

В канун Пасхи, 14 апреля 1533 года Франсиско Писарро вышел из Кахамарки, чтобы приветствовать своего партнера Диего де Альмагро, который со свежими силами – его отряд насчитывал 150 испанцев – двигался в глубь страны. «Оба старых друга и компаньона встретились, изъявляя взаимную любовь. Маршал [Альмагро] немедленно нанес визит Атауальпе, поцеловал его руку с великой почтительностью и дружески побеседовал с ним». Атауальпе было нечему радоваться, так как вновь прибывшие кардинально изменили баланс сил в Кахамарке.

Хотя Альмагро и болел в Панаме, он выполнил свою часть партнерского соглашения: экипировал вооруженный отряд из 153 испанцев и 50 лошадей, построил корабль «с двумя топселями», заполучил корабли Эрнана Понсе де Леона и знаменитого мореплавателя Бартоломе Руиса – они незадолго до этого вернулись из Перу – и пошел на кораблях на юг вдоль Тихоокеанского побережья. Альмагро, как и ранее Писарро, высадился на побережье Эквадора, и его экспедиция выбилась из сил, ведя поиск вдоль него. Он двинулся к Тумбесу, но местные жители не шли с ним на контакт; и только когда один из его кораблей доплыл до Сан-Мигеля, он и его люди узнали о таком успехе их соотечественников, о котором нельзя было и мечтать. Писарро со своей стороны послал своего секретаря Педро Санчо и других, чтобы поджидать Альмагро на побережье. Он даже хотел послать золото для вновь прибывших, чтобы заплатить за их корабли, так как ходили нехорошие слухи, что Альмагро, возможно, попытается начать свой собственный завоевательный поход.

Процессия воинов-инков, плачущих от наказания

Небольшая группа Эрнандо Писарро возвратилась в Кахамарку спустя одиннадцать дней после прибытия Альмагро. Таким образом, силы испанцев в городе почти удвоились и вооруженный отряд чужестранцев принял очертания авангарда агрессоров. Инка немедленно заподозрил, что он никогда не откупится от испанцев. «Когда приехал Альмагро со своими людьми, Атауальпа стал испытывать беспокойство и страх, что его ждет смерть». Он спросил, намереваются ли испанцы основать постоянное поселение и «как должны быть поделены индейцы между испанцами. Губернатор сказал ему, что каждому испанцу будет отдан один касик. Атауальпа спросил, собираются ли испанцы поселиться со своими касиками. Губернатор ответил, что нет, что испанцы будут строить города, в которых они будут жить все вместе. Услышав это, Атауальпа сказал: «Я умру...» Губернатор разубедил его, пообещав отдать ему лично провинцию Кито, а христиане займут территорию от Кахамарки до Куско. Но так как Атауальпа был умным человеком, он понял, что его обманывают, и стал очень ласков с Эрнандо Писарро, который пообещал, что никогда не согласится на то, чтобы Инку убили».

Атауальпа лелеял надежду, что договор насчет выкупа был еще в силе, хотя он теперь понял, что испанцы с одинаковым нетерпением ждали как прибытия Альмагро с подкреплением, так и золота для выкупа. Теперь караваны с сокровищами приходили все чаще, и 3 мая Писарро приказал, чтобы накопленное к этому времени золото и серебро было переплавлено. А 13 мая вернулся первый из трех испанцев, ушедших на разведку в Куско. Он принес захватывающие вести о золоте этого необыкновенного города, которое уже находилось в пути в Кахамарку. Спустя месяц Эрнандо Писарро уехал из Кахамарки в Испанию, взяв с собой для короля отчет об успехе экспедиции и 100 тысяч кастельяно золота (1 кастельяно = 4,55 г).

Теперь у испанцев было огромное количество изделий из драгоценных металлов, скопленных с момента их первой высадки в Перу. Все сокровища тщательно охранялись стражей Писарро, и ни один испанец не мог что-нибудь взять себе. В конце концов, 17 июня губернатор издал указ о распределении серебра, а также о переплавке и апробировании золота; распределение золота не проводилось до 16 июля. Индейские кузнецы осуществляли переплавку в девяти кузнечных горнах под руководством слуги Писарро Педро де Пинеды. Переплавка серебра и золота продолжалась с 16 марта до 9 июля; в течение многих дней кузнецы переплавляли по 60 тысяч песо – более 600 фунтов золота. Свыше 11 тонн золотых изделий было скормлено кузнечным горнам в Кахамарке; из них получилось 13 420 фунтов 22,5-каратного «настоящего золота». Изделия из серебра после переплавки дали около 26 тысяч фунтов «настоящего серебра». Большей частью это были вазы, статуэтки, ювелирные украшения, домашние принадлежности, шедевры, сделанные руками кузнецов-инков. Уничтожение этих художественных изделий было невосполнимой потерей. О великолепии того, что было уничтожено, мы можем судить лишь по качеству керамики и тканей инков, а также по немногочисленным уцелевшим предметам из драгоценных металлов.

Золото и серебро, вышедшее из переплавки, было официальным образом промаркировано королевским клеймом, чтобы показать, что оно было переплавлено на законных основаниях и что королевская пятая часть уже уплачена. Сокровища были педантично описаны армейскими нотариусами и королевскими чиновниками, прибывшими с Альмагро. Доля всадника составила около 90 фунтов золота и 180 фунтов серебра, а пешие солдаты получили половину этого количества. Себе Франсиско Писарро взял долю, почти в семь раз превышающую долю всадника, и получил «в подарок» трон, на котором путешествовал Атауальпа: он был сделан из 15-каратного золота и весил 183 фунта (83 килограмма). Эрнандо Писарро получил долю в три с половиной раза большую, чем доля всадника, а Эрнандо де Сото – в два раза большую. Переплавщик и клеймовщик получили один процент от общего

количества, а пробирщик – премию. Королевская казна получила пятую часть всех сокровищ, и чуть меньше половины всей этой суммы Эрнандо Писарро уже повез в Испанию. Священнослужители получили меньшую долю, чем пешие солдаты, и всего лишь символические награды были вручены испанцам, только что прибывшим с Альмагро, а также тем, кто оставался на побережье в Сан-Мигеле.

«Когда Атауальпа услышал об отъезде Эрнандо Писарро, он зарыдал, сказав, что раз Эрнандо Писарро уезжает, то его теперь убьют». 13 июня, на следующий день после отъезда Эрнандо из Кахамарки двое испанцев, наконец, вернулись из Куско, приведя небывалый караван из 225 лам, навьюченных золотом и серебром из храмов этого города; и еще 60 лам, везущих золото более низкого качества, прибыли спустя несколько дней. Невозможно оценить стоимость этого выкупа в современных условиях. Покупательная способность золота и серебра изменилась со времен XVI века, изменилась и относительная стоимость товаров и услуг и потребность в них. В Перу сокровища стоили значительно меньше, чем в Европе. И тем не менее интересно узнать, на сколько потянул бы выкуп Атауальпы на современном рынке ценных металлов. Золото стоило бы 2 570 500 фунтов стерлингов (6 169 200 долларов), а серебро – 283 850 фунтов стерлингов (681 240 долларов); всего – 2 854 350 фунтов стерлингов (или 6 850 440 долларов).

Внезапное высвобождение таких несметных сокровищ привело к тому, что Кахамарка превратилась в город золотой лихорадки, где цены на европейские товары вызвали головокружение. «Если один человек был должником другого человека, он расплачивался кусочком золота, даже не взвешивая его и не беспокоясь о том, не стоит ли он вдвое больше, чем сумма долга. Должники ходили от дома к дому вместе с индейцем, нагруженным золотом, в поисках своих кредиторов, чтобы выплатить им долги».

Когда Атауальпа увидел, что все сокровища, привезенные в качестве выкупа, переплавили, а он все еще остается пленником, он пришел в отчаяние. Вероятно, теперь у него с каждым днем возрастала уверенность в том, что испанцы и не собираются его освободить. Ему оставалось надеяться лишь на то, что его освободят силой. Единственный военачальник, который мог сделать это, был Руминьяви, то есть полководец, оставленный удерживать Кито, когда Чалкучима и Кискис направились на юг страны. Возможно, Атауальпа приказал Руминьяви приблизиться к Кахамарке и подготовиться напасть на тех, кто держал его в плену, и на любых испанцев, которые попытались бы вывезти золото на побережье. Испанцы подозревали, что будет предпринята какая-нибудь попытка такой спасательной операции. Их подозрения вскоре переросли в убежденность. «Не было почти никаких сомнений в том, что он уже отдал приказ своим воинам собраться, чтобы напасть на испанцев. Такой приказ и в самом деле был им отдан, и воины были в полной готовности вместе со своими военачальниками. Но касик [Инка] откладывал нападение только потому, что он сам был несвободен и его полководец Чалкучима также был пленником». Поползли слухи. Вождь Кахамарки пришел к губернатору Писарро и сказал ему, что Атауальпа совершенно точно посылал приказ собрать воинов, находившихся на его родине в Кито. «Все эти воины находятся под командованием великого военачальника по имени Руминьяви, и они очень близко отсюда. Они придут ночью, нападут на этот лагерь и подожгут его со всех сторон. Первым они попытаются убить тебя и освободят из плена своего господина Атауальпу. Двести тысяч индейцев из Кито идут сюда, и среди них 30 тысяч караибов, которые едят человеческое мясо»... Когда губернатор услышал это предупреждение, он от души поблагодарил касика и оказал ему большую честь. Он приказал секретарю записать все это, и секретарь составил для него об этом доклад. Этот доклад передали дяде Атауальпы и другим благородным инкам и женщинам. Выяснилось, что все, что сказал касик Кахамарки, было правдой». Педро Санчо, секретарь Писарро, подтвердил, что испанцы проводили расследование этих ужасающих слухов. «Были получены длинные сообщения от многих касиков и собственных приближен-

ных Атауальпы. Все они добровольно признались и раскрыли заговор без страха, пыток или принуждения». Информаторы даже сообщили, какие трудности были в этой армии с продовольствием. Они сказали, что армию разделили на отдельные вооруженные отряды, но выяснилось, что нужно еще собрать урожай кукурузы и высушить ее, чтобы сделать запасы продовольствия.

Испанцы отнеслись к этим слухам предельно серьезно. Писарро приказал выставить вокруг лагеря сильную охрану. «Каждые четверть часа 50 всадников выезжали патрулировать [лагерь], и еще 150 были в полной боевой готовности на рассвете. В течение всех этих ночей губернатор и его офицеры не спали: они проверяли караулы и делали все, что было необходимо. Люди, сменившиеся с постов, спали в полном вооружении, а лошади оставались под седлами».

Писарро предстал перед Атауальпой с убийственными доказательствами готовящегося нападения. Инка решительно все отрицал, говоря, что он никогда не посмел бы приказать своей армии совершить попытку своего освобождения из плена таких могущественных – а также безжалостных – людей, как конкистадоры. А без его приказа никакая армия не двинется с места. «Атауальпа ответил: «Вы шутите? Вы всегда рассказываете мне неправдоподобные вещи. Каким образом я или мои воины могли бы потревожить таких храбрецов, как вы? Перестаньте надо мной так зло подшучивать». Он сказал все это, не проявляя никакого замешательства, но с улыбкой, чтобы скрыть свое коварство. За время, прошедшее после его пленения, он много раз говорил выдающиеся вещи, показывающие его незаурядный острый ум. Испанцы, которые слышали их, были поражены такой мудростью дикаря». По воспоминаниям одного молодого испанца из отряда Писарро, Педро Катаньо, он слышал однажды, как Инка спорил, демонстрируя мощную логику: «Правда, что если бы какие-нибудь воины должны были прийти сюда из Кито, то это было бы по моему приказу. Но выясните сначала, правда ли это. И если это все же окажется правдой, то я в вашей власти, и вы можете меня казнить!» Несмотря на такие горячие оправдания, Писарро приказал надеть на своего пленника ошейник и посадить его на цепь, чтобы предупредить попытку побега, – было известно, что Атауальпа уже один раз бежал из плена в начале междоусобной войны. По словам Сереса, секретаря Писарро, позже стало известно, что, как только Атауальпу заковали в цепи, он сначала послал Руминьяви приказ остановиться. Но затем он отменил его и «отправил ему указания, как, где и когда его армия должна атаковать лагерь. Ибо он был еще жив, но если они будут медлить, то найдут его мертвым».

Писарро созвал на совет руководителей экспедиции: своих собственных военачальников, Диего де Альмагро, королевских чиновников, включая казначея Алонсо Рикельме, монаха-доминиканца Висенте де Вальверде, нотариуса Педро Санчо, Мигеля де Эстете и других. Споры бушевали в основном вокруг вопроса о том, целесообразно ли сохранять Атауальпе жизнь, а не о том, существует ли армия Руминьяви. Теперь, когда сокровища были переплавлены, всем хотелось уехать из Кахамарки в легендарное место сказочных богатств, которым представлялся город Куско. «Мы строили планы, как везти Атауальпу и какую охрану поставить возле него. Мы обсуждали это и спорили, сможем ли мы защитить его при переходе через ущелья и реки в случае, если его люди попытаются его отбить». Многие чувствовали, что Атауальпа стал уже помехой, – как в свое время Мария, королева Шотландии, – стесняющей будущих правителей Перу.

Сам Писарро и большинство испанцев, которые прожили рядом с Атауальпой эти восемь месяцев, хотели сохранить ему жизнь. Они знали, что пленный Инка – это их гарантия получения сокровищ. Некоторые даже считали, что, раз выкуп был выплачен, испанцы должны выполнить свою часть сделки. Едва ли Инку можно было обвинить в том, что он причинил испанцам какой-либо вред. Единственный испанец, который пострадал с момента прихода Писарро в Перу, был человек, которому один из его соотечественников отрубил

руку. Некоторые испанцы, проведя с пленником много приятных вечеров, возможно, даже полюбили его. Вновь прибывшие испанцы были менее сентиментальны. Они горели желанием углубиться дальше в территорию Перу, чтобы завоевать себе богатства, и боялись, что, пока Атауальпа жив, они будут в постоянной опасности. «С его смертью все это прекратилось бы и в стране наступило бы спокойствие».

Споры зашли в тупик, а затем вернулись к вопросу о непосредственной опасности, исходящей от армии Руминьяви. «Желая узнать правду, пятеро испанцев благородного происхождения вызвались лично пойти на разведку, чтобы выяснить, действительно ли те воины собираются напасть на христиан. В конце концов, губернатор... согласился, и капитан Эрнандо де Сото, капитан Родриго Оргоньес, Педро Ортис, Мигель Эстете и Лопе Велес отправились, чтобы найти тех врагов, которые якобы приближались к нам. Губернатор дал им проводника, или лазутчика, который сказал, что знает, где находится враг. После двух дней пути проводник упал в пропасть и разбился насмерть... Но пятеро всадников продолжали свой путь, пока не достигли того места, где, по слухам, они должны были наткнуться на вражескую армию».

После отъезда этого разведывательного отряда растущая истерия среди испанцев, остававшихся в Кахамарке, не улеглась. Молодой солдат Педро Катаньо заявил, что пришел в сильное негодование, когда впервые до него дошел слух о том, что Инку могут убить. Он поспешил донести свой протест до губернатора; но Писарро велел заковать его в цепи и посадить под замок, чтобы наказать его за самонадеянность и охладить его юношеский пыл. Альмагро навел его в тюрьме, а Писарро затем решил подольститься к нему и оказал ему честь, пригласив его на обед с ним и Альмагро. Во время обеда Писарро говорил прочувствованные речи, благодаря молодого Катаньо за то, что тот отговорил его причинять вред Инке. Растроганный Катаньо «от имени всех конкистадоров поцеловал руки его светлости за его поступок». Обед закончился игрой в карты. Когда они играли, в комнату ворвался Педро де Анадес, таща за собой никарагуанского индейца. Он объяснил, что этот индеец, находясь в трех лигах от Кахамарки, видел огромное полчище индейцев, направлявшееся прямо к городу. Писарро расспросил индейца, и тот повторил свой рассказ, добавив подтверждающие его подробности. Альмагро взорвался: «Ваша светлость собирается позволить нам всем умереть из-за вашей любви к Катаньо?» Писарро молча вышел из комнаты. Вскоре за ним последовал и Альмагро. Серес и Мена также отметили в своих записях, что в субботу вечером на закате дня прибыли «два индейца, которые находились на службе у испанцев». Они сказали, что встретили других индейцев, спасавшихся бегством от приближающейся армии. Эта армия, которую сами местные жители не видели, «появилась на расстоянии трех лиг и в ту же ночь или на следующую придет, чтобы напасть на лагерь христиан, ибо приближается она с большой скоростью».

Состоялось срочное заседание совета. «Капитан Альмагро настаивал на смертном приговоре [Атауальпе], называя много причин, по которым он должен умереть». «Королевские чиновники требовали смертного приговора, и ученый доктор, находившийся при армии, рассудил, что оснований для этого достаточно». «Против воли губернатора, которому никогда не нравилась эта идея, они решили, что Атауальпа должен умереть, так как он нарушил мир и замышлял предательство, призвав своих людей убить христиан». «Они решили убить этого великого касика Атауальпу немедленно», и поэтому «губернатор с согласия королевских чиновников, военачальников и других людей приговорил Атауальпу к смерти. Из-за того, что он совершил предательство, говорилось в приговоре, он должен умереть путем сожжения на костре, если только он не примет христианство».

Не было ни суда, ничего, кроме поспешного решения Писарро, который поддался авантюрным требованиям Альмагро и королевских чиновников. «Конечно, эти местные вожди не читали законов и не могли их понять, и все же [испанцы] объявили этот приговор ничего не

подозревавшему язычнику. Атауальпа зарыдал и сказал, что им не следует его убивать, ибо в его стране нет ни одного индейца, который стал бы повиноваться им без его высочайшего повеления. Раз уж он их пленник, то чего же им бояться? Если они делают это ради золота или серебра, то он даст им вдвое больше того, что уже по его приказу было доставлено. Я увидел, что губернатор плачет от жалости к нему, так как не может гарантировать ему жизнь; он не мог рисковать и боялся того, что может случиться в стране, если его освободить».

Как только решение было принято, испанцы стали действовать с устрашающей скоростью, как будто боялись, что если они будут колебаться, то могут передумать. Педро Санчо, секретарь Писарро, написал подробный отчет о казни. Она состоялась на печально известной площади Кахамарки в субботу 6 июля 1533 года ближе к ночи. Атауальпу привели из тюрьмы в центр площади под звуки труб, которые должны были возвещать о его вероломстве и предательстве, и привязали к столбу. Тем временем монах [Вальверде] начал через переводчика утешать его и рассказывать о догматах нашей христианской веры... Инка был тронут и попросил, чтобы его крестили, что этот святой отец и совершил без промедления, [дав ему при крещении имя Франсиско в честь губернатора Писарро]. Его наставления пошли [Инке] на пользу. Ибо, несмотря на то что его приговорили к сожжению живым, его на самом деле задушили с помощью веревки, затянутой вокруг его шеи».

Конкистадор Лукас Мартинес Вегасо описал, свидетелем какой необыкновенной сцены он стал в тот вечер. Когда Атауальпа сидел, привязанный к стулу, с гарротой вокруг шеи, он сказал, что «поручает своих сыновей губернатору дону Франсиско Писарро. Отец [Висенте де Вальверде] посоветовал ему забыть о своих женах и детях и умереть как христианин: если он хочет им стать, то должен принять воду священного крещения. Но он продолжал настаивать на том, что отдает своих сыновей под покровительство губернатора; при этом он плакал и показывал рукой, какого они роста; и слова, и жесты его говорили о том, что они были маленькими и что они остались в Кито. Святой отец снова попытался заставить его стать христианином и забыть о своих детях, ибо губернатор позаботится о них так, как если бы они были его собственными детьми. [Атауальпа] сказал: да, он хочет стать христианином; и его крестили...» Сестра Атауальпы Инес Юпанки подтвердила, что она видела, как ее брат поручил своих сыновей Писарро.

«После произнесенных им последних слов испанцы окружили его со словами молитвы о его душе и быстро задушили его. Да сохранит его Всевышний, ибо он умер в истинной вере христианской, раскаиваясь в своих грехах. После того как он был таким образом задушен и приговор приведен в исполнение, его подожгли, и часть его одежды и плоти сгорела. Он умер поздно вечером, и тело его было оставлено в ту ночь на площади, чтобы все узнали о его смерти. На следующий день губернатор приказал всем испанцам явиться на его похороны. Его несли в церковь с крестом и церковными облачениями и похоронили с такой пышностью, как будто он был самым важным испанцем в нашем лагере. Все вожди в его свите были очень довольны этим: они оценили великую честь, оказанную ему».

Далекие от того, чтобы «оценить великую честь» похорон по христианскому обычаю, сторонники Атауальпы были потрясены его смертью. «Когда его вывели, чтобы убить, все местные жители, которые находились на площади – а их было немало, – распростерлись на земле, упав на нее, как пьяные». Во время похорон были еще трогательные сцены. «Когда все мы находились в церкви на заупокойной службе по Атауальпе и его тело тоже было там, вдруг с громкими криками появились женщины – его сестры, жены и другие, состоявшие с ним в близких отношениях. Они кричали так громко, что прервали божественную службу. Они сказали, что могилу нужно сделать значительно больших размеров, так как, по их обычаю, когда умирает великий господин, все, кто любит его, должны быть похоронены заживо вместе с ним. Им сказали, что Атауальпа умер христианином и его отпевают одного. То, о чем они просят, нельзя выполнить, потому что это грешно и против христианских обычаев:

они должны уйти и не прерывать службу и позволить совершить обряд похорон». Педро Писарро вспоминал, что «остались две сестры, которые ходили вокруг с воплями; они били в барабаны, пели и перечисляли деяния своего мужа. Атауальпа раньше говорил своим сестрам и женам, что, если его не сожгут, он вернется в этот мир. Они подождали, когда губернатор выйдет из комнаты, пришли к тому месту, где до этого жил Атауальпа, и попросили меня позволить им войти. Войдя внутрь, они начали звать Атауальпу и искать его во всех уголках. Но, поняв, что он не отвечает, они вышли, испуская громкие вопли... Я вывел их из заблуждения, сказав, что мертвые не возвращаются».

Сото и его разведывательная группа вернулись уже после смерти Атауальпы. «Он принес весть, что никого они не видели и ничего там не было». «Они не нашли ни воинов, ни вообще каких-либо людей с оружием, и все было спокойно... Поэтому, видя, что это была уловка, низкая ложь и явное вероломство, они вернулись в Кахамарку... Когда они пришли к губернатору, они нашли его пребывающим в сильном горе; на нем была войлочная шляпа в знак траура, а глаза его были мокры от слез». Когда он услышал, что Сото ничего не обнаружил, Писарро «очень опечалился о том, что убил его; а Сото опечалился даже еще больше, ибо, как он сказал, – и он был прав, – лучше было бы отослать его в Испанию: он сам отправился бы с ним в море. Это было бы самое лучшее, что они могли бы сделать для этого индейца, так как невозможно было оставить его в той стране».

Просто удивительно, как меняется отношение испанских хронистов к смерти Атауальпы. Самые первые очевидцы – официальные секретари Франсиско де Серес и Педро Санчо, наблюдатель Мигель де Эстете, Кристоаль де Мена и члены городского совета Хаухи – все они опустили всякое упоминание о разведывательной миссии де Сото и о ее отрицательных результатах. Один Серес что-то туманно написал о двух индейцах-следопытах, которые были посланы на разведку. Эти историографы уже чувствовали некоторую неуверенность. Перед лицом возможной цензуры они сомкнули свои ряды, настаивая на реальности той угрозы, которая исходила от армии Руминьяви.

29 июля 1533 года Франсиско Писарро сам написал императору Карлу V с целью объяснить свои действия. Он написал, что казнил Атауальпу, потому что ему стало известно о «его приказе мобилизовать всех воинов с тем, чтобы они напали на [меня] и других христиан, которые присутствовали при его пленении». Точно такое же объяснение Писарро представил в письме и своему брату Эрнандо, который к этому времени был уже в Панаме. Эрнандо повторил его без комментариев: «Согласно тому, что пишет мне губернатор [Франсиско Писарро], стало известно, что Атауальпа собирал силы для начала войны с христианами; и он сообщает, что они казнили его».

Со стороны последовала быстрая и критическая реакция на казнь Атауальпы. Судья Гаспар де Эспиноза, давний губернатор Панамы, написал королю письмо, которое было отправлено на том же корабле, на котором Эрнандо Писарро путешествовал в Испанию. Реакция Эспинозы была такой же, какую дал и суд Испании, и все просвещенные люди в Европе. Он был ослеплен достижениями Писарро: «Величие и богатства Перу растут день ото дня в такой степени, что в это почти невозможно поверить <...> это как сон». Но на него совершенно не произвели никакого впечатления те обстоятельства, которые окружали казнь Атауальпы. «Они убили касика [Инку], потому что они утверждают, что он собирал силы с целью напасть на наших испанцев. Поэтому губернатора уговорили – почти заставили – сделать это чиновники Вашего Величества своими настойчивыми просьбами и требованиями... На мой взгляд, вину Инки следовало бы сначала четко установить и доказать, прежде чем убивать человека, попавшего к ним в руки и не причинившего никакого вреда ни кому-либо из испанцев, ни кому бы то ни было». Эспиноза знал, что «жадность испанцев, принадлежащих ко всем классам, так велика, что ее невозможно насытить: чем больше дают местные вожди, тем больше испанцы пытаются убедить своих военачальников и губернато-

ров убивать или пытаться их, чтобы те давали еще и еще... Но со мной у них это не выйдет». Эспиноза считал, что Атауальпу следовало выслать на другую оккупированную испанцами территорию. «Они могли бы выслать его сюда [в Панаму] вместе с его женами и слугами, как и приличествует его положению. У него не было недостатка в золоте, [чтобы заплатить за это]. Здесь мы оказывали бы ему все почести и уважение, как если бы он был высокородным господином из Кастилии».

Император был тронут такими решительными суждениями. Он написал Писарро холодное послание: «Мы получили ваше сообщение о казни плененного вами касика Атауальпы». Карл принял утверждение Писарро, что Инка готовил силы для нападения. «И тем не менее мы недовольны смертью Атауальпы, а особенно тем, что это было сделано именем правосудия, ведь он был монархом... После получения сведений об этом деле мы пришлем наше повеление». Король помнил о святости королевского права помазанника Божьего. А оно серьезно подрывалось действиями такого удачливого выскочки, как Писарро, который безнаказанно смог казнить одного из самых могущественных императоров в мире.

В течение сороковых годов XVI века хронисты отражали это официальное неодобрение действий Писарро в своих нападках на него. Гонсало Фернандес де Овьедо строго осудил убийство «такого великого государя», назвав его «позорным деянием» и «плохой услугой Господу и императору», «актом великой неблагодарности» и «вопиющим грехом». Паскуаль де Андагойя открыто обвинил Писарро и его чиновников в обмане: они «заставили индейских колдунов, которые были враждебно настроены по отношению к Атауальпе, объявить, что у него есть наготове армия, чтобы напасть и убить их. Атауальпа ответил, что все это ложь <...> пусть они пошлют кого-нибудь на равнину, где, по их сведениям, собирались войска, чтобы удостовериться в этом. С этой целью из лагеря выступил капитан Сото с несколькими товарищами. Но все было подстроено так, что Писарро и его советники убили Атауальпу до возвращения Сото». Хуан Руис де Арсе в личном послании своей семье также обвинил Писарро в том, что «он сыграл на обмане конкистадоров», отправив Сото на поиски химеры.

Около 1550 года акценты сместились. Теперь первых завоевателей возвели в ранг овеянных славой, почти легендарных героев. Поэтому хронисты стали искать козлов отпущения и перестали обвинять Писарро и его людей в преднамеренном обмане. Доказательствами предполагаемой вины Атауальпы послужили свидетельские показания местных жителей, допрошенных по поводу армии Руминьяви. Эти допросы были проведены через посредничество индейцев-переводчиков, которых обучили испанцы. Главный переводчик, молодой человек, весьма располагающий к себе, которого ласково называли Фелипильо, был арестован в 1536 году людьми Альмагро и задушен по обвинению в предательстве. Перед смертью он признался и в других случаях, когда он подстрекал местных жителей против испанцев. Агустин де Сарате и шовинистически настроенный Франсиско Лопес де Гомара создали историю, будто Фелипильо намеренно искажал показания местных жителей в 1533 году. А также будто бы его застали в момент прелюбодеяния с одной из жен Атауальпы, и только его ценность как переводчика спасла его от немедленной смерти за этот акт оскорбления его величества; и затем он подстроил казнь Атауальпы, чтобы спасти свою кожу. Эта версия предлагала необходимого козла отпущения и спасала репутацию конкистадоров. Никто не принимал во внимание, что таких проницательных людей, как Серес и Санчо, вряд ли мог ввести в заблуждение диаметрально противоположный по смыслу перевод таких исключительно важных свидетельских показаний. Поэтому история с фальшивым переводчиком была с радостью принята. Она возникла в пятидесятых годах XVI века и пересказывается и по сей день.

Репутации конкистадоров были также отчасти восстановлены благодаря тому, что казнь Атауальпы состоялась в результате последовательных судебных действий, а не была

просто поспешным решением руководящей верхушки. Фернандес де Овьедо непреднамеренно положил этому начало, когда написал, что «они начали судебный процесс, который был плохо организован и еще хуже записан; его главными авторами были своекорыстный, неуправляемый, бесчестный священник, аморальный и некомпетентный нотариус и люди одного с ними сорта». Лопес де Гомара, который в своем труде «Испания Виктрикс» прославлял завоевания конкистадоров, развил эту тему, добавив, что Писарро устроил суд по всем правилам – это должно было воззвать к чувствам испанцев XVI века, приверженных букве закона. Гарсиласо увидел в этом зародыш хорошего сюжета. В своих «Коментарииос реалес», опубликованных в 1617 году, он утверждал, что Гомара почти не оценил по достоинству этот суд. Сам он раздул его до размеров «торжественного и весьма продолжительного» действия, в котором принимали участие двое судей, государственный обвинитель, адвокаты защиты, поверенные, много свидетелей (чьи показания были конечно же искажены при переводе). В нем содержалось расследование по двенадцати пунктам, продолжительные дебаты в зале суда, апелляции к императору Карлу V и назначение официального защитника Атауальпы. Обвинительный акт Инки теперь содержал обвинения в убийстве его брата Уаскара, уничтожении племени каньяри и других, в совершении так называемых человеческих жертвоприношений и в кровосмесительной полигамии. Гарсиласо также представил имена одиннадцати испанцев, которые якобы смело выступили в защиту Инки. Таким образом, суд, вымышленный Гомарой, чтобы обелить поведение испанцев, был использован красноречивым Гарсиласо, чтобы усилить драматизм, насмешку и ужас казни Атауальпы. «Суд» Гарсиласо выглядел чрезвычайно драматично, и с этой историей трудно расстаться. Прескотт повторил ее, но с некоторой осторожностью: озадаченный тем, что самый главный апологет инков подчеркивал законность казни Атауальпы, Прескотт заключил, что «где нет повода для обмана, как в этом примере, там, вероятно, можно верить [Гарсиласо] на слово». Спустя некоторое время историки перестали мучиться сомнениями, повторяя эту версию. Маркхэм, Хелпс, Минс и другие негодовали по поводу этого «убийства по суду». Книга, написанная в 1963 году, даже предлагала сравнение с современностью: «Как в сталинской России нашего времени, судебное разбирательство было проведено с выставлением напоказ правильности процессуальных форм». Маркхэм уделил большое внимание одиннадцати испанцам из рассказа Гарсиласо, выступившим в защиту Инки, назвав их «немногими честными и уважаемыми людьми», чьи имена «достойны памяти». Хайэмс и Ордиш восхваляли «огромное нравственное мужество» этих «десяти процентов» испанской общины в Кахамарке за то, что «они были готовы, перед лицом большинства и истеблишмента, с риском для себя встать на защиту справедливости и милосердия». К несчастью для этого убедительного рассказа, выяснилось, что только двое из одиннадцати доблестных мужей, названных Гарсиласо, действительно находились в то время в Кахамарке. Все свидетельские отчеты на самом деле оставили совершенно другое впечатление. Самые первые хронисты подразумевали, что большинство испанцев были за то, чтобы оставить Инку в живых, или им было все равно. И только определенное меньшинство, возглавляемое Альмагро и казначеем Рикельме, силой заставили Писарро допустить трагическую казнь.

Существование армии Руминьяви навсегда останется вопросом без ответа. Есть различные причины верить в нее: показания знатных инков, убежденность многих испанцев в ее приближении, вероятность того, что Атауальпа, отчаявшись, все же призвал ее себе на помощь. Имеется также запись о том, что вскоре после ухода испанцев из Кахамарки в город вошел отряд инков, чтобы перенести тело Инки и разрушить город, ставший свидетелем унижения империи. Руминьяви действительно командовал армией, выступившей против испанцев в следующем году, так что, вероятно, она у него была готова к нападению и в 1533-м.

Но есть также и мощные аргументы в поддержку традиционной точки зрения, что испанцы поддались панике из-за химеры. Показания местных жителей неубедительны: свидетели, возможно, продолжали политику междоусобной войны против Атауальпы; возможно, они думали, что их спрашивают о том, может ли Руминьяви представлять угрозу Кахамарке, или им, может быть, нравилось разжигать в и так явно напуганных испанцах панику. Ни один испанец и ни один индеец, находившийся у них на службе, ни разу не видели какую-либо вражескую армию. Руминьяви, идущий из Кито, почти наверняка двинулся бы на юг по главной магистрали. А если Сото со своей разведывательной группой достиг Кахаса, как это утверждает Педро Писарро, он должен был встретить какой-нибудь воинский отряд.

Наверное, важнее, чем правда, скрывающаяся за слухами, был тот эффект, который эти слухи произвели на испанцев в Кахамарке. Теперь, когда они получили золото и не освободили взамен Инку, они чувствовали себя уязвимыми. Никто из них на самом деле никогда еще не воевал против армии инков, и половина воинов в лагере состояла из новичков, которые даже не участвовали в истреблении индейцев на площади Кахамарки. Возможно, поэтому многие испанцы были охвачены паникой, усиленной паранойей, виной и неизвестностью. Эта паника, внезапно подкрепленная никарагуанским индейцем, могла в один момент исказить оценку происходящего в глазах Писарро.

В обычных обстоятельствах, видя угрозу со стороны индейцев, испанцы вскочили бы на коней и бросились бы на них в атаку. Но это были необычные обстоятельства. Верил ли Писарро в приближение армии Руминьяви или нет, но совершенно очевидно, что он находился под влиянием требований в сложившейся ситуации убить пленного Инку. Атауальпа оказался в точке столкновения двух чуждых друг другу миров. Он был готов к тому, что его убьют немедленно после захвата в плен, и его убежденность в этом стала снова расти, когда он увидел, что вместо того, чтобы уехать с выкупом, испанцы в Кахамарке получили подкрепление в лице своих соотечественников. Некоторые испанцы стали думать, что Инка перестал представлять какую-либо ценность как заложник и послушный им марионеточный правитель. Теперь все испанцы в Кахамарке хотели отправиться в Куско. Люди Альмагро отчаянно стремились разбогатеть. Убийство Атауальпы гарантировало им, что все другие найденные сокровища не будут считаться частью его выкупа, на который они не могли претендовать. Теперь, когда Атауальпа был жестоко и цинично обманут насчет своего возвращения на престол, нельзя было больше полагаться на то, что он станет поддерживать господство испанцев. Во время длительного и трудного похода к Куско присутствие Инки могло бы повлечь за собой нападение на колонну испанцев; а о том, чтобы освободить его и дать ему возможность править в Кито, нельзя было даже и думать. Практическая целесообразность требовала, чтобы Инку убрали, и только она была единственно возможным объяснением его убийства.

Многие поверили и верят в обвинение, которое первым выдвинул Хуан Руис де Арсе: Писарро убедился в необходимости избавиться от Атауальпы и умышленно отослал Сото выполнять бесполезное задание, чтобы удалить главного защитника Инки. Но показания тех, которые при всем присутствовали, свидетельствуют о том, что Писарро в какой-то момент, под давлением аргументов и требований Альмагро и Рикельме, внезапно сдался при приближении ночи в ту роковую субботу. Решение о казни правителя было принято моментально, чего нельзя было делать так поспешно. Писарро знал, что два человека, которые всегда были его двумя главными военачальниками, Эрнандо Писарро и Эрнандо де Сото, воспротивились бы этому. Атауальпу нельзя было обвинить ни в каких враждебных действиях, несмотря на чудовищную провокацию захватчиков. Подлое публичное удушение и лицемерная церемония его похорон ничего не изменили в его смерти. Если бы Инка был политическим узни-

ком, было бы лучше избавиться от него в его камере, скрытой от посторонних глаз, или отослать его умирать в ссылке.

Глава 4

Тупак Уальпа

Какой бы несправедливой и жестокой ни была казнь Атауальпы, она достигла той цели, которой добивался Альмагро и иже с ним. Теперь ничто не мешало объединенным силам Писарро и Альмагро направить свой завоевательный поход в центр империи инков. У большинства местного населения первой реакцией на смерть Атауальпы было чувство облегчения. Она им казалась ознаменованием конца угнетению, которому они подвергались со стороны китонцев, победителей в гражданской войне. Писарро не терял времени на сплочение сторонников Уаскара, так как он собирался дойти до Куско и желал появиться там как его освободитель. Теперь он уже знал, до какой степени управленческий аппарат империи зависел от самого Инки. И ему сильно повезло, что вместе с ним в Кахамарке находился самый старший сын из оставшихся в живых законных сыновей Уайна-Капака. Это был Тупак Уальпа, младший брат Уаскара, человек, принимавший после своего приезда в Кахамарку все меры предосторожности, чтобы избежать перспективы быть убитым по приказу Атауальпы. Писарро позаботился о том, чтобы этот Инка-марионетка получил при коронации все традиционные символы власти, какие получает Инка при восшествии на престол. Как только Атауальпу похоронили, Писарро «приказал немедленно созвать всех касиков и вождей, которые проживали в городе при дворе умершего правителя – а их было довольно много, и некоторые были из отдаленных областей, – на главную площадь для того, чтобы он дал им нового правителя, который будет править ими от имени его величества». Они сказали, что Тупак Уальпа следующий по очереди престолонаследник и что они не будут возражать.

Орехоны принимают вассальную присягу королю Испании

Коронация началась на следующий день. «Были проведены соответствующие церемонии, и каждый [вождь] подошел к нему и вручил ему белое перо в знак своей вассальной зависимости, ибо такова была их древняя традиция с тех времен, когда инки завоевали всю страну. Потом они пели и плясали и устроили великое празднество, во время которого их новый правитель не надел ни богатых одежд, ни украшения-бахромы на лбу, <...> как это делал прежде умерший правитель. Губернатор спросил его, почему он так поступил. Он ответил, что таковы обычаи его предков: вступающий во владение империей должен носить траур по усопшему предшественнику. По традиции, они провели три дня запершись в доме и соблюдая пост, а затем появились с великой пышностью и церемониями и начался большой праздник... Губернатор сказал ему, что если таков древний обычай, то следует его соблюдать». Местные жители быстро построили большой дом, в котором новый Инка должен был найти уединение. «Когда пост закончился, он появился, великолепно одетый в сопровождении огромной толпы людей: касиков и вождей, которые охраняли его; и куда бы он ни шел, везде лежали дорогие подушки, а под ноги ему клали богатые декоративные ткани. Главный полководец Атауальпы Чалкучима... сидел рядом с Инкой, и с ним вместе военачальник Тисо, а различные братья Инки сидели по другую сторону от него. И так один за другим по обе стороны от него сидели другие касики, военачальники, губернаторы провинций и вожди больших областей. Короче, там не было никого, кто не принадлежал бы к высшему обществу». «Затем они признали его своим господином, унизившись и целуя его руку и щеку; и они поворачивали свои лица к солнцу и благодарили его, говоря, что оно дало им господина. И затем они возложили на его голову украшение в виде изящной бахромы, которая у них считается короной». «Все они ели сидя на земле, так как у них нет столов; а после еды Инка сказал, что хочет принять вассальную присягу его величеству, какую только что приняли его вожди по отношению к нему. Губернатор сказал ему, что он может поступить, как считает нужным, и тогда Инка вручил ему белое перо, одно из тех, что дали ему его касики... Губернатор обнял его с большим чувством и принял перо».

На следующий день настала очередь испанцев проводить церемонии. «Губернатор предстал перед собравшимися в своих лучших шелковых одеждах в сопровождении королевских чиновников и некоторых идалго, которые присутствовали на церемонии также в своих самых лучших одеждах, чтобы подчеркнуть ее торжественность». Писарро заговаривал с каждым вождем по очереди, а его секретарь записывал их имена и названия провинций. Затем он зачитал декларацию, известную как «Требования», в которой испанские военачальники информировали местное население, что завоеватели были посланы императором Карлом с целью донести до них учение истинной религии, а также обещали, что все будет хорошо, если они мирно покорятся императору и его Богу. «Он зачитал им это, а затем переводчик перевел им все слово в слово. Затем он спросил их, хорошо ли они все поняли, и они ответили, что хорошо... Затем губернатор взял в руки королевский штандарт, поднял его над головой три раза и сказал им, что каждый из них должен сделать то же самое». Все касики послушно поднимали королевский штандарт под звуки труб. «После этого они подошли обнять губернатора, который принял их с великой радостью при виде их немедленного повиновения... Когда все закончилось, Инка и вожди устроили большие празднества. Каждый день проходили торжества, сопровождавшиеся развлечениями, играми и приемами, которые обычно проходили в доме губернатора».

Пока местная правящая верхушка праздновала то, что многим из них казалось реставрацией законной власти их королевского дома, испанцы делали последние приготовления для захвата центральной части Перу. Некоторые менее безрассудные конкистадоры попросили разрешения вернуться в Испанию со своей долей сокровищ. Писарро чувствовал себя

настолько уверенно, что дал им такое разрешение. Он дал им лам и индейцев, чтобы они помогли переправить их золото через горы в Сан-Мигель. Среди них был Франсиско де Серес, который и сообщил невеселые новости о том, что некоторые испанцы потеряли свои сокровища стоимостью свыше 25 тысяч песо, когда часть индейцев сбежала, прихватив с собой несколько лам, везущих золото. Возвращавшиеся конкистадоры отплыли в Панаму, а оттуда – на четырех кораблях в Испанию. Первый корабль с Кристобалем де Мена и первым грузом перуанского золота на борту достиг Европы в конце 1533 года и 5 декабря доплыл до Севильи, пройдя вверх по реке Гвадалквивир. Эрнандо Писарро прибыл со вторым кораблем 9 января; он привез первые сокровища для короля. В добавление к золоту и серебру, которое уже было переплавлено в бруски, губернатор Писарро придумал послать ему несколько произведений искусства, чтобы продемонстрировать утонченность этой неизвестной культуры. Среди них были «тридцать восемь сосудов из золота и сорок восемь из серебра, из коих один был серебряный орел, чье тело вмещало 2 кантара [8 галлонов] воды; две огромные вазы, золотая и серебряная, в каждую из которых могла поместиться разрубленная на части корова; два золотых котла, вмещающие по 2 фанега [111 литров] зерна каждый; золотой божок размером с четырехлетнего мальчика и два небольших барабана». Сокровища были выгружены на пристань Севильи и перевезены на повозках в Торговую палату. 14 января 1534 года Эрнандо Писарро написал королю Карлу, что он привез драгоценные предметы: «кувшины, вазы и другие редкости, которые стоит посмотреть». Он уверил короля, что ни один государь до него не обладал такой прекрасной и невиданной коллекцией. Даже Совет по делам Индий пришел в возбуждение. Члены Совета написали королю: «В связи с огромной важностью этой новости мы просим Ваше Величество рассмотреть письма Писарро и распорядиться <...> желает ли Ваше Величество, чтобы он предстал перед Вашей королевской персоной с предметами из серебра и другими драгоценностями, которые он привез с собой».

Первая реакция короля была отрицательная: он отдал приказ Торговой палате переплавить все сокровища, за исключением самых легких, и из золота немедленно начать чеканить монету. Но спустя несколько дней он частично изменил приказ, позволив, чтобы эту коллекцию выставили на публичное обозрение, и разрешил Эрнандо привезти ему еще несколько драгоценных предметов. Одним из молодых людей, которые увидели эти произведения искусства, был Педро Сьеса де Леон. У него разгорелось воображение. Позднее он стал тонким ценителем и одним из самых значительных хронистов Перу, но он всегда помнил «великолепные образцы, привезенные из Кахамарки и выставленные в Севилье». В конце февраля Эрнандо Писарро отправился в Толедо, взяв с собой небольшое количество специально отобранных предметов. Среди них были огромная серебряная ваза и два тяжелых золотых котла (все они были позже отправлены в переплавку «на монеты»), два маленьких золотых барабана, позолоченный бюст индейца и золотой початок кукурузы. Король не выказал никакого удовольствия при виде этих очаровательных предметов. После краткого выставления для публики они были вручены королевскому ювелиру и, вероятно, пошли в переплавку, как и другие произведения искусства, оставшиеся в Севилье.

Возвращение первых конкистадоров вызвало сильное возбуждение. Эрнандо Писарро был оказан при дворе великолепный прием, во время которого он вел переговоры о концессиях, чрезвычайно выгодных для Писарро, а затем он отправился в свою родную Эстремадуру, чтобы зажечь энтузиазм молодежи и набрать пополнение. А Мена и Серес выпустили каждый по книге, которые быстро стали бестселлерами и были переведены на другие европейские языки. Европа в постренессансный период была ослеплена открытием и внезапным завоеванием такой выдающейся империи, какую невозможно было себе даже представить.

Теперь испанцы в Кахамарке были готовы покинуть город, который они занимали в течение последних восьми месяцев, и направиться в Куско. Они пытались совершить одно из самых ошеломляющих вторжений в истории. Без запасов продовольствия, средств связи

и подкрепления этот крохотный отряд пытался силой проложить себе путь к сердцу огромной, враждебно настроенной империи и захватить ее столицу. Дорога из Кахамарки в Куско проходит вдоль центральных Анд. Она многократно пересекает границу водораздела между бассейном Амазонки и Тихим океаном и проходит через полдюжины второстепенных горных цепей и бурных горных потоков. Расстояние между двумя городами по прямой около 750 миль, и путешествие из одного города в другой можно было сравнить с путешествием от Женевского озера до Восточных Карпат или от пика Пайка до канадской границы, если в каждом случае следовать вдоль направления горных хребтов.

Писарро, Альмагро, Сото и их люди походным маршем вышли из Кахамарки 11 августа 1533 года. Сначала продвижение не было отмечено никакими событиями. Два дня они провели в Кахабамбе и четыре – в Уамачуко. Армия завоевателей продвигалась вперед по ничем не примечательной местности между Кахамаркой и горами, возвышающимися над Уайлаской долиной, – это зеленый, довольно лесистый для Перу край, где в настоящее время растут низкие, искривленные деревья местных пород и плантации высоких, завезенных сюда из других мест эвкалиптов. В Уамачуко до наших дней сохранились древние развалины в двух местах. Вблизи колониального городка располагаются останки небольших строений, чьи стены сходятся под прямыми углами, а огороженные прямоугольные участки, возможно, служили инкам в качестве военного лагеря; и на скалистом гребне над городом возвышаются стены из грубого камня и глины, заросшие кустарником и ежевикой. Это крепость Марка-Уамачуко, построенная еще до того, как страна была завоевана инками, в период, когда Перу было разделено на города-государства. Из Уамачуко отряд Писарро направился в Андамарку, тот самый городок, где людьми Атауальпы был убит Уаскар. Там отряд отдыхал три дня. Испанцы решили не идти по главной магистрали через Кончукос к восточным склонам Кордильера-Бланки из-за многочисленных гор. Вместо этого они спустились в глубокую Уайласскую долину в том месте, где бурная река Санта поворачивает на запад, прорезая себе путь к Тихому океану через сухие красноватые породы скалистых ущелий.

Испанцы достигли города Уайласы в последний день месяца, перейдя реку, на которой он стоял, по одному из знаменитых подвесных мостов инков. «В самом узком месте реки, где ее воды ужасающе бурлят, стиснутые со всех сторон, они делают из камней мощные каменные фундаменты на каждом берегу реки. Поперек этих каменных сооружений кладутся толстые деревянные балки; и через реку они перекидывают и закрепляют толстые канаты из ивняка, похожие на якорные, только их канаты имеют толщину около трех пядей [3,5 фута] каждый. После того как через реку проложат и соединят друг с другом полдюжины таких канатов на ширину, чтобы проехала повозка, их переплетают крепкими пеньковыми веревками и укрепляют хворостом... Потом к каждой стороне моста приделывают бортики, как у телеги. И так этот мост лежит, наполовину повиснув в воздухе высоко над водой. Кажется, невозможно заставить лошадей – животных, которые так много весят, легко приходят в возбуждение и пугаются, – пройти по чему-нибудь, подвешенному в воздухе... Хотя они и упирались сначала, но когда их поставили на мост, их страх, очевидно, улегся, и они перешли по нему одна за другой, так что на первом мосту не было неприятных происшествий». Педро Санчо вспоминал, какой ужас охватил его при первой переправе по такому мосту: «Непривычному человеку такая переправа кажется опасной, потому что мост прогибается по всей своей длине, <... > так что сначала приходится идти вниз до середины моста, а потом нужно карабкаться вверх, чтобы достичь противоположного берега. Когда по мосту кто-то идет, мост сильно качается; от этого у непривычного человека кружится голова».

В течение восьми дней испанцы из отряда Писарро отдыхали в Уайласе, прежде чем двинуться вверх по долине реки. В самой долине было тепло, в ней в изобилии произрастали цветы, кукуруза, а в настоящее время есть даже пальмы. Но края долины круто и равномерно поднимаются к горным хребтам, возвышающимся по обе ее стороны: на западе к голым

вершинам Кордильера-Негры, а на востоке к вечным снегам Кордильера-Бланки и увенчивающей ее самой высокой вершине Перу – горе Уаскаран. Склоны вокруг долины слишком круты: время от времени ледниковые отложения высокогорных каровых озер лопаются и склоны гор обрушиваются смертоносными оползнями. Отряд Писарро не спешил покидать долину и в середине сентября провел двенадцать дней на отдыхе в местечке Рекуай. Отсюда одна дорога вела вдоль долины Форталеса до Тихоокеанского побережья, где стоял огромный храм– крепость Парамонга, построенный из сырцового кирпича. Но Писарро двинулся по дороге, расположенной выше, которая огибала горы с юго-востока, перебираясь через верховья рек Пативилька и Уаура, и проходила через города Чикьян, Кахатамбо и Ойон.

Теперь испанцы были почти на полпути к Куско, не испытав за восемь недель путешествия после ухода из Кахамарки почти никаких трудностей. Та часть Перу, по которой они проходили, была верна партии Уаскара, и «до Кахатамбо касики и дорожные управители оказывали губернатору и испанцам хороший прием, обеспечивая их всем необходимым». И, несмотря на это, испанцы продвигались вперед с большой осторожностью, «всегда очень бдительные... с авангардом впереди и арьергардом позади». Посреди колонны испанцев на паланкинах ехали два лидера двух противоборствующих сторон, пережившие гражданскую войну: новый молодой Инка Тупак Уальпа и великий главнокомандующий армией Атауальпы Чалкучима. Первый думал, что его несут, чтобы возвратить его фамилии императорский трон в Куско, и он с готовностью сотрудничал с завоевателями. Но Чалкучима помнил, как его выманили из Хаухи, где он находился со своей армией, как его пытали по приезду в Кахамарку и как он стал свидетелем казни своего господина Атауальпы. Поэтому едва ли было удивительным то, что испанцы его боялись и подозревали подвох в каждом движении этой грозной фигуры. Как только они покинули Кахамарку, стало известно, что дружески настроенный к ним принц Уаритико, которого они послали вперед, чтобы обеспечить починку мостов и подготовку маршрута, был убит китонцами за пособничество испанцам. «Касик Тупак Уальпа явил великую скорбь, узнав о его смерти, и сам губернатор очень сожалел о нем, потому что он очень полюбил его и еще потому что он был очень полезен христианам». В этом убийстве обвинили Чалкучиму. Вдоль дорог инки содержали склады для обеспечения продовольствием проходящие имперские армии. Когда некоторые из них оказывались пустыми, в этом тоже обвиняли Чалкучиму; но он возражал, что такая бесхозяйственность была результатом того, что за эту часть экспедиции отвечал Тупак Уальпа. Подозрения насчет Чалкучимы усиливались по мере того, как захватчики подходили ближе к его бывшей штаб-квартире в Хаухе. Города Кахатамбо и Ойон оказались практически пустыми: их жители скрылись, спасаясь бегством от войск Атауальпы. В это время до колонны испанцев добрался индеец с вестями, что бывшая армия Чалкучимы в Хаухе поднялась в ружье и под командованием некоего Юкра– Уальпы готовилась дать отпор. Китонские дозоры пытались не допустить, чтобы слухи об этих приготовлениях достигли Тупак Уальпы. Писарро решил позаботиться о том, чтобы Чалкучима не сбежал и не встал во главе сопротивления, и заковал его в цепи. Наконец-то по крайней мере часть народа Перу попыталась противостоять вторжению. Как простодушно объяснил секретарь Писарро, «причина, по которой эти индейцы восстали и добивались войны с христианами, состояла в том, что они увидели, как испанцы завоевывают их землю, а они сами хотели ею править».

И вот уже испанцы покинули пугающе пустые города на склонах Анд, обращенных к Тихому океану, и двинулись по тому же самому безлюдному перевалу, по которому в марте прошел Эрнандо Писарро. На земле все еще лежал снег; некоторые испанцы страдали от тошноты, вызванной слабостью от пребывания на большой высоте, от горной болезни. К востоку от перевала местность так и оставалась голой, это было плато, по которому простиралась безлесая влажная саванна, и скалы, покрытые лишайником. Тревога захватчиков усилилась, когда они обнаружили еще одну покинутую деревню. Поступили новые сообщения

о том, что впереди происходит сосредоточение войск китонцев. «Все были уверены, что эта армия появилась здесь по совету и по приказу Чалкучимы – он имел намерение сбежать от христиан и присоединиться к ней». Ко вторнику 7 октября испанцы вновь вышли на главную королевскую дорогу в городе Бомбон, расположенном на берегу озера Чинчайкоча (в настоящее время – Хунин).

Слухи нарастали, и Писарро решил, что продвижение вперед надо ускорить. Поэтому он оставил более неповоротливую часть колонны – пехоту, артиллерию, обоз с драгоценными металлами и даже палатки, – чтобы она продолжала движение под командованием королевского казначея Алонсо Рикельме. А сам Писарро вырвался вперед с 75 лучшими всадниками и своими талантливыми военачальниками: Диего де Альмагро, Эрнандо де Сото, своим братом Хуаном и Педро де Кандия; а также при нем находился специальный отряд из 20 пехотинцев, который охранял закованного в цепи Чалкучиму.

В отличие от современной грунтовой дороги дорога инков вела дальше на восток: она взбиралась по горам и спускалась в тесную теплую долину Тарма. Это было идеальное место для засады. «Проход оказался труднодоступным – похоже было, что мы никогда не взберемся наверх. Там на горе был довольно сложный участок, по которому мы должны были спуститься вниз, в ущелье; и всем всадникам пришлось слезть с лошадей. А потом нам пришлось карабкаться наверх по обрывистому труднопроходимому склону горы». Современная Тарма – это симпатичный городок, тесно окруженный горными склонами, на которых расположены цветочные питомники. Но Писарро боялся, что в этом месте, стиснутом со всех сторон горами, лошадям не будет места для маневра. Он остановился только для того, чтобы накормить лошадей, и поспешил дальше, а ночь 10 октября они провели на открытом горном склоне. Санчо вспоминал это очень живо. Испанцы «были постоянно настороже; кони оставались под седлами, а сами люди голодными. Они ничего не поели, потому что у них не было дров для костра и не было воды. Они не взяли с собой палатки и не могли нигде укрыться, и поэтому они сильно страдали от холода, так как с начала ночи пошел дождь, а затем снег. Доспехи и одежда, которая была на них, – все промокло». На следующий день измотанные люди проезжали через Янамарку и видели трупы более чем 4 тысяч индейцев, убитых в одном из сражений гражданской войны. Это было еще одно напоминание о боевых качествах солдат-профессионалов китонской армии. Испанцы двигались через горы, покрытые руинами доинковских поселений народа уанка, и, наконец, увидели внизу поразительно ровную долину Хауха, а между двумя островерхими горами в ее северной части угнезвился город инков.

Они также увидели внизу темные массы китонских солдат, которыми когда-то командовал их пленник Чалкучима, а теперь их возглавлял Юкра-Уальпа. Но когда они спустились в долину, перед ними открылась яркая картина самоубийственного раскола, парализовавшего Перу. «Все местные жители вышли на дорогу, чтобы посмотреть на христиан, и сильно радовались их приходу, так как они думали, что для них это будет означать спасение от рабства, в котором их держала эта чужая армия». А тем временем эта «чужая армия» китонских инков готовилась оказать сопротивление. Это была первая военная акция за семнадцать месяцев со дня высадки испанцев на территории Перу и за два месяца со дня их ухода из Кахамарки. Основная часть индейской армии была сконцентрирована на дальнем берегу реки Мантаро. Но 600 воинов были посланы в Хауху, чтобы в последнюю минуту попытаться уничтожить огромные городские склады. Когда первые два испанских всадника въехали в Хауху, они встретили вооруженных индейцев, бегущих между домами. Испанцы сразу применили тактику, эффективность которой они узнали, когда завоевывали Мексику и Центральную Америку. Они немедленно атаковали. В узких улочках городка произошла стычка, а когда подскочили другие испанцы, индейцы были отброшены к реке. Они успели только поджечь тростниковую крышу одного большого склада и некоторые другие постройки. Хуан Руис де

Арсе вспоминал, что они вошли в Хауху в тот момент, когда пожар в городе только начал разгораться. По воспоминаниям Педро Писарро, они доставали золотые сосуды из горячей золы на месте сожженного склада, а Мартин де Паредес и Торибио Монтаньес написали из Сан-Мигеля, что Писарро взял «300 тысяч песо горелого золота в Хаухе». Альмагро продолжил преследование, направив лошадей в реку, уровень воды в которой начал уже подниматься в связи с началом сезона дождей. Индейцы на том берегу реки не знали, что им предпринять: то ли остаться и драться, то ли бежать до позиции, выгодной для обороны. Некоторые бежали на север, в горы, другие попытались драться и были перебиты. Сражение закончилось на кукурузном поле у реки, где были заколоты перепуганные воины, пытавшиеся найти там убежище. «Осмотр места показал, что 50 из них спастись не удалось».

Должно быть, армия индейцев была деморализована этой первой жестокой встречей. Ее военачальники решили идти на юг и попытаться соединиться с армией Кискиса в Куско. Но испанцы опять действовали быстро. Дав измученным людям и лошадям для отдыха только один день, Писарро послал 80 всадников в погоню. Передвигаясь с большими трудностями, захватчики вскоре достигли лагеря индейцев, в котором еще дымили костры. Огромная колонна индейской армии двигалась вниз по широкой долине реки Мантаро в нескольких милях впереди. Солдаты шли походным маршем, «построенные в отряды по 100 человек, а женщины и слуги находились между этими отрядами». Арьергард – «отряд доблестных воинов» – попытался оказать сопротивление, но был смят, и остальное войско обратилось в бегство, пытаясь укрыться в скалистых горах, окаймляющих долину. Многие бежали слишком медленно, а испанцы не знали жалости. «Преследование продолжалось на расстояние 4 лиги [16 миль], и многие индейцы были заколоты копьями. Мы забрали всех слуг и женщин, <...> в добычу вошло и большое количество золота и серебра». Эррера заметил, что среди пленников было «много красивых женщин, и среди них – две дочери Уайна-Капака».

Франсиско Писарро оставался в Хаухе две недели, с воскресенья 12 октября по понедельник 27 октября. Спустя неделю после его появления в городе к нему присоединился Рикельме с отрядом пехоты, походным снаряжением и сокровищами. Во время этой короткой остановки в городе развернулась бурная деятельность. В порядке эксперимента Хауху решено было сделать городом с испанским самоуправлением, а затем первой христианской столицей в Перу. Восемьдесят испанцев, половина из которых имела лошадей, должны были остаться в городе в качестве его первых жителей. Были выбраны здания для размещения церкви и муниципалитета. Теперь, когда захватчики встретили организованное сопротивление, Писарро решил сократить свою армию, оставив наименее полезную ее часть охранять сокровища в Хаухе. Королевский казначей Рикельме также оставался в городе: Писарро предпочел не обременять себя его советами и быть подальше от его недреманного ока; и Рикельме не возражал находиться в тылу боевых действий. Ввиду того, что многие конкистадоры оставляли свой золотой запас в городе, они в спешке писали завещания и делали другие распоряжения перед тем, как углубиться в незавоеванную территорию Перу.

Во время остановки в Хаухе молодой Инка Тупак Уальпа умер от болезни, которая подтачивала его силы еще в Кахамарке. Испанцы были глубоко опечалены потерей такой послушной марионетки и стали искать виновника. Авторитетные жители Хаухи написали королю: «Считалось, что военачальник Чалкучима дал ему какие-то травы или питье, от которого он умер, хотя этому и не было никаких доказательств, и полной уверенности в этом тоже не было». Молодой Инка, вероятно, умер естественным путем, хотя у Чалкучимы была веская причина, чтобы убить этого члена кусковской ветви королевской фамилии, сотрудничающего с врагами. Смерть Инки привела испанцев в большое замешательство. В свое время Писарро выбрал Тупака Уальпу как человека, наиболее приемлемого для вождей Атауальпы, и теперь он не знал, кого возвысить. Он понятия не имел о том, что Перу бурлило

от заговоров, целью которых было короновать других претендентов. В Кито военачальники Атауальпы рассматривали возможность возведения на престол брата Инки, Киллискачу, в то время как генерал Руминьяви собирался захватить власть для себя. Ходили слухи, что генерал Кискис в Куско предложил королевский головной убор брату Атауальпы Паулью, который симпатизировал китонцам. Писарро в спешке созвал на совет местных вождей, включая генералов Чалкучиму и Тисо. Встреча зашла в тупик, так как были выдвинуты два возможных кандидата на место Инки. Сторонники Уаскара предложили родного брата умершего Тупака Уальпы, по-видимому, того, кого звали Манко, который находился в районе Куско; китонцы же высказались в пользу юного сына Атауальпы. Писарро же постарался тайком оказать поддержку обеим сторонам. Он сказал Чалкучиме, что сделает его регентом, если тот сможет завлечь сына Атауальпы в лагерь испанцев на коронацию. Чалкучима ответил, что пошлет гонцов в Кито, чтобы те привезли мальчика. Вероятно, и тот и другой лгали друг другу, и из этого предложения ничего не вышло.

Этот торг по поводу престолонаследия показал, как низко пало величие Инки после начала гражданской войны и после всех унижений Атауальпы. Как только положение Инки потеряло свой престиж, то же самое произошло и со всей правящей кастой Перу. Другой разрушительной тенденцией стало понижение роли Куско и возрождение региональных центров и племенных столиц. В империи инков главенствующее положение занимало одно племя, один город и одна правящая династия. Поэтому Куско стал духовным и административным центром империи, какими в свое время были Рим и Византия. Здесь находилась роскошная резиденция каждого приходящего к власти Инки, пантеон мумифицированных правителей, огромная центральная площадь для церемоний, двор, посещаемый представителями всех ассимилированных племен, и административные советы при дворе Инки. Язык инков, кечуа, был обязательным для всех в империи и оказался самым долговечным наследием инков: в настоящее время более половины населения Перу говорит на нем как на родном языке.

Куско занимал главенствующее положение и как религиозный центр империи. Здесь располагались главные храмы официального бога-создателя Виракочи, а также храмы Солнца и Луны, поклонение которым инки пытались внедрить вместо почитания отдельных племенных божеств. Анимизм, существовавший до культа Солнца, все еще сохранялся: по всей долине Куско были разбросаны бесчисленные храмы и святыни вроде скал, источников, пещер и деревьев. К ним относились горы Уанакаури и Кенко и пещера Тамбо-Токо в Пакаритамбо. В настоящее время установлена связь всех этих святынь с легендой о том, как предок инков Манко-Капак овладел Куско. Инки проявили искусство и такт при обращении с божествами покоренных племен. Священные предметы и изображения богов, которые можно было перенести, удостоились чести быть перевезенными в Куско вместе со жрецами, которые им служили. Оказавшись там, они стали заложниками традиционного поведения своих племен. В Куско сфокусировались многие религиозные церемонии, которыми был заполнен календарь инков. В начале сезона дождей в декабре праздновалась церемония Капак-Райми, на время которой чужестранцы должны были покинуть Куско, пока подростки из семей знатных инков проходили обряд совершеннолетия. В мае отмечался праздник Айморай, посвященный сбору урожая кукурузы, а в июне устраивалось большое торжество под названием Инти-Райми в честь Солнца. Сентябрьский праздник Ситуа, или Койя-Райми, представлял собой церемонию очищения: в главной церемонии участвовали божества подвластных инкам племен, а из Куско во все концы империи отправлялись эстафеты бегунов, которые исполняли символические ритуалы изгнания духов. Пахота в отдаленных провинциях могла начаться лишь после того, как Инка вскопает землю золотым ручным плугом в Куско.

Куско временно утратил свое исключительное положение, когда Уайна-Капак довольно долго жил на севере страны, но впереди была коронация Атауальпы, который стал правителем в прежней столице. Междоусобная война и пленение Атауальпы испанцами нанесло большой урон престижу как Куско, так и правящей династии инков и всему их племени. В результате этого стали поднимать голову племена, которые не до конца ассимилировались в империи. Эта центробежная тенденция была только началом. Ее первые признаки испанцы увидели во враждебности, с которой индейцы уанка в Хаухе встретили оккупационную армию инков. Стремление к региональному и племенному обособлению стало играть все большую роль по мере того, как не так давно введенная инками система государственного управления начала рассыпаться. Это оказало неоценимую услугу испанским захватчикам. Им был на пользу как династический раскол и последующая гражданская война, так и безразличие масс населения к судьбе правящих классов инкского общества.

Считается, что был еще один фактор, сыгравший на руку испанцам: индейцы якобы приняли их за вернувшегося верховного бога Виракочу. Но мало что говорит за это. Атауальпа и его военачальники явно относились к испанцам как к обычным смертным и готовы были применить против них оружие. Ни в одной из хроник, написанной в период завоевания, нет свидетельств о том, что индейские вожди испытывали какие-либо колебания, боясь, что пришельцы могут оказаться божествами. После своего пленения Атауальпа сказал, что он позволил испанцам проникнуть в глубину страны до Кахамарки только из-за их малочисленности. Для крестьян испанцы были внушающими страх чужеземцами, но не божествами.

Легенда о соотношении испанцев с божествами появилась, когда хронисты более позднего периода заметили сходство между мифами о происхождении инков и своими собственными библейскими сказаниями. Самые добросовестные из них, Педро Сьеса де Леон и Хуан де Бетансос, которые делали свои записи вскоре после 1550 года, были поражены тем фактом, что местные жители называли испанцев «виракочи» – по имени своего бога. «Когда я спросил индейцев, как выглядел Виракоча, когда их предки увидели его, <...> они мне ответили, что это был человек высокого роста в белой одежде до земли, прихваченной на талии поясом; у него были короткие волосы, а на голове была корона, похожая на головной убор священника; в руке он нес нечто, что им кажется теперь похожим на требник, который носят священники». Виракоча был «белым человеком крупного телосложения, который вызывал огромное уважение и благоговение... Далее индейцы повествуют, что он путешествовал, пока не пришел на берег моря, где он расстелил свой плащ, и уплыл на нем по волнам, и больше не появлялся, и они его больше не видели. Из-за того, каким образом он их покинул, они дали ему имя Виракоча, что означает «морская пена»». Сьеса написал, что имя Виракоча впервые было употреблено по отношению к испанцам приверженцами Уаскара, которым конкистадоры явились как богоподобные избавители от китонцев Атауальпы. Родной племянник Атауальпы согласился с этим: «Они казались нам похожими на Виракочу – этим древним именем мы называли создателя Вселенной». И они загадочным образом появились со стороны того самого моря, в дали которого исчез их бог-создатель.

Испанцы только смутно догадывались о силах, действовавших в их пользу, независимо от открытой династической борьбы, из которой они пытались извлечь свою выгоду. Для них Куско представлял собой важнейший центр империи. Местные жители говорили о городе с почтением, и те три испанца, которые побывали в нем, дали завораживающие описания его сокровищ. Куско непреодолимо притягивал к себе всех испанцев из отряда Писарро. Его неприступность и армия его защитников из числа местного населения не принимались в расчет в безумном стремлении захватить самый главный приз.

Глава 5 Дорога в Куско

Небольшой отряд Писарро теперь приступил к наиболее захватывающей части своего завоевательного похода – он отправился из Хаухи в Куско. После того как наиболее слабая часть отряда была оставлена в Хаухе в качестве гарнизона, общая численность войска Писарро составила 100 конников и 30 пехотинцев и кое-какой обслуживающий персонал из числа индейцев. Писарро имел представление о стране, которая простиралась впереди. Три испанца, побывавшие в Куско с разведывательными целями в апреле, аккуратно записывали названия городов и отмечали особенности местности вдоль своего маршрута. Эта центральная часть Анд – девственная и величественная страна, где вертикали гор глубоко изрезаны яростными водами рек, несущихся к Амазонке. Топография меняется с высотой при спуске от заснеженных горных вершин к пуне – голому туманному высокогорному плато, расположенному высоко над верхней границей произрастания лесов; спуск продолжается дальше вниз – к красивым долинам Анд, где в изобилии растут кукуруза и цветы, к удушающей жаре и кактусам в глубине каньонов. Дорога из Хаухи бежит какое-то время вдоль реки Мантаро, постоянно пересекая долины ее притоков. Затем река Мантаро резко поворачивает на север, к Амазонке, а дорога в Куско так и продолжает пересекать одну за другой большие реки, разделенные горными цепями.

Великий полководец Чалкучима бросает камень из пращи

Этот гористый район был бы почти непроходим, если бы не превосходные дороги инков. Знающие свое дело работники, инки преуспели в гражданском инженерном искусстве и зависели от состояния дорог в управлении империей. Главная королевская дорога пролегла вдоль горной цепи Анд, которая шла из Колумбии через Кито, Кахамарку, Хауху и Вилькасуаман в Куско и далее через современную Боливию в Чили. Параллельная магистраль проходила вдоль Тихоокеанского побережья, и две дороги соединялись многочисленными поперечными дорогами, особенно на отрезке пути от Куско до побережья через Вилькасуаман. Европа не видала таких дорог, как эти, со времен Древнего Рима. Эрнандо Писарро писал: «Горную дорогу действительно стоит увидеть. Ни в одной христианской стране с таким неровным рельефом, как здесь, не было таких великолепных дорог. Почти все они мощеные». Не имея тягловых животных и колесных средств передвижения, инки строили свои дороги только для пешеходов и караванов лам. На дорогах, выходящих по склонам Анд, были ступени и туннели, не годящиеся для лошадей. Дороги были хорошо спроектированы и часто, на крутых горных склонах или топких местах, имели поддерживающие их каменные насыпи и закраины. Педро Санчо описал ужасное восхождение на гору Паркос, на которую должен был взобраться отряд Писарро спустя четыре дня после ухода из Хаухи. «После того как мы перешли вброд реку, нам пришлось взбираться еще на одну гору колоссальных размеров. Когда мы глядели снизу вверх на ее вершину, нам казалось невозможным, чтобы птицы могли перелететь ее по воздуху, а что уж говорить о людях верхом на лошадях, взбирающихся на нее по земле. Но дорога оказалась менее утомительной благодаря тому, что она шла зигзагом, а не по прямой линии. В основном она представляла собой большие каменные ступени, которые изматывали лошадей, снашивали и травмировали их копыта даже несмотря на то, что их вели за уздечки». Дороги инков были узкими, шириной в среднем около трех футов; они проходили по сложной гористой местности, но их покрытие из камня-плитняка было хорошим, и длинные ступенчатые переходы, которые утомляли лошадей испанцев, тоже были добротные.

Вдоль дорог через равные интервалы инки построили почтовые станции для нужд чиновников, носильщиков и армии. Они состояли из помещений для ночлега и рядов прямоугольных складов, а местное население должно было обслуживать эти станции и снабжать их продовольствием. Важные сообщения и грузы доставлялись по дорогам посредством эстафет гонцов-часки. Эти бегуны размещались в хижинах, каждая из которых находилась на расстоянии 4–5 миль от следующей хижины. Цепочка гонцов-часки – при беге с максимальной скоростью – могла передавать сообщения через всю страну чрезвычайно быстро. Но сами сообщения были устными или в виде кипу, так как у инков не было письменности.

Дорога из Хаухи в Куско пересекала водные преграды горных рек по многочисленным подвесным мостам. Писарро надеялся, что они смогут захватить некоторые из них до того, как отступающая китонская армия их уничтожит. Кавалерийский отряд, который перехватил колонну инков недалеко от Хаухи, должен был продвигаться вперед и обеспечить прикрытие первого моста, но он повернул назад, потому что кони сильно устали и для них не было фуража. А теперь, когда его армия отдохнула и была готова к заключительному этапу экспедиции, Писарро послал вперед 70 своих лучших всадников под командованием Эрнандо де Сото, чтобы они попытались захватить мосты. Он и Альмагро двинулись следом вместе с остальными 30 всадниками и 30 пехотинцами, под охраной которых находился Чалкучима. Сото покинул Хауху во вторник, 24 октября, а Писарро – в следующий понедельник. В числе тех, от кого нам стали известны подробности этого похода, были Педро Писарро, Диего де Трухильо и Хуан Руис де Арсе – все они уехали с Сото, в то время как дотошный Педро Санчо и Мигель де Эстете остались с Франсиско Писарро.

Армия инков двигалась по долине Хаухи на юг, чтобы соединиться с главными силами китонцев, располагавшимися в Куско. Ее командующие были полны решимости не допу-

стить испанцев в Куско, а равным образом стремились сохранить власть приверженцев Атауальпы над столицей империи. Вот почему они стали двигаться в глубь ее территории вместо того, чтобы отступить на север, к своему опорному пункту в Кито. Это было мужественное решение, так как они прекрасно знали, что местное население поднимется против них, как только они уйдут; и они оставляли позади себя значительно большее пространство, населенное враждебно настроенными племенами, которое теперь отделяло их от родины. Когда они сожгли мосты перед Писарро, они тем самым сожгли мосты и к своему собственному отступлению.

Междоусобная война все еще была важнейшей проблемой на тот момент. Убив Атауальпу, испанцы проявили себя поборниками дела Уаскара. Местное население и приветствовало их как таковых, а китонцы, вероятно, воевали с ними больше как с защитниками их поверженных противников, чем как с передовым отрядом иностранного вторжения. Несомненно, Писарро полностью понимал, откуда к ним такое отношение, и он этим бесконечно пользовался. Его солдат часто встречали как освободителей. Это было особенно заметно в Хаухе, где местные жители безжалостно преследовали оставшихся в живых китонцев и предавали в руки испанцев всех, кого им удавалось найти. Китонцы же, по мере своего продвижения на юг, в отместку стали придерживаться политики выжженной земли. Сожжение стратегически важных подвесных мостов было явным тактическим шагом, но сожжение деревень и складов продовольствия вдоль пути своего следования было ударом отступающей оккупационной армии. Эти разрушения причиняли испанцам при продвижении вперед некоторые хлопоты, но та поддержка, которую они получали от местного населения, перевешивала все неудобства.

Ниже Уанкайо река Мантаро падает в жуткое узкое ущелье и бежит около 60 миль между стен осыпающейся желтой глины с вкраплениями черных скальных пород. Дорога инков пересекала это ущелье с северного его конца, и китонцы, как и следовало ожидать, сожгли подвесной мост. Но они не обнаружили, что охрана моста успела спрятать свои запасные материалы для его ремонта. Когда отряд Сото достиг этого места, охранники сумели быстро построить временный мост, и это сооружение смогло выдержать и отряд Писарро, хотя лошади Сото и оставили в нем многочисленные дыры своими копытами. В ночь после переправы по мосту люди Писарро встали лагерем в покинутой деревне, которая была сожжена и разграблена их отступающим врагом. У них не было воды, так как китонцы разрушили акведуки. К следующей ночи они достигли деревни под названием Панарай и пришли в смятение, когда и там не нашли ни жителей, ни еды, несмотря на то что ее вождь путешествовал вместе с ними от Кахамарки до Хаухи и ушел вперед, чтобы приготовить запасы продовольствия в своей деревне. И только на следующий день, у Паркоса, все их трудности разрешил другой вождь, который обеспечил их всем, в чем они испытывали такую нужду: едой, кукурузой, дровами и ламами.

Опорными пунктами оккупантов-китонцев в южной части Перу были города. Поэтому отступавшая от Хаухи армия сделала следующую остановку в городе Вилькасуаман, следующем административном центре, расположенном в 250 милях к юго-востоку. Люди Сото покрыли это расстояние всего за пять дней, не встречая никакого сопротивления по пути. После пятичасового перехода они сделали привал перед Вилькасуаманом и въехали в город на заре 29 октября. И опять скорость их передвижения застала индейцев врасплох; на подходах к городу они не встретили сторожевых постов: китонские воины были на охоте. «Они оставили свои палатки, женщин и нескольких индейцев-мужчин в Вилькасе, и мы их всех захватили в плен, а также забрали все, что там было в этот ранний час, когда мы вошли в Вилькас. Мы подумали, что войск больше нет, кроме тех, которые были на месте. Но в час вечерней молитвы, упрежденные о нашем приходе, индейцы появились со стороны самой крутой горы и напали на нас, а мы на них. Благодаря рельефу местности они скорее одолели

нас, чем мы их, хотя некоторые испанцы отличились, например Сото, Родриго Оргоньес, Хуан Писарро де Орельяна и Хуан де Панкорво, а также некоторые другие, которые отбили у индейцев одну высоту и упорно ее защищали. В тот день индейцы убили белую лошадь, принадлежавшую Алонсо Табуйо. Мы были вынуждены отступить на площадь Вилькаса и провели всю ночь не снимая оружия и доспехов. Воодушевленные, индейцы напали на нас на следующий день. Они несли бунчуки, сделанные из гривы и хвоста белого коня, которого они убили. Нам пришлось расстаться с трофеями, которые мы у них захватили: с женщинами и индейцами, которые ухаживали за их скотом. И тогда они отошли».

В своем послании к Франсиско Писарро Сото описал, как ему не хотелось вести боевые действия в непростых условиях местности, окружающей Вилькас. Но в конечном счете он оставил 10 человек в городе, а 30 остальных повел через узкий проход вниз по крутому склону. В результате дерзкого нападения врага была убита одна лошадь и две ранены, а также были ранены несколько испанцев. Хотя индейцы и вернули себе захваченное сначала испанцами имущество, их потери составили свыше 600 человек убитыми, включая одного из их военачальников по имени Майла. Несмотря на всю свою отвагу, китонская армия потерпела поражение в своих первых двух столкновениях с испанцами. Единственным их утешением было то, что они увидели, что кони, наводившие на них такой ужас, тоже смертны, и они теперь достаточно узнали о тактике испанцев, чтобы подготовить засаду и уничтожить их. С такими помыслами индейская армия отправилась на восток с целью соединиться со своими соотечественниками в Куско. «Если посчитать тех, кто ушел, кто остался и местных жителей этого района, то в общей сложности собралось огромное количество индейцев. Мы все согласились с тем, что всего там могло быть 25 тысяч индейских воинов».

Вилькасуаман расположен на плато, мыс которого возвышается над расщелиной, где протекает река Висчонго, в нескольких милях от места ее впадения в более полноводную реку Пампас. Местность выше Вилькаса – холмистая, безлесная пуна, где в настоящее время живет племя прекрасных наездников морочуко, про которых говорят, что они являются потомками самих конкистадоров. В наши дни можно увидеть, как они разъезжают верхом на своих крепких низкорослых лошадях по зеленым степям, и каждый год их искусство верховой езды является главным зрелищем на ярмарках, проходящих во время Святой недели в Аякучо. Вокруг самого Вилькаса долины более плодородные, в них в изобилии растут полевые цветы, опунции и раскинулись многочисленные кукурузные поля. К селению не ведет автомобильная дорога: последние несколько миль турист должен пройти пешком после того, как полдня до этого еще ехал на машине из Аякучо. Никто еще не проводил раскопок в Вилькасуамане, и в нем полно полузасыпанных террас и дворцовых стен, оставшихся со времен инков. Один пролет уложенной рядами каменной кладки идет вдоль нижней части фасада деревенской церкви. На окраине селения находится каменная ступенчатая пирамида, единственное уцелевшее сооружение инков такого рода. Она была либо храмом Солнца, либо возвышением, на котором восседал Инка (фото 13).

Ниже Вилькасуамана каньоны сходятся к жаркому, душному руслу реки Пампас; селение располагается над ней на высоте 6 тысяч футов. Большую часть дня 6 ноября люди Писарро и Альмагро провели преодолевая этот колоссальный спуск, каменные ступени которого ранили копыта их лошадей. Им удалось вплавь преодолеть реку. Китонцы разрушили мост, но не остались, чтобы помешать переправе.

В такой ситуации Сото решил послушаться инструкций и покинуть Вилькасуаман до подхода своих соотечественников. В своих посланиях губернатору он объяснял, что хочет поспешить вперед и попытаться захватить мост через реку Апуримак, чтобы помешать армии, шедшей из Хаухи, соединиться с армией Кискиса. Диего де Трухильо и Педро Писарро, находившиеся в его отряде, дали другое объяснение: Сото, Оргоньес и другие горячие головы решили, что «раз мы выдержали все трудности, то мы и должны первыми войти

в Куско, не дожидаясь идущего позади подкрепления». Из-за этого послушания и жадности, как писал Педро Писарро, «мы все чуть не погибли».

Продвижение вперед отряда под командованием Сото проходило довольно гладко в течение нескольких дней. Отряд переправился через реки Пампас, Андауайлас и Абанкай без помех. Полководец Кискис послал отряд из 2 тысяч воинов для усиления бывшей армии Чалкучимы, но они повернули назад, когда встретились с войсками, отступавшими от Вилькаса. Писарро следовал за Сото на расстоянии нескольких дневных переходов. Спустя два дня после того, как его отряд покинул Вилькас, он решил еще раз разделить его и послал Альмагро вперед с 30 всадниками догнать отряд Сото и остаться с ним в качестве подкрепления. Сам же он продолжил движение только с 10 кавалеристами и 20 пехотинцами, охранявшими несчастного Чалкучиму. На следующий день его люди сильно встревожились, найдя двух мертвых лошадей, но Сото оставил записку с объяснением: эти лошади не выдержали сильных колебаний температуры воздуха. Испанцы и не подозревали, что на их армию оказывает такое воздействие высота Анд.

Теперь испанцам предстояло преодолеть самое большое препятствие, огромный каньон реки Апуримак, чье название на языке кечуа означает «Большой Рассказчик». Дорога инков пересекала это ущелье по высоко подвешенному мосту. Этот мост, заново отстроенный, впоследствии стал темой романа Торнтона Уайлдера «Мост короля Сан-Луи». Подъездные пути к этому древнему сооружению до сих пор видны на склонах долины: узкая дорога инков сначала входит в туннель, затем выходит из него, огибает массивные каменные опоры и упирается в пустоту. Мост был сожжен, когда испанцы достигли его, но они сумели форсировать реку, несмотря на ее сильное течение и скользкое каменное дно. Вода была лошадям по грудь. Конкистадоры были чрезвычайно везучи при переправах через такие мощные реки, они им давались легко. Эррера, официальный историк завоевательного похода при Филиппе III, писал: «Было удивительно, что они переправлялись через реки вместе с лошадьми, хотя индейцы заранее разбирали мосты, а реки были такие бурные. Это был подвиг, дотоле невиданный, особенно при переправе через Апуримак». Удача сопутствовала конкистадорам отчасти потому, что они совершали свой марш-бросок в самое сухое время года, прямо перед началом сезона дождей. Спустя несколько месяцев реки, которые они преодолевали вплавь и вброд, превратились бы в серые потоки, крутящиеся в водоворотах и поднимающиеся все выше между стен ущелий.

Никакие индейцы не мешали переправе через Апуримак. Сото и его люди в нетерпении спешили к Куско. На восточном берегу Апуримака рельеф поднимается ступенями, серией крутых подъемов, перемежающихся плавными переходами через долины его притоков. В субботу 8 ноября, в полдень, испанцы из отряда Сото начали штурм последнего крутого горного склона на их пути – восхождение на Вилькаконгу. «Мы все шли и шли, не думая о боевом порядке, – писал Руис де Арсе. – В течение многих дней мы ехали верхом на наших лошадях. Поэтому теперь мы вели их вверх по тропе, держа их за повод и двигаясь группами по четыре». К полудню люди и лошади устали от сильного зноя. Испанцы остановились, чтобы покормить лошадей кукурузой, которую им принесли в запас жители расположенного неподалеку города. Вверх по склону было небольшое пространство, где протекал ручеек. Но прежде чем испанцы достигли его, Эрнандо де Сото, находившийся впереди всех на расстоянии полета арбалетной стрелы, увидел, что на вершине горы показался враг. Три или четыре тысячи индейцев спускались вниз, полностью заняв склон горы. Сото крикнул своим людям, чтобы они образовали оборонительный рубеж, но было слишком поздно. Индейцы швыряли впереди себя камни, и первой реакцией испанцев было рассредоточиться, чтобы избежать этих снарядов. Они бросились занять места по краям неширокой дороги, а те, кто успел вскочить в седло, прищипывали своих коней, чтобы они скакали вверх по горе; они думали, что будут в безопасности, если смогут достичь ровной поверхности на вершине

горы. «Лошади были настолько измучены, что им не хватало дыхания, чтобы стремительно атаковать такого многочисленного врага. [Индейцы], не переставая, изматывали и пугали их, устраивая заграждения из летящих камней, копий и стрел, которые они выпускали во множестве. Лошади были измучены до такой степени, что всадники едва могли заставить их ехать трусцой, а некоторых – просто идти. Как только индейцы поняли, что лошади уже сильно устали, они начали нападать с еще большей яростью». Пятеро испанцев – одна восьмая часть всего отряда – были полностью смяты индейцами до того, как они смогли достичь вершины. Двое были убиты прямо в седлах своих лошадей; другие дрались пешими, но были убиты прежде, чем их увидели их товарищи. Одному испанцу не удалось вытащить свой меч, чтобы защищаться, и поэтому индейцы смогли схватить его коня за хвост и не дать всаднику проехать вперед вместе с остальными. Один-единственный раз воинам-инкам удалось навязать испанцам рукопашный бой, единственный вид схватки, который они хорошо знали. На таком ограниченном пространстве они могли использовать весь свой арсенал: дубинки, булавы и боевые топоры. У пятерых или шестерых испанцев, убитых в этом бою, были разможжены головы именно такими орудиями.

К этому времени Писарро стоял во главе армии богатых людей, так как все они имели долю добычи в самом успешном грабеже, который только был в истории. Одним из убитых в сражении на Вилькаконге был Эрнандо де Торо; по приказу Писарро его состояние было оценено и составило 13 брусков 15-каратного золота, общий вес которых составил 4190 песо. Торо был отважным молодым идалго, одним из самых популярных в отряде, но он подстрекал Сото вырваться вперед и занять Куско. Другой жертвой был Мигель Руис, оставивший 5873 песо, из которых 3905 песо составляло золото и наличность по долговым распискам двух других конкистадоров. Другие погибшие: Гаспар де Маркина, Франсиско Мартин Сойтино, Хуан Алонсо и испанец по имени Эрнандес – все они к этому времени уже получили свою долю при распределении сокровищ.

Дневной бой закончился попыткой Сото выманить индейцев вниз, на ровную местность. Он приказал своим людям отступать шаг за шагом вниз по склону горы. Некоторые индейцы бросились их преследовать, бросая камни при помощи пращей, и испанцы сумели расправиться с ними, убив около 20 из них. Но основная часть войска инков отошла к вершине горы, а измотанные боем испанцы разбили на ночь лагерь на небольшом холме, как ярко описал Руис де Арсе, «одержав крошечную победу и натерпевшись страха». Лагерь индейцев находился от них на расстоянии двух полетов стрелы на более высокой горе, откуда они кричали оскорбления перепуганной кучке захватчиков. Испанцы провели ночь во всеоружии, и почти никто не спал. Сото поставил дозорных и проследил, чтобы 11 раненым людям и 14 раненым лошадям была оказана помощь – хотя трудно себе представить, что можно было сделать для истекающих кровью людей на том холодном, ничем не защищенном горном склоне. Он также пытался поднять боевой дух своих людей ободряющими речами.

Никакие слова Сото не смогли бы произвести такой эффект, какой произвел на не смыкавших глаз испанцев звук трубы, который они слышали в час ночи. Тридцать всадников во главе с Альмагро, посланных Писарро вперед, соединились с 10 кавалеристами, оставленными Сото сопровождать добычу, которую они захватили в Вилькасуамане. Этот отряд услышал о сражении и шел вперед в ночи, а трубач Педро де Алькончель дул в свою трубу на манер корабельной сирены.

Индейцы встретили новый день, уверенные в своей победе, и вдруг обнаружили, что побитое вчера войско чудесным образом удвоилось. Ликующие испанцы заняли боевые позиции и стали продвигаться вперед, вверх по склону. Индейцы отступили, а те, кто остался на склоне, были убиты. Появление тысячи воинов из Куско не поправило ситуацию, и единственным спасением для индейцев было то, что опустился туман. Такие серебристые туманы часто держатся по краям Апуримакского ущелья, если утро прохладное. Когда едешь сквозь

такой туман, съезжившись от холода, то ждешь не дождешься, когда же в просвет между облаками прорвется солнце, чтобы заблестеть на влажных травинках и ослепительно засиять на снегах Сорая и Салькантая.

Сражение на Вилькаконге было описано его участниками как «яростная и чрезвычайно опасная схватка, в которой пятеро испанцев были убиты, а другие ранены, так же как и многие лошади». Наконец-то воины армии Кискиса воспользовались рельефом местности, чтобы схватиться с врагом. Они доказали, что испанцы и их кони были уязвимы и смертны. Они уничтожили часть крошечного передового отряда Сото. Если бы они продолжили бой и уничтожили его целиком, они, возможно, набрались бы достаточно смелости и опыта, чтобы расправиться с меньшими по численности отрядами Альмагро и Писарро поодиночке. Индейская армия уничтожала и гораздо более крупные отряды испанцев в сходных условиях местности в последующие годы. Но это всего лишь гипотеза. Реальность же была такова, что Кискис стал действовать слишком поздно. Он не сумел с выгодой для себя воспользоваться ситуациями, когда испанцы переправлялись через реки, преодолевали крутые подъемы и пробирались через тесные долины, где его люди могли бы устроить засаду и поймать в ловушку отряд наглых завоевателей.

Альмагро и умеривший свой пыл Сото сделали привал в крепости на вершине подъема и стали ждать Писарро. Губернатор переправился через реку Апуримак в среду 12 ноября и переночевал в местечке Лиматамбо, расположенном ниже места сражения. Он присоединился к своим на следующий день, и объединенные силы испанцев направились к деревушке Хакихауана (в настоящее время – Анта), расположенной всего лишь в 20 милях от самого Куско. Ожесточенная схватка на Вилькаконге показала, что Чалкучима как заложник был бесполезен. Испанцы убедились, что он каким-то образом управлял передвижениями их врагов. Узнав о сражении, Писарро велел надеть на него цепи и сделал своему пленнику страшное объявление: «Теперь ты увидел, как с Божьей помощью мы всегда одерживали победы над индейцами. И так будет всегда. Можешь не сомневаться: они не скроются от нас и не вернутся в Кито, откуда бы они ни пришли. И ты можешь также быть совершенно уверен в том, что ты сам никогда больше не увидишь Куско. Потому что, когда я приду туда, где меня ожидает капитан де Сото с моими людьми, я прикажу сжечь тебя заживо». Чалкучима внимательно выслушал эту горячую речь и затем коротко ответил, что он не несет ответственности за нападение индейцев. Писарро, уверенный в соучастии Чалкучимы, ушел, не закончив разговор. Судьба великого полководца инков была решена, когда два отряда испанцев соединились, так как и Альмагро, и Сото были убеждены в том, что за сопротивлением индейской армии стоял Чалкучима. В четверг вечером 13 ноября его вывели на площадь Хакихауаны, чтобы сжечь живьем. Монах Вальверде попытался уговорить его пойти по пути Атауальпы и принять перед смертью крещение. Но воин отверг его предложение. Он заявил, что не желает становиться христианином и считает христианские законы непонятными. И вот Чалкучима опять оказался на костре, «который поспешили зажечь вожди и самые близкие его друзья». Умирая, он призывал бога Виракочу и полководца Кискиса прийти к нему на помощь.

Кискис все еще представлял собой серьезную угрозу. Его армия располагалась между испанцами и столицей инков. Он мог попытаться устроить еще одно генеральное сражение на склонах гор над городом или предпринять отчаянную оборону самого Куско. Дружески расположенные индейцы доносили испанцам, что китонцы намереваются поджечь тростниковые крыши городских домов, как они уже попытались сделать это в Хаухе. Куско лежит в складке долины и не виден путешественнику, движущемуся с северо-запада, пока он не окажется непосредственно над ним. Но когда колонна испанцев подошла поближе, стали видны клубы дыма, поднимавшиеся из-за цепи гор. Оказалось, что это начал гореть Куско. Сорок всадников помчались вперед, чтобы не дать части китонской армии спуститься в город и завершить его разрушение. Они обнаружили, что основная часть армии Кискиса предпри-

няла последнюю попытку не допустить отряд захватчиков в Куско: ее силы были стянуты на оборону дороги. «Мы увидели, что все воины поджидают нас на подъезде к городу». Последовал жестокий бой, в ходе которого индейцы, «значительно превосходящие нас числом, решительно напали на нас, громко крича». Индейцы отбросили испанцев от дороги, ведущей в город Куско. Хуан Руис де Арсе с горечью писал, что «они убили трех наших лошадей, включая мою собственную, которая стоила мне 1600 кастельяно; и они ранили многих христиан». Некоторые испанские всадники были вынуждены отступить вниз по склону горы. «Индейцы никогда раньше не видели, как отступают христиане, и подумали, что они делают это специально, чтобы выманить их на равнину». Поэтому они остались под защитой горных склонов и стали выжидать, пока не подошел Писарро со своим отрядом. Две армии встали лагерем на склонах гор близко друг к другу, и захватчики провели ночь, не сняв с лошадей уздечек и седел. Сам Писарро назвал сражение на подступах к Куско «боем по всему фронту».

Четыре сражения по дороге в Куско – в Хаухе, Вилькасуамане, на Вилькаконге и на дороге над Куско – продемонстрировали огромное превосходство конных, одетых в латы испанцев над местными воинами. Империя инков не сдалась без борьбы, как иногда думают. Всякий раз, когда во главе армии индейцев оказывался решительный военачальник, они дрались с бесстрашием обреченных. В ходе этого завоевательного похода индейцы, которые сами были внушающими страх завоевателями для других племен Анд, пытались адаптировать свои способы ведения боевых действий к совершенно новой для них тактике захватчиков, чтобы ответить на вызов, брошенный им более развитой цивилизацией. На протяжении всей европейской истории со времен Древнего Рима конный рыцарь играл главную роль во всех боевых действиях. Эту грозную фигуру мог остановить только другой рыцарь, экипированный сходным образом, лучники, копейщики или крепкие оборонительные укрепления. Его главенствующая роль на поле боя закончилась только с развитием огнестрельного оружия. Всякий раз, когда американские индейцы успевали перенимать европейское вооружение, они могли оказывать эффективное сопротивление. Например, индейцы из Южного Чили, которые взяли себе на вооружение копья и лошадей, или индейцы Северной Америки, научившиеся скакать на лошадях и применять огнестрельное оружие. Но у инков не было времени на адаптацию, и в их гористой стране, практически лишенной лесов, не было подходящих деревьев, чтобы делать из них копья или луки.

Противниками армии инков были самые лучшие солдаты в мире. В течение всего XVI века испанские легионы считались сильнейшими в Европе. На их счету было успешное изгнание мавров из Испании, и многие из тех, кто теперь находился в Перу, ранее принимали участие в разгроме Фрэнсиса I в Павии или ацтеков в Мексике. Люди, которых привлекали завоевательные походы в Америку, были самыми большими авантюристами – такими же стойкими, отважными и безжалостными, как и любые люди, попавшие во власть золотой лихорадки. В добавление к их жадности они обладали религиозным рвением и непоколебимой самоуверенностью нации крестоносцев, которая веками боролась с неверными и все еще продолжала наступление на них. Что бы мы ни думали о движущих ими мотивах, невозможно не восхищаться их отвагой. В стычке за стычкой их первой реакцией – почти рефлексом – было кидаться прямо в самую гущу врага. Такая агрессивность имела своей целью оказать психологическое давление, и эффект этой тактики усиливался от того, что захватчики имели репутацию непобедимых, чуть ли не богоподобных, людей, которым всегда сопутствовал успех.

Племянник Атауальпы Титу Куси попытался описать то благоговение, которое испытывал его народ по отношению к чужеземцам. «Они казались нам похожими на бога Виракочу. Это было имя нашего древнего бога, создателя Вселенной. [Мой народ] дал это имя людям, которых они увидели, отчасти потому, что они слишком отличались от нас одеждой

и внешностью. А также потому, что мы увидели, как они ехали на огромных животных, у которых были серебряные копыта. Мы решили, что они серебряные, из-за блеска лошадиных подков. А еще мы называли так этих пришельцев потому, что мы увидели, что они выражают свои мысли на белых листочках, как будто один разговаривает с другим, – это относилось к их умению читать книги и писать письма. Мы называли их виракочами из-за их удивительной внешности и телосложения; из- за огромной разницы между ними – у одних были черные бороды, а у других рыжие; потому, что мы видели, что они едят с серебряных блюд; а еще потому, что они обладали «ильяпами» (по-нашему – гром) – так мы называли их аркебузы, ведь нам казалось, что они изрыгают гром небесный».

Во время боев, которые испанцы вели в ходе завоевательного похода, они всем были обязаны своим лошадям. На марше кони делали их мобильными, что помогало им постоянно заставлять индейцев врасплох. Даже когда индейцы выставляли дозорных, кавалерия испанцев могла проскакать мимо них быстрее, чем часовые могли прибежать назад и предупредить об опасности. А в бою человек на коне обладает колоссальным преимуществом над пешим, так как он может использовать своего коня как оружие, сбивая противника с ног; он обладает большей маневренностью, меньше устает, менее уязвим для врага и имеет возможность наносить удары сверху вниз, с высоты своей позиции.

Во времена завоевательного похода происходила революция в способах верховой езды. Копье и аркебуза сделали рыцаря, полностью закованного в броню, слишком уязвимым. Теперь ему на смену пришел кавалерист на более легком и быстром коне. Вместо того чтобы ездить с вытянутыми ногами для смягчения отдачи от удара во время поединков, всадники времен конкисты стали ездить на новый манер. Этот новый способ верховой езды состоял в том, что всадник принимал «позу мавра, при которой его ноги в коротких стремянах были согнуты в коленях и отведены назад, создавая впечатление, что наездник чуть ли не стоит на коленях на спине лошади... Сидя в высоком мавританском седле, наездник пользовался мощными мавританскими удилами и одинарным поводом и всегда ездил, подняв достаточно высоко руку. Дело в том, что удила были закреплены на шее лошади, то есть конь поворачивал при оказании давления на шею, а не тогда, когда трензель тянул его за углы рта... А так как мундштук имел высокое расположение и, очень часто, длинный отвод, то поднятие руки прижимало его к нёбу, и <...> конь поворачивал гораздо быстрее и страдал от боли меньше, чем при современной манере езды».

И испанцы, и индейцы придавали огромное значение лошадям, «танкам» завоевательного похода. Обладание лошадью поднимало человека в глазах испанцев, давало ему право на долю всадника в завоеванных сокровищах. Во время многомесячного ожидания в Кахамарке испанцы платили фантастические цены за тех немногих лошадей, которые имелись в их распоряжении. Франсиско де Серес записал эти цены, «хотя многим они могут показаться неправдоподобно высокими. Одна лошадь была куплена за 1500 песо золота, а другие – за 3300 песо. Средняя цена на коня была 2500 песо, но и за такую цену их было не найти». Эта сумма была в 60 раз больше той цены, которую в то же самое время платили в Кахамарке за меч. Взвинченные цены, которые установились в Перу на собственность, конечно, не составляли большого богатства в современной Испании. До нас дошли документы о продаже, датированные тем временем, которые подтверждают это.

Для индейцев огромные кони их врагов представляли собой очень большую ценность. Они не были высокого мнения об испанцах-пехотинцах, которые были тяжелы и неуклюжи в своих доспехах и задыхались в горах от нехватки воздуха; но вид лошадей вселял в них ужас. «Они скорее убили бы одно из этих животных, которые их преследовали, чем десять испанцев. И в знак победы они всегда выставляли где-нибудь напоказ лошадиные головы, украшенные цветами и ветками, чтобы христиане могли их видеть».

Испанские конкистадоры носили металлические доспехи и шлемы. Некоторые пехотинцы надевали на голову простой металлический шлем, обычный для того времени, с забралом, в котором была Т-образная прорезь для глаз и носа. Он был похож на современную стальную каску, но спускался ниже на лицо и на заднюю часть шеи. «Кабассет» был еще одним видом простого металлического шлема. Его высокая куполообразная верхушка напоминала женскую шляпу в форме колпака, которую носили в двадцатых годах XX века. Часто на верхушке этого шлема было небольшое острие, на манер фригийского колпака, символа свободы в период французской революции. Но самый известный испанский шлем – это «морион», имевший форму металлической чаши, к которой приделаны удлиненные поля. Эти поля огибали шлем и элегантно закруглялись вверх, особенно поднимаясь спереди и сзади. На куполе шлема часто можно было видеть гребень, который шел посередине его спереди назад на манер каски французских солдат времен войны 1914–1918 годов.

Все испанские солдаты носили доспехи, которые были разнообразны по своей сложности. Многие состоятельные военачальники носили полный комплект доспехов, которые представляли разнообразие стилей: от тяжелых готских до доспехов времен Максимилиана начала XVI века. Период завоевания был наиболее ярким периодом в искусстве изготовления доспехов. Доспехи, покрывающие уязвимые участки тела, были великолепно сочленены при помощи тонких металлических пластин и шарниров, что давало свободу движений всем членам человеческого тела. Специальные защитные пластины покрывали плечи, локти и колени; но стальные пластины, защищающие грудь, ноги и руки, делались как можно более легкими. Полный комплект доспехов весил всего около 60 фунтов, и этот вес вполне можно было вынести, так как он ровно распределялся по всему телу. Во второй половине XVI века некоторые части тела были уже не так тщательно защищены, потому что был нужен выигрыш в весе. Вместо доспехов с головы до ног солдаты стали использовать полу-доспехи, состоявшие из сочлененных между собой тонких металлических пластин, которые спускались ниже кирасы и образовывали как бы юбку; или это были доспехи на три четверти, достигающие до колен. В комплект доспехов входил и шлем. Голову защищал прочный металлический головной убор, спускающийся на шею, где он соединялся с рядом перекрывающих друг друга пластин, которые образовывали латный воротник. Щеки и подбородок также защищали специальные пластины, а складное забрало закрывало лицо. Этот шлем тоже стал легче: на смену забралу пришел остроконечный козырек надо лбом и ряд металлических полосок через все лицо.

Хотя большинство состоятельных людей, принимавших участие в завоевательном походе, имели в своей собственности полный комплект доспехов или приобрели их после получения своей доли сокровищ, они часто использовали более легкие их заменители в боях с индейцами. Некоторые из них носили кольчуги, которые весили от 14 до 30 фунтов. Кольчуги отличались размерами своих звеньев, но большинство из них могли выдержать обычный колющий удар. В некоторых кольчугах применялись звенья из более толстых или сплюснутых колец в уязвимых местах, чтобы уменьшить размер дырочек. Другие конкистадоры сменили кольчуги на стеганные полотняные куртки, которые назывались «эскаупиль» и были переняты у ацтеков. Обычно такие куртки шили из холста и набивали их хлопком. Испанские солдаты также защищали себя при помощи небольших щитов овальной формы, сделанных из дерева или железа и обтянутых кожей.

Самым эффективным оружием испанцев был меч: либо обоюдоострый, либо рапира, которая со временем утратила режущее лезвие, стала тоньше и жестче, для того чтобы наносить колющие удары. С помощью такого оружия и совершались массовые убийства слабо защищенных индейцев. К XVI веку производство мечей достигло своего совершенства, и Толедо стал одним из самых известных центров этого ремесла. Строгие правила и длительные сроки обучения ремеслу обеспечивали поддержание высоких стандартов в изготовле-

нии мечей. Клинок должен был пройти серьезные испытания, прежде чем его украсят и насадят на эфес: его сгибали в полукруг и придавали форму буквы S, а затем им со всей силы ударяли по стальному шлему. На мече часто можно было увидеть девиз владельца: «За мою госпожу и короля – вот мой закон!»; «Если из ножен вон – то не зря!» или явную рекламу, вроде «Толедское качество – мечта солдата». Клинок имел длину около трех футов, он был легкий, гибкий и чрезвычайно крепкий и острый; в руках умелого фехтовальщика он представлял собой смертельное оружие. А испанским конкистадорам, признанным лучшими бойцами в Европе, не было равных в искусстве обращения с ним. На протяжении всего XVI века индейцам при любых обстоятельствах было строго запрещено иметь как мечи, так и коней.

В добавление к мечу и кинжалам, имевшим вспомогательное значение, любимым оружием кавалериста была пика. Наряду с согнутой посадкой, характерной для нового, очень мобильного, способа верховой езды, возник еще один способ езды: с пикой. Она имела от 10 до 14 футов в длину, но была легкая и тонкая, а ее металлический наконечник имел форму бриллианта или оливкового листа. Всадник мог атаковать, держа древко на уровне груди; он мог держать его ниже, на уровне бедра, параллельно скачущему коню, выставив вперед большой палец, как бы указывая направление удара; или он мог наносить колющие удары в направлении сверху вниз. Любого способа было достаточно, чтобы пронзить стеганные защитные куртки индейцев.

Иногда говорят, что победу испанцев обеспечило им их огнестрельное оружие. Это не так. В ходе завоевательных походов иногда стреляли из аркебуз, но их было слишком мало, и они не играли значительной роли, разве что производили сильнейший психологический эффект своими выстрелами. Не было ничего удивительного в том, что использовали мало аркебуз. Кавалеристы презирали их, считая оружием, недостойным джентльмена, так что завоевание целиком легло на плечи всадников. Аркебузы были громоздкими, от 3 до 5 футов в длину, им часто требовалась опора у конца ствола. Их было трудно заряжать: отмеренный заряд пороха нужно было засыпать в дуло, а затем положить пулю. А выстрелить из аркебузы было еще труднее: порох через дырочку вел к основному заряду, а его нужно было поджигать при помощи фитиля. Воины, вооруженные аркебузами, обвязывали вокруг себя или вокруг своего оружия свернутый кольцами фитиль, похожий на длинную веревку; его они поджигали, ударяя кремнем о трут. На зажженный конец фитиля нужно было дуть, прежде чем прикладывать его к пороху. В результате более поздних нововведений появился изогнутый в форме буквы S кусочек металла, который немного ускорял процесс, прижимая фитиль к пороху. Но до появления кремневого ружья должно было пройти еще почти столетие.

Во время завоевания использовались арбалеты, но опять же ограниченно. Это оружие было изобретено для того, чтобы иметь возможность выпускать стрелу с достаточной скоростью, позволяющей пробить доспехи, но удар достигался за счет легкости или быстроты. Стальной лук нужно было сгибать механическим способом либо при помощи системы блоков, либо оттягивая его назад через целый ряд трещоток при помощи специального колесика. Это был трудоемкий процесс: нужно было направить оружие вниз, упереть его в землю и тянуть тетиву вверх. Выпущенная в цель, металлическая арбалетная стрела при попадании убивала любого индейца, но это неуклюжее оружие не произвело на них большого впечатления, так как оно часто давало осечку или ломалось.

Что могли выставить воины Кискиса против такого вооружения? Все их оружие было из бронзового века, и они были лишены воображения при использовании металла. Они просто копировали то, что они делали из камня, и бронза их оружия, к сожалению, проигрывала по сравнению с испанской сталью. Они пользовались разнообразными дубинками и булавами, массивными, тяжелыми палицами из древесины какой-то твердой пальмы, растущей в джунглях, и меньшего размера боевыми топориками, которыми они разбивали врагам

головы и которые назывались «чампи». У них были каменные или бронзовые набалдашники либо в форме простого шара, либо они были украшены звездчатыми остриями. Такие набалдашники можно встретить в музеях или в коллекциях памятников материальной культуры инков. У некоторых дубинок большего размера были лезвия на манер ножа мясника. Почти все те испанские солдаты и их кони, которые были ранены, получили свои ранения от таких дубинок. Но редко когда случалось, чтобы этим библейским оружием был убит закованный в броню испанец, наносящий сильные рубящие и колющие удары, сидя на коне.

Местные жители были более ловкими в метании. Высокогорные племена предпочитали пращу, которая представляла собой ремень, сделанный из шерсти или волокон, длиной 2–4 фута. Его складывали вдвое и в середину помещали метательный снаряд, обычно камень размером с яблоко. Ремень раскручивали над головой, а затем один его конец отпускали. Камень, пущенный из пращи, попадал в свою цель со смертельной силой и точностью. Прибрежные племена использовали приспособления для метания копий, острия которых они закаляли в огне. Самым эффективным оружием против кавалерии был длинный лук, но он редко использовался в армии инков. Лесные индейцы применяли луки и стрелы так же, как и в настоящее время. Для их производства в лесах было много гибких и упругих деревьев, а в густых лесных зарослях стрелы были идеальным оружием для попадания в цель. Всякий раз, когда армия инков вела боевые действия вблизи лесов Амазонки, они могли пополнять свои ряды за счет отрядов беспощадных лучников из лесных племен, но инкам не удавалось с пользой применять это прекрасное оружие в горах.

Воин армии инков являл собой великолепное зрелище. Он был одет в обычное мужское платье в виде туники длиной до колен и напоминал римского или греческого солдата или средневекового пажу. Его тунику часто украшал узорчатый бордюр и золотой или бронзовый диск под названием «канипу», который располагался посередине груди и спины. Под коленями и на лодыжках воина была надета яркая шерстяная бахрома, а верхушку его шлема часто украшал гребень из перьев. Сами шлемы выглядели как толстые шерстяные шапки, а также их делали из тростника или дерева. Многие солдаты носили стеганные доспехи, похожие на ацтекские «эскаупили». Помимо этого единственной защитой воина был круглый щит, который делали из твердой древесины пальмы чонта и носили на спине, в то время как маленький щит воин держал в руках. Эти щиты добавляли колорита инкам, когда они выстраивались в линию фронта, так как деревянные основы щитов у них были покрыты тканями или тканями и перьями, и с каждого свисал козырек, весь украшенный магическими рисунками и символами.

После поражения в яростном бою у Куско воины армии Кискиса пали духом. Пока испанцы проводили беспокойную ночь на холме над городом, индейцы оставили свои костры в лагере гореть, а сами ускользнули в темноту. К тому времени, когда занялась заря, армия Кискиса уже исчезла. «На следующее утро с первыми лучами зари губернатор построил пехоту и кавалерию и выступил, чтобы войти в Куско. Они тщательно соблюдали боевой порядок и были настороже, так как были уверены, что враг нападет на них по дороге. Но никто не появился. И таким образом губернатор со своими людьми вошел в великий город Куско без боя, не встретив дальнейшего сопротивления, а случилось это в час торжественной мессы в субботу 15 ноября 1533 года».

Глава 6

Куско

В день, когда испанцы так жестоко расправились с Чалкучимой, в поле их зрения попала новая чрезвычайно важная персона. На горном склоне выше Вильяканги появился в сопровождении 2 или 3 орехонов индейский принц Манко. Он приблизился к колонне всадников и представился губернатору Писарро. К своей радости, испанцы узнали, что этот Манко был «сыном Уайна-Капака, а также величайшим и знатнейшим господином в стране, <...> человеком, которому по праву досталась во владение вся эта провинция и которого все вожди хотели видеть своим господином». Манко было почти двадцать лет, но он выглядел как мальчик; на нем была «туника и желтый хлопчатобумажный плащ». «Он был вечным беглецом», «постоянно спасаясь бегством от людей Атауальпы, чтобы не дать им себя убить. Он пришел совсем один, покинутый всеми, и выглядел как обыкновенный индеец».

Мастера-каменщики за работой

И Писарро, и Манко, вероятно, решили, что эта встреча им была послана самими небесами. Появление непобедимых чужестранцев означало для Манко конец постоянному бегству от попыток Кискиса истребить род Уаскара. Солдаты Писарро были единственной силой, которая могла избавить Куско от оккупационной армии китонцев и поднять самого Манко на трон его отца. Что же касается Писарро, то неожиданное появление Манко подарило ему сговорчивого правителя, которого он искал с тех самых пор, как безвременно скончался Тупак Уальпа. Это означало, что испанцы могли войти в Куско, куда они так стремились, как освободители, приведя с собой принца, которого местные племена горячо желали

видеть своим правителем. Сын Манко позже писал, что принц обнял Писарро, сошедшего с лошади. «И они вдвоем, мой отец и губернатор, заключили союз». Эта ситуация воодушевила Писарро на красноречивое выступление. Он уверил Манко: «Должно быть, ты понимаешь, что я прибыл сюда из Хаухи ни для чего иного, как <...> освободить вас от рабства, в которое вас ввергли люди из Кито. Зная, какие обиды они причиняют вам, я пожелал прийти и положить им конец <...> и освободить народ Куско от их тирании». Секретарь Писарро Педро Санчо объяснил очевидное: «Губернатор дал ему все эти обещания исключительно из желания сделать ему приятное, <...> и этот касик остался совершенно доволен. И те, кто пришел вместе с ним, тоже». И спустя два дня после этой первой встречи Манко въехал в город Куско вместе со своими испанскими союзниками.

Столица инков лежала у подножия гор на возвышенном конце зеленой, похожей на желоб долины. Редко какой дом столицы поднимался выше одного этажа. Вероятно, сначала картина показалась испанцам довольно знакомой, пока они ехали по выступу горы Карменка и вглядывались в лежащий внизу город. У многих домов были высокие остроконечные крыши из тростника, как в каком-нибудь средневековом городке на севере Европы, и над этими унылыми серыми крышами вились струйки дыма от очагов. Дома на окраинах Куско представляли собой простые прямоугольники с каменными основаниями, а выше поднимались стены из глины. Крыши опирались на балки из агавы, а тростник прикреплялся к специальным решеткам, привязанным к выступающим частям кровельных балок. Крыши сильно свешивались вниз, образуя широкий карниз, который защищал глиняные стены от дождей, которые льют в Андах. Педро Санчо в своем докладе королю не нашел ничего необычного, что стоило бы написать об этих простых домах Куско. «Большая часть зданий построена из камня, а у остальных из камня сделана половина фасада. Есть также много домов из саманного кирпича, очень умело построенных. Они располагаются вдоль прямых улиц по крестообразному плану. Все улицы – мощеные, а посередине каждой улицы проходит облицованный камнем канал для воды. Единственный недостаток этих улиц в том, что они узкие: только один человек может проехать верхом по каждой стороне канала».

И только тогда, когда захватчики въехали в центр города, его чудеса открылись им. Все монументальные постройки Куско были сконцентрированы на небольшой возвышенности, как бы языком выступающей в долину между двумя небольшими речушками, Уатанай и Тульюмайо. Эти речки были дополнительным штрихом в чистом и простом, почти аскетическом, облике города инков. Их быстрые горные воды неслись по каналам посередине улиц и обеспечивали отличную санитарию. Это произвело сильное впечатление на первых испанцев, побывавших в городе, а также то, что оба потока текли по искусственным руслам с вымощенными камнем стенками и дном. Спустя всего пятнадцать лет после вступления Писарро в Куско Педро Сьеса де Леон с грустью написал, что «в настоящее время вдоль берегов этой реки [Уатанай] лежат большие кучи мусора, а сама река полна отходов и грязи. Такого не было во времена инков, когда река была очень чистая и вода бежала по камням. Иногда инки приходили сюда купаться вместе со своими женщинами, и много раз бывало так, что испанцы находили небольшие золотые украшения или булавки, которые они забывали или теряли во время купания».

Речка Уатанай несла свои воды по каменному руслу через огромную центральную площадь, деля ее на две части. К западу от нее располагалась Кусипата, площадь для развлечений, где люди собирались отмечать свои праздники. К востоку находилась площадь большего размера, Аукайпата, окруженная с трех сторон гранитными стенами дворцов Инков. Эта обширная площадь имела покрытие из мелкого гравия. Под ней проходили сточные трубы, по которым стекало все то, что вливалось в специальные сосуды во время церемоний; они же избавляли площадь от нежелательных нечистот во время празднеств, которые часто носили разгульный характер.

Усталые всадники и пехотинцы под предводительством Писарро двигались по узким улочкам к площади в колонне по двое. В этот момент они ликовали. Это был окончательный триумф добившихся успеха исследователей и завоевателей. Они описывали предмет своих вожделений королю Карлу, захлебываясь от гордости. «Этот город – величайший и прекрасный из всех, когда-либо виденных в этой стране или где-либо в Вест-Индии. Мы можем уверить Ваше Величество, что он настолько красив, а здания его настолько прекрасны, что он был бы великолепен даже в Испании». Они обзоредали свои достижения со скромностью, почти со смирением. «Испанцы, которые приняли участие в этом предприятии, поражены тем, чего им удалось достичь. Когда они начинают размышлять над этим, они не могут себе представить, как они все еще остаются в живых и как они смогли пережить такие трудности и длительные периоды голода». Первые дни и часы они еще были настороже, ожидая, что китонская армия, сражавшаяся с ними столь яростно в попытке не допустить их в Куско, предпримет контратаку. «Но мы вошли в город, не встречая сопротивления, так как местные жители приняли нас по доброй воле». В течение месяца Писарро заставлял своих людей спать в палатках на главной площади, а их кони были готовы отразить любую атаку и днем, и ночью.

По краям центральной площади Аукайпата находились дворцы и церемониальные здания Инков. Каждый Великий Инка во время своего правления строил себе дворец, а после его смерти здание сохранялось как место, где покоится его дух. В нем оставалось все убранство и находилось мумифицированное тело Инки и его изображение («уауке»). За дворцом и всем, что в нем находилось, присматривали слуги, принадлежавшие усопшему Инке или кому-нибудь из его рода («айлью»). Мумифицированные тела Инков регулярно выносили для участия в церемониях на площади, им предлагали пищу и питье. Инки были слишком уверены в прочности своей империи и в честности ее граждан, чтобы прятать те предметы, которыми владел при жизни их мертвый правитель. Поэтому нет надежды обнаружить в Перу вторую гробницу Тутанхамона. Напротив, во дворцах разместились офицеры армии Писарро, причем каждый из них вступил во владение одним из зданий, расположенных на самой площади. Эта невольная оккупация в день вступления испанцев в Куско позже была превращена в акт основания в городе Куско испанского муниципалитета с передачей ему соответствующего правового титула.

Сам Писарро взял себе дворец Касана, который принадлежал Великому Инке-завоевателю Пачакути, возглавившему экспансионистские походы инков за пределы Куско в XV веке. Дворец располагался на северо-западной стороне площади, в той ее части, где через нее протекала речка Уатанай. Выдающейся особенностью этого дворца был огромный зал. Гарсиласо де ла Вега увидел его впервые, будучи в Куско еще мальчиком в середине XVI века. «Во многих домах инков были большие залы, до 200 ярдов в длину и до 50–60 ярдов в ширину, в которых инки отмечали свои праздники и танцевали, когда дождливая погода не позволяла им проводить их на открытом воздухе. В детстве в Куско я видел четыре таких зала, которые оставались еще нетронутыми. <...> Самым большим из них был зал во дворце Касана, он мог вместить в себя 4 тысячи человек». Огромный зал во дворце Касана был позже разрушен, и на его месте появились сводчатые галереи в колониальном стиле и магазинчики. Некоторые из них развалились во время землетрясения в мае 1950 года; под ними обнаружили серые камни кое-каких древних стен дворца, которые так и оставили лежать для обозрения.

Младшие братья Писарро, Хуан и Гонсало, расквартировались неподалеку от него в зданиях, которыми пользовался Уайна-Капак, а до него они принадлежали другим Великим Инкам. Как партнер Писарро и второй начальник экспедиции, Диего де Альмагро был удостоен самого нового дворца, который только недавно был построен для Уаскара. Этот дво-

рец находился на возвышенности в северной части площади, сразу же за домами, в которых разместились младшие братья Писарро.

Другой великолепный дворец стоял прямо напротив дворца Касана, в котором обосновался Франсиско Писарро. Это был главный дворец Уайна-Капака – Амару-Канча. Педро Санчо описал его как самый прекрасный из четырех дворцов на главной площади. «В него ведет вход из красного, белого и разноцветного мрамора, и он украшен другими двугранными конструкциями, великолепными на вид». Мигель де Эстете написал, что «у дворца есть две прекрасные башни и богатый вход, облицованный кусочками серебра и другими металлами». А Гарсиласо вспомнил, что у одной из башен «были стены высотой 4 эстадо [30 футов], но крыша была значительно выше, сделана из чудесного дерева, которое использовалось при строительстве королевских дворцов. Крыша и стены были круглыми. Вместо флюгера на вершину крыши был помещен длинный толстый шест, который зрительно делал здание выше и добавлял впечатления от его внешнего вида. Башня имела в диаметре свыше 60 футов». В добавление к башням во дворце Амару-Канча был огромный зал. Он достался Эрнандо де Сото и Эрнандо Писарро, который затем должен был отплыть в Испанию. В конечном счете Эрнандо Писарро получил в свое владение весь этот участок и много лет спустя продал его ордену иезуитов. Очаровательная розоватая церковь иезуитов, построенная в стиле барокко, занимает теперь эту часть площади.

После того как Франсиско Писарро и его военачальники расселились среди останков Инков в их пустых дворцах, губернатор наделил собственностью церковную и муниципальную власть города. Здание, расположенное на террасе над площадью, он предназначил для первого муниципалитета. Церковь получила более внушительное место: зал и дворец Сунтур-Уаси, который возвышался над восточной частью площади. В нем расположился Висенте де Вальверде, епископ Тумбесский и будущий епископ Куско, вместе с капеллой, посвященной Зачатию Богородицы. Эта собственность никогда не переходила из рук в руки, хотя прошло более века, прежде чем было закончено строительство великолепного собора в стиле барокко, которым в настоящее время славится это место.

Дорога в южную часть империи, колья-суйю, начиналась на площади с правой стороны от Сунтур-Уаси. Вдоль нее располагались ограды других дворцов, и длинные участки их стен сохранились до наших дней. В углу площади находилась массивная ограда Хатун-Канча, дворца пятого Инки по имени Юпанки. За ним, также за оградой, стояла резиденция его преемника, Инки Рока, который нам известен под именем Хатун-Румийок, или «большой камень». Это название увековечивает огромный валун, вделанный в стену его ограды с северной стороны. Каждого, кто приезжает в Куско, ведут смотреть этот камень, потому что по его периметру имеется не менее 12 выпуклых и вогнутых уступов, но все они с необыкновенной точностью смыкаются с прилегающими каменными блоками стены (фото 29). Другой огромный огороженный участок лежал южнее Хатун-Канча. Это был дворец Пукамарка, резиденция великого завоевателя, десятого Инки Тупака Юпанки. Эти три королевских дворца – Хатун-Канча, Хатун-Румийок и Пукамарка – стали казармами для кавалеристов Писарро, и в случае необходимости в них легко можно было обороняться. Они превратились в опорный пункт испанцев, из которого можно было контролировать центр Куско. Многим солдатам были выделены земельные участки на этой территории во времена поселений 1534 года.

На языке кечуа слово «канча» означает «огороженный участок», и оно помогает восстановить облик Куско времен инков. Дворцы Инков представляли собой тщательно построенные, окруженные каменной кладкой стен корралы, с пристроенными по бокам жилыми помещениями, крыши которых были покрыты красиво уложенным тростником. Эти помещения выходили на центральный двор. Такой план постройки обычен для любой архитектуры, возникшей в общинах, занимающихся сельским хозяйством, но среди инков такие огражденные

усадебны были привилегией вождей. «Только у домов касиков есть большие дворы, в которых обычно собираются люди, чтобы выпить во время своих праздников и торжеств». Бернабе Кобо заметил три отличительные черты построек инков. «Во-первых, каждая комната или жилое помещение были расположены отдельно: они не соединялись друг с другом. Во-вторых, индейцы не белили свои дома, как это делаем мы у себя, хотя стены домов вождей, случалось, были раскрашены разными цветами и имели простые украшения. В-третьих, ни дома знати, ни дома простых общинников не имели навесных дверей, которые можно было бы открывать и закрывать. Индейцы просто использовали тростник и плетень, чтобы загораживать дверной проем, когда они хотели закрыть его... У них не было ни замков, ни ключей, ни какой-либо другой защиты, и они не стремились делать большие украшенные входы. Все их дверные проемы были маленькими и простыми, а многие из них были такими низкими и узкими, что они больше были похожи на печные заслонки. И когда мы приходим, чтобы исповедать больного, нам приходится сгибаться или даже ползти на четвереньках, чтобы войти».

Привилегией королевской фамилии Инков было иметь дома, стены которых клались из камня гильдией высококвалифицированных каменщиков. Простота плана королевских дворцов щедро компенсировалась великолепием их каменной кладки. На первых испанских завоевателей и на тех, кто приезжал сюда позже, она произвела глубокое впечатление. Кобо писал: «Единственной замечательной особенностью этих построек были их стены. Но они выглядели так необычно, что любому, кто не видел их воочию, невозможно было бы оценить их великолепие». Сьеса де Леон вторил ему, так же удивляясь: «Во всей Испании я не видел ничего, что может сравниться с этими стенами и манерой их каменной кладки».

Искусство инков-каменщиков – их самое значительное художественное наследие. В других областях искусства их затмили более ранние цивилизации Анд. Инки научились резать и полировать камень с потрясающей виртуозностью. Соседние каменные блоки в их кладке тесно прилегают друг к другу без каких-либо признаков строительного раствора. Даже когда камни соединяются в сложные многоугольные узоры, их стыки так точны, что щели между ними выглядят как тонкие царапины на поверхности стены. И когда землетрясения разрушили более поздние и хрупкие стены, кладки из тесаного камня инков остались нетронутыми, и каждый каменный блок все так же был плотно пригнан к соседним блокам.

Инки использовали три вида камней при возведении общественных зданий в Куско. Большинство дворцов Инков были сделаны из тесаных прямоугольных блоков черного андезита, который приобретает глубокий красновато-коричневый цвет под воздействием атмосферы. Зеленовато-серый диорит-порфир с горы Саксауаман в виде больших многоугольных блоков использовался при постройке стен ограждения таких дворцов, как Хатун-Румийок. А твердые серые глыбы юкайского известняка широко использовали в строительстве крепости Саксауаман, а также для кладки фундаментов и террас по всему городу.

Поверхности камней гладко полировались, но каждый отдельный блок имел скошенные внутрь края своей внешней грани. В результате швы между каменными блоками были вдавлены, и вся стена имела вид кладки с выступающими гранями. Эти скосы у каменных блоков делались с чисто декоративными целями, чтобы нарушить гладкую поверхность стены, показать на ней контраст тени и света, продемонстрировать полный вес каждого отдельного каменного блока и привлечь внимание к исключительной точности соединений каменных швов. С точки зрения эстетики это был успешный прием: имеющие закругления поверхности камней придают стенам Куско плавность и изящество.

Инки-каменщики использовали два стиля в каменной кладке стен. В некоторых из них камни соединяются между собой безо всякой системы, и в кладке нет двух одинаковых камней, а стыки между ними имеют волнообразный рисунок, как у замысловатой головоломки, когда из кусочков надо сложить картинку. Такой вид кладки называется «циклопический».

При другом стиле кладки камням придавали прямоугольную форму и укладывали правильными рядами, причем обычно каждый последующий ряд был немного меньше, чем предыдущий, лежащий под ним. Такой стиль симметричной кладки известен как «рядовой». Сами инки явно предпочитали аккуратность «рядовой» каменной кладки и применяли ее при возведении стен важных зданий. Но обычному современному наблюдателю стены с «циклопической» кладкой кажутся более загадочными и впечатляющими. Возникает почти тревожное чувство при виде гигантских валунов, которые точно подогнаны друг к другу, как куски шпатлевки. Кобо отразил обычную реакцию на это зрелище: «Уверю вас, что, хотя они и кажутся грубыми, мне представляется, что такие стены строить было значительно труднее, чем складывать их из рядов тесаного камня. Ибо эти камни не вырезаны ровно, и тем не менее они плотно стыкуются друг с другом. Можно представить себе, какое количество труда было затрачено на то, чтобы заставить их смыкаться друг с другом так, как мы это видим... Если у верхушки одного камня есть выступающий уголок, то в камне, лежащем над ним, есть в соответствующем месте бороздка или углубление, точно подходящее по размерам к этому уголку... Такой труд, вероятно, был бесконечно утомителен: чтобы заставить камни укладываться точно один к другому, их, наверное, нужно было многократно ставить на нужное место и убирать, заменяя другим, для того чтобы проверить, какой подойдет. А учитывая размер камней, становится ясно, скольким людям это, вероятно, стоило больших усилий».

Было принято считать, что стены «циклопической» кладки – древнее, чем более знакомые нам стены «рядовой» кладки, но недавние археологические исследования показали, что в конце XV века в империи инков оба стиля использовались наравне. Этому есть правдоподобное объяснение. «Циклопическая» кладка применялась только для строительства террас или подпорных стен ограждений, где нужна была крепость. Обломкам скал оставляли их неровную форму, чтобы сохранить, по возможности, всю их величину; такие грубые стены из плитняка обычны для террас на всем протяжении Анд. «Рядовая» кладка использовалась для возведения стен домов. Возможно, этот стиль был имитацией зданий, построенных из дерна, найденных в районе Куско. Дерн нарезали прямоугольными кусками и клали травой вниз. По мере высыхания верхняя и нижняя части сужались, а бока выпячивались. Это могло дать толчок к возникновению декоративного зенкования стыков в каменной кладке инков.

Архитектура инков имела еще одну характерную черту. Двери и ниши неизменно строились в форме трапеций, боковые стороны которых скашивались внутрь по направлению к притолоке. Такой способ строительства был логичен для каменщиков, не открывших принципа построения арки. Он помогал уменьшить длину камня, образующего перемычку наверху, и распределял давящую на него нагрузку. Ряды таких трапецевидных ниш нарушали монотонность стен инков. Иногда эти ниши имели размеры караульной будки, то есть были достаточно высоки, чтобы в них поместился ряд стоящих слуг. Но гораздо чаще они были меньших размеров. Углубления в стене на высоте груди образовывали удобные ниши для посуды.

После занятия Куско Франсиско Писарро столкнулся со многими проблемами, требовавшими немедленных действий. Он должен был защищать свое завоевание от контрударов китонской армии. Ему нужно было решить вопрос с правительством и обеспечить управление местным населением. А также он должен был вознаградить своих собственных солдат-победителей и убедить их остаться здесь поселенцами.

Теперь, когда Куско был взят, несмотря на самоотверженную защиту китонских войск, в то время как Чалкучима был мертв, а Кискис проявлял непокорность, Писарро уже не пытался играть на стороне обеих противоборствующих партий в гражданской войне. Он открыто встал на сторону ветви королевской фамилии в Куско, к которой принадлежал Уаскар. Он и его люди с готовностью облачились в одежды освободителей. На следующий день

после занятия Куско Писарро сделал Манко правителем, «так как он был благоразумным и энергичным молодым человеком, вождем индейцев, которые находились там в это время, и к тому же законным наследником империи. Это было сделано очень быстро... чтобы местные жители не присоединились к армии китонцев, а получили бы своего собственного правителя, чтобы ему поклоняться и подчиняться».

Писарро немедленно начал подстрекать нового правителя, чтобы тот собрал армию для освобождения Куско от китонских захватчиков. Манко хотел ни много ни мало как отомстить за преследование его семьи. «За четыре дня он собрал 5 тысяч хорошо вооруженных индейцев». Пятьдесят испанских всадников под командованием Эрнандо де Сото сопровождали это войско в погоне за Кискисом, который вместе со своей армией отступил в горы западной части империи, которая имела название «кунти-суйю», и находился у верховьев реки Апуримак, в 25 милях к юго-западу от Куско. Союзническая экспедиция продолжалась десять дней, но успеха не имела. Авангард Кискиса оборонял редут у прохода в горах и предупредил главные силы китонской армии о приближении кавалерии де Сото. Армия Кискиса при отступлении перешла через Апуримакское ущелье недалеко от деревушки Капи, сожгла подвесной мост и градом метательных снарядов отразила попытку союзнических сил переправиться через него. Эта местность ужаснула испанцев, так как она была «самой дикой и недоступной из того, что они до этого видели». Но Манко был доволен, что его воины хорошо проявили себя в жестоком бою с частью армии Кискиса.

Хотя армия китонцев и избежала встречи с этой карательной экспедицией, третье поражение поколебало ее боевой дух. Кискис не мог более заставить своих воинов оставаться вблизи Куско, а тем более ответить чужеземным завоевателям контратакой. Его воины думали только о возвращении домой и начали долгий путь в сторону Кито.

Экспедиция против Кискиса вернулась в Куско к концу декабря 1533 года. Испанцам из отряда де Сото очень хотелось заняться грабежами, а Манко желал официально короноваться на престол Инки. Манко уединился в специальном убежище в горах, чтобы выдержать необходимый трехдневный пост. Затем он торжественно прибыл на площадь для участия в ритуале, который сопровождал коронацию его единокровного брата Тупака Уальпы в Кахамарке четыре месяца тому назад. Вместе с торжествами, связанными с коронацией, праздновалась победа и освобождение от китонской оккупации. Последовали дни буйных празднований, и конкистадоры получили возможность увидеть все великолепие церемоний инков. Большую роль в них играли мумифицированные тела предков, Великих Инков, – христиане тогда не чувствовали в себе еще достаточно уверенности, чтобы вмешиваться в эти языческие ритуалы. Мигель де Эстете оставил живой отчет о тех днях торжеств. «Каждый день собиралось такое большое количество людей, что эта толпа с трудом помещалась на площади. По приказу Манко всех его умерших предков вынесли на площадь для участия в празднике. После того как со всей своей многочисленной свитой он зашел в храм, чтобы вознести молитву солнцу, он в течение утра обошел один за другим все мавзолеи, в которых находились забальзамированные тела умерших Инков. Затем их оттуда достали с великими почестями и преклонением, внесли в город и усадили каждого на свой трон по старшинству. Каждую мумию несли в паланкине слуги в ливреях. Индейцы шли за ними, распевая песни и воздавая хвалу солнцу... Они достигли площади в сопровождении большой толпы народа, впереди которой несли паланкин с Великим Инкой. Мумию его отца Уайна-Капака несли вровень с ним, а набальзамированные тела других предков с коронами на головах также покоились в паланкинах. Для каждого из них был сооружен шатер, и усопшие были по очереди помещены в них. Каждый сидел на своем троне в окружении слуг и женщин с мухобойками в руках. Окружение оказывало своим королям такие почести, как будто они были живыми. Рядом с каждым из них находился небольшой алтарь с его эмблемой, на котором лежали его ногти, волосы, зубы и другие частицы его тела, вырезанные после его смерти...

Они оставались там с восьми часов утра до самой ночи без перерыва... Там было так много народа, а мужчины и женщины пили так много – все, чем они занимались, это была сплошная пьянка, – что по двум широким канализационным стокам более 18 дюймов в ширину, спускающимся в реку под камнями площади, целый день текла моча; поток был такой силы, как в половодье весной. Это было неудивительно, принимая в расчет количество выпитого и тех, кто пил. Но зрелище это было поразительным, дотоле невиданным... Эти празднества длились свыше тридцати дней кряду». Педро Санчо описал, в частности, мумию Уайна-Капака: «Она была обернута в богатые ткани и почти вся целая, недоставало только кончика носа». Педро Писарро вспоминал, что ежедневный ритуал начинался процессией, несущей изображение солнца и возглавляемой верховным жрецом по имени Вильяк Уму. Церемония также включала в себя символическую трапезу для каждой мумии. Еду сжигали на жаровне, стоящей перед мумией, а в большие золотые, серебряные или глиняные кувшины наливали чичу. Золу от сгоревшей пищи и чичу затем выливали в круглую каменную купель, содержащее которой затем оказывалось в той же самой сточной канаве, что уносила в реку мочу.

Испанцы вновь использовали коронацию для того, чтобы инсценировать демонстрацию преданности и дружбы между индейцами и европейцами. «После того как святой отец [Вальверде] отслужил мессу, губернатор вышел на площадь со своими людьми и в присутствии восседавшего на троне касика [Инки], окружавших его вождей, воинов... и своих собственных испанцев обратился к ним с речью, как он это делал раньше в подобных случаях. Я [Педро Санчо], как его секретарь и армейский писарь, согласно воле его величества зачитал им «Требования». Содержание этого документа им перевели, и они всё поняли и подтвердили это». Затем каждый вождь прошел через ритуал поднятия над головой испанского королевского штандарта под звуки труб, а Манко выпил с губернатором и другими испанскими военачальниками из золотого кубка. Индейцы «много пели и воздавали хвалу солнцу за изгнание их врагов с их земли и за то, что оно послало христиан править ими. Такова была суть их песен, хотя, – как осторожно добавил Эстете, – я не верю, что таковы были их истинные намерения. Они всего лишь хотели заставить нас думать, что они довольны присутствием испанцев...»

Документ, который был зачитан, переведен и «понят» индейскими вождями, представлял собой необычную декларацию под названием «Требования». Эта декларация явилась результатом той нравственной полемики, которая бушевала в Испании и в Вест-Индии в течение более двадцати лет. Спорный вопрос состоял в том, имеют ли испанцы право на завоевание индейских государств в обеих Америках. Хотя папа Александр поделил мир таким образом, что Африка и Бразилия отошли Португалии, а остальная часть обеих Америк – Испании, многие доказывали, что этот дар был сделан лишь с целью обращения в свою веру, а не для агрессии и завоевания. «Средствами достижения этой цели не могут служить грабеж, злословие, пленение или истребление их, или опустошение их земель, ибо это вызовет у язычников отвращение к нашей вере».

Еще в 1511 году доминиканский монах Антонио де Монтесинос начал эту полемику в своей потрясающе пронизательной проповеди, обращенной к поселенцам на острове Эспаньола. «На вас смертный грех, – предупредил он их. – Вы живете и умираете с ним из-за жестокости и тирании, с которой вы обращаетесь с этими невинными людьми. Скажите мне, по какому праву вы держите этих индейцев в таком жестоком, ужасном рабстве? На каком основании вы развязали отвратительную войну против этих людей, которые тихо и мирно жили на своей собственной земле?»

Движение в защиту индейцев нашло своего защитника, когда Бартоломе де Лас Касас, который до того двенадцать лет наслаждался жизнью колониста, вдруг в 1514 году резко изменил свое отношение. Лас Касас выступал в защиту индейцев в течение всей своей оставшейся долгой жизни. Матиас де Пас, профессор богословия в университете Саламанки, в

1512 году написал научную работу, в которой он доказывал, что король имеет право распространять веру, но не вторгаться в другие страны с целью обогащения. Но другие авторитеты подтвердили монаршее право властвовать в Вест-Индии, так как местные жители, которые якобы были совсем как дети, нуждались в отеческой опеке европейцев. Они ссылались на падение Иерихона, как на прецедент справедливого уничтожения неверных. Они доказывали, что с язычниками Вест-Индии следует обращаться так же, как с маврами, — хотя последние вторглись на территорию христиан, в то время как американские индейцы жили в мирной изоляции.

Испанские монархи были сильно обеспокоены полемикой по поводу их моральных прав на завоевания. В Испании XVI века богословы были чрезвычайно влиятельны, и все испанцы, даже простые солдаты, испытывали глубокое уважение к религии и юридическим формальностям. Поэтому король назначил комиссию, состоявшую из приверженцев обеих противоборствующих точек зрения. В результате всех их споров были приняты Законы Бургоса (1512–1513 гг.), которые регулировали многие аспекты жизни местного населения в Вест-Индии. Законы были достаточно гуманны, когда речь шла о жилье и одежде, а также о защите мужчин, женщин и детей от чрезмерно длительного рабочего дня. Но индейцев-мужчин заставляли работать на испанцев девять месяцев в году.

Споры на тему морального права вести завоевательные походы продолжались. Король распорядился провести еще одно заседание комиссии в течение 1513 года в одном из монастырей Вальядолида. У него в голове созрел замысел, который воплотился в «Требованиях», то есть декларацию, которую должны были зачитывать индейцам через переводчиков до того, как испанские войска откроют против них боевые действия. Этот документ был победой проконкистски настроенного его автора Хуана Лопеса де Паласиоса Рубиоса. Он заявил, что «Требования» дают индейцам средство избежать кровопролития при полном и немедленном подчинении.

В самих «Требованиях» содержалась краткая история мира с описанием папства и испанской монархии и говорилось о том, что папа принес Вест-Индию в дар королю. Затем от индейской аудитории требовалось, чтобы они приняли на себя два обязательства: они должны признавать церковь и папу, а также считать короля Испании своим правителем от имени папы; и они должны были позволить, чтобы им проповедовали христианскую веру. Если местные жители отказывались от немедленного выполнения этих требований, испанцы обычно начинали боевые действия и «причиняли всякий вред и ущерб, какой только могли», включая порабощение жен и детей и грабеж собственности. «И мы клятвенно заверяем, что все смерти и потери, которые за этим последуют, будут по вашей вине...»

И испанские завоеватели уплыли, захватив с собой эти «Требования», которые они зачитывали в разных необычных ситуациях: их оглашали перед уже опустевшими деревнями, зачитывали уже взятым в плен индейцам или, как в данном случае, во время празднования победы на площади завоеванного столичного города. Лас Касас признавался, что при чтении «Требований» он не знал, то ли ему смеяться над их нелепой невыполнимостью, то ли плакать над их несправедливостью. Но у Писарро были свои инструкции на этот счет, а проведение ритуального оглашения этого документа удовлетворяло чувство законной правоты своего дела его секретаря Педро Санчо.

Дав индейцам правителя и зачитав им «Требования», Писарро мог начать «испанизацию» своей добычи, Куско. Перед ним стояла приятная задача — контролировать разграбление его огромных богатств. Его люди многое пережили, чтобы достичь такого невероятного успеха. Педро Санчо писал королю: «Конкистадоры пережили большие трудности, так как вся эта страна представляет собой самую труднопроходимую гористую местность, какую способны преодолеть лошади... Губернатор никогда не осмелился бы совершить эту долгую и опасную экспедицию, если бы он не был абсолютно уверен во всех испанцах своего

отряда». Теперь Писарро нужно было проследить, чтобы грабеж проходил организованно, со строгим контролем за распределением сокровищ среди членов экспедиции, чтобы при этом пятая часть всего награбленного отходила в королевскую казну, а индейцы, у которых они отнимали сокровища, проявляли минимум недовольства. Писарро и его военачальники обладали достаточной властью, чтобы заставить своих подчиненных проявлять некоторую сдержанность; а тем в свою очередь было очевидно, что их положение в Куско было слишком ненадежным, чтобы они могли позволить себе допустить чрезмерный произвол. Писарро также был на руку тот факт, что сокровища из ценных металлов сначала должны были подвергнуться трудоемкой переплавке, прежде чем их можно было распределять или увозить.

Переплавка и распределение сокровищ Куско проводилась даже с еще большими предосторожностями, чем в Кахамарке. Рафаэль Лоредо нашел 90 документальных страниц, на которых был описан весь процесс, включавший в себя 22 ступени различных действий. Предметы из драгоценных металлов складывали в большой сарай, находившийся рядом с жильем Писарро, и каждый предмет записывался в реестр казначеем Диего де Нарваэсом. Сначала Писарро приказал начать переплавку под руководством Херонимо де Альяги 15 декабря 1533 года, а в течение последующих недель он издал много указов о приведении к присяге людей, которые были вовлечены в этот процесс, о взвешивании драгоценных металлов и проведении раздельной переплавки серебра низкого качества, серебра высокого качества и золота. Королевский казначей Алонсо Рикельме с казенными клеймами все еще находился в Хаухе. Поэтому 25 февраля 1534 года Писарро пришлось дать разрешение на изготовление новых клейм с королевским гербом. Они должны были храниться в сундуке под двумя замками, но конкистадорам пришлось довольствоваться одним замком, так как «в настоящий момент невозможно раздобыть сундук с двумя замками». Второго марта глашатай Хуан Гарсия был послан, чтобы призвать всех, у кого еще было серебро, нести его на переплавку.

Франсиско Писарро и Висенте де Вальверде распределяли серебро по своему усмотрению согласно достоинствам каждого конкретного солдата, причем дополнительную половину доли получали наиболее отличившиеся всадники. А между 16 и 19 марта сам Франсиско Писарро распределял золото, в общем, в тех же пропорциях, что и серебро. Помимо испанцев, находившихся в Куско, определенные доли были выделены и тем, кто остался в Хаухе или уехал назад, в Сан-Мигель, с Себастьяном Беналькасаром или погиб на Вилькаконге. По грубым прикидкам, золота в Куско оказалось вполтину меньше, чем получилось в Кахамарке, ведь значительная часть золота Куско была перевезена в Кахамарку для выкупа Атауальпы, зато серебра – в четыре раза больше. На самом деле в денежном выражении ценность переплавленных в Куско металлов была несколько выше. Франсиско Писарро получил просто долю, «причитающуюся ему, двум лошадям, переводчикам и его пажу Педро Писарро». У него хранилась доля его партнера Диего де Альмагро, который во время этих двух дележек получил больше, чем кто-либо другой. Королевская казна опять получила свою пятую часть, включая «статую женщины из 18-каратного золота, которая весила 128 марок» (не менее, чем 65 фунтов, или 29,5 килограмма), и золотую ламу, весившую свыше 58 фунтов (26,45 килограмма), а также другие фигурки меньших размеров. Хуан Руис де Арсе написал, что «его величество получил еще один миллион песо золота и серебра».

Разграбление Куско было одним из тех редких моментов в мировой истории, когда захватчики мародерствовали как хотели в столице великой империи. Это было событием, которое могло разжечь воображение любого амбициозного молодого человека в Европе. Франсиско Лопес де Гомара писал, что при въезде в Куско «некоторые из них немедленно начали разбирать стены храма, сделанные из золота и серебра; другие стали раскапывать могилы и искать драгоценные камни и золотые сосуды, которые были положены туда вместе с мертвецами; третьи забирали идолов, сделанных из драгоценных металлов. Они грабили

дома и крепость, в которой было все еще много золота, принадлежавшего Уайна-Капаку. Короче, в крепости и в окрестностях они забрали больше золота и серебра, чем они получили в Кахамарке за пленного Атауальпу. Но так как теперь их стало значительно больше, чем было тогда, то каждый человек получил меньше. По этой причине, а также потому, что это был уже второй такой случай, к тому же не связанный с пленением правителя, он не получил такой широкой огласки».

Педро Писарро припомнил одну из наиболее впечатляющих находок. «В одной пещере они обнаружили 12 фигур стражников, сделанных из золота и серебра, в натуральную величину и похожих внешним видом на настоящих стражников этой страны; они выглядели очень реалистично. Были найдены прекрасные кувшины, сделанные наполовину из глины, наполовину из золота, причем золото так хорошо стыковалось с глиной, что ни одна капля не проливалась, когда их наполняли водой. А также было найдено золотое изображение. Это сильно расстроило индейцев, так как они сказали, что это была фигура [Манко-Капака] первого вождя, который завоевал эту землю. Они нашли золотые туфли, вроде тех, какие носят женщины, похожие на полуботинки. Они нашли сделанного из золота морского рака и много сосудов, на которых были скульптурные изображения всех птиц и змей, которых они только знали, и даже пауков, гусениц и других насекомых. Все это было найдено в большой пещере, которая находилась между участками обнаженных скальных пород за пределами города. Их не захоронили, потому что они были так искусно сделаны».

Самым большим призом, который получили испанцы в Куско, был храм Солнца с золотыми стенами – Кориكانча. Он располагался у подножия треугольного выступа между речками Уатанай и Тульюмайо, в нескольких сотнях ярдов южнее главной площади. И хотя золотая облицовка была уже снята с храма ради выкупа Атауальпы, он все еще был полон ценных вещей. Хуан Руис де Арсе вспоминал, что он увидел, когда вошел в сокровищницу: «Так как Атауальпа приказал, чтобы ничто, принадлежавшее его отцу, не трогали [когда собирали выкуп], мы нашли много золотых фигурок лам и женщин, кувшинов, ваз и других вещей в помещениях этого монастыря. Вокруг всего здания на уровне крыши проходила золотая полоса шириной 8 дюймов». Диего де Трухильо описал, как он дерзко вошел в храм. «Когда мы вошли, Вильяк Уму, который был у них жрецом, вскричал: «Как вы смеете входить сюда!

Всякий, кто сюда входит, должен перед этим поститься в течение года и заходить босым с грузом на плечах!» Но мы не обратили внимания на то, что он говорил, и вошли».

Кориكانча – по-прежнему место религиозного поклонения, так как вскоре монахи-доминиканцы приобрели это место и построили монастырь вокруг здания инков. Северная часть храма сейчас занята колониальной церковью Санто-Доминго и приемными покоем монастыря. Но с восточной стороны тянется стена, построенная инками, и она практически не тронута временем. Это великолепная стена «рядовой» кладки длиной 200 футов, в которой каждый обтесанный камень слегка выдается вперед и точно прилегает к соседним камням. Большая часть этой стены имеет свою первоначальную высоту 15 футов над уровнем улицы и 10 футов над уровнем платформы храма. Она сужается к вершине и наклоняется внутрь – все это делается для того, чтобы усилить иллюзию высоты и прочности. Центральный двор храма окружает ряд прямоугольных помещений. Во многих из них сохранилась нетронутой каменная кладка инков с рядом ниш трапециевидной формы, сделанных в стене на уровне плеч человека. Но самой впечатляющей особенностью архитектуры Кориканчи является подпорная стена изогнутой формы в северо-западной его части, ниже западного фасада церкви Санто-Доминго. Темно-серые камни имеют законченную форму и превосходно подогнаны друг к другу; они поднимаются на высоту 20 футов с легким изгибом для устранения оптического обмана. Этот ровный изгиб стены уцелел после многих землетрясений, которые случались в истории Куско, и некоторые туристы пытаются делать нрав-

ственные выводы из того факта, что стена, построенная инками без специального раствора, выстояла, в то время как испанская церковь над ней часто обваливалась (фото 27).

Помимо каменной кладки и золотой облицовки, среди особенностей Кориكانчи, которые чаще всего описывались хронистами, был сад золотых растений, жертвенный сосуд и золотое изображение солнца. Искусственный сад поразил испанцев своими изящными точными копиями маиса, у которых были золотые стебли и серебряные початки. По словам Кристобаль де Молины, сад располагался в центре храма, перед помещением, в котором находилось изображение солнца. Неудивительно, что ни одно из этих драгоценных растений не избежало переплавки в 1534 году.

Жертвенный сосуд играл более важную роль. Хуан Руис де Арсе был свидетелем церемоний, проводимых возле него в течение первого года конкисты. «В центре двора находится жертвенный сосуд, а рядом с этим сосудом стоял алтарь, сделанный из золота, весом 18 тысяч кастельяно. Рядом с ним был идол. В полдень с алтаря снимали покров, и каждая монахиня [мамакона] приносила блюдо с кукурузой, затем с мясом и кувшин вина и предлагала это идолу. Когда церемония предложения пожертвований заканчивалась, подходили два стража-индейца с большой серебряной жаровней. Они разжигали в ней огонь и бросали в него кукурузу и мясо, а вино выливали в сосуд для жертвоприношений. Они приносили в жертву то, что горело в жаровне, при этом поднимая руки к солнцу и воздавая ему благодарность». Реджинальдо де Лисаррага, один из монахов-доминиканцев, живших в этом монастыре в конце того века, подтвердил: «В нашем монастыре остался большой каменный сосуд для жертвоприношений, имеющий восьмиугольную форму с внешней стороны. Он имеет более пяти с половиной вара [пять футов] в диаметре и глубиной свыше одного вара с четвертью».

Со знаменитым золотым изображением солнца было связано больше путаницы. Оно было известно как Пунчао, что означало «дневной свет», или «заря»; само же солнце называлось Инти. В Куско были различные изображения солнца, а в храме Кориканча также хранились изображения луны, звезд и грома. Главный образ Пунчао представлял собой «изображение солнца огромных размеров, сделанное из золота, прекраснойковки и украшенное множеством драгоценных камней». Этот главный образ солнца избежал рук испанцев. Хвастливый Бискайя Мансио Сьерра де Легисамо заявлял, что он был в его собственности в Кахамарке, но он в азарте проиграл его за одну ночь; отсюда пошло испанское выражение «проиграть солнце до того, как оно встанет». Многие хронисты повторяли эту историю, но ни один из них не поверил Сьерре. Писарро не позволял ни одному солдату иметь в собственности драгоценные вещи из сокровищ выкупа до того, как они пройдут переплавку, а тем более этого не могло случиться с самым известным религиозным изображением империи. Испанцы продолжали мучиться по поводу пропавшего образа Пунчао, и Кристобаль де Молина написал в 1553 году, что «индейцы спрятали это солнце так хорошо, что его так и не смогли найти до сего времени».

Разграбление Куско было неизбежным, так как захват города стал кульминацией агрессии, инспирированной жадностью. Но утрата художественных ценностей была трагедией. Впечатлительный молодой священник Кристобаль де Молина осуждал своих соотечественников. «Их единственной заботой было собрать золото и серебро, чтобы разбогатеть... Они не думали о том, что причиняют зло, ломая и разрушая. Ведь то, что уничтожалось, было совершеннее всего того, чем они обладали и чему радовались».

В городе Куско также находились огромные склады империи инков. Люди Писарро часто видели провинциальные склады во время передвижения по королевской дороге. Инки понимали важность продовольственного снабжения для своих армий— завоевательниц и содержали хранилища необходимых припасов вдоль своих дорог. Припасы складывались рядами и хранились в одинаковых прямоугольных сараях, часть которых можно увидеть

и сейчас. Отличным примером может послужить глухая деревушка Тантамайо на правом берегу в верхнем течении реки Мараньон. Аккуратный ряд сараев, сделанных из плитняка, издалека выглядит как обоз,двигающийся по склону горы. Но большая часть содержимого провинциальных складов была израсходована армиями во время гражданской войны или использована Кискисом.

Испанцы никак не могли быть готовыми к тому, что гигантские склады в самом Куско окажутся доверху заполненными. Педро Санчо описал «склады, в которых были плащи, шерсть, оружие, металлы, ткани и другие товары, выращенные или произведенные в этой стране. В них есть большие щиты, небольшие круглые щиты, обтянутые кожей, кровельные балки, ножи и другие инструменты, сандалии и нагрудники для экипировки воинов. Все это имелось в таких непомерных количествах, что трудно себе представить, как индейцы вообще смогли собрать так много изделий, чтобы заплатить такую огромную дань». Молодого Педро Писарро особенно поразили крошечные перья, из которых инки делали одеяния, и по сей день украшающие многие музейные коллекции. «Когда мы вошли в Куско, в городе находилось большое число складов, заполненных очень тонкими тканями и другими, более грубыми тканями; и склады, в которых хранились скамейки и разные стулья, продукты питания или кока. В них хранились переливающиеся перья, одни из которых были похожи на чистое золото, а другие переливались золотым и зеленым цветом. Это были перья очень маленьких птичек, едва больше цикады, которых называли «пахарос коминес» [колибри] из-за их крошечных размеров. Переливающиеся перья растут у этих птичек только на груди, и каждое перышко размером чуть больше ногтя. Огромное количество таких перышек были нанизаны на тонкую нить и искусно прикреплены к волокнам агавы так, что полученные образцы имели в длину более пяди. И все они хранились в кожаных сундуках. Из них делали одежду, которая состояла из ошеломляющего количества маленьких переливающихся перышек. Там было много других перьев самых разнообразных цветов, предназначенных для изготовления праздничной одежды для знатных инков и их женщин... А также там было много плащей, полностью покрытых золотыми и серебряными зернами бисера, и не было видно ни одной нитки, как будто бы это была очень густая кольчуга; и были склады обуви, подошвы которой были сделаны из сизаля, а верхняя часть – из качественной шерсти разных цветов».

Испанские завоеватели, ослепленные золотом Куско, не обратили никакого внимания на эти удивительные склады. Они позволили опустошить их «янаконам», союзникам из числа индейцев, которые присоединились к удачливым оккупантам.

Глава 7

Хауха

Наступил 1534 год. Силы двух противоборствующих сторон – испанцев и китонских инков – растянулись вдоль линии Анд от Куско до Кито. Основная масса населения Перу не вставала ни на чью сторону, но кусковская ветвь королевской фамилии Инков стала непоколебимым союзником европейцев. В Перу испанцы оккупировали три города: Писарро удерживал Куско вместе со 150 лучшими бойцами; королевский казначей Алонсо Рикельме находился в Хаухе с 80 испанцами; а Себастьян де Беналькасар, который сопровождал золото из Кахамарки к побережью, был в Сан-Мигеле-де-Пьюра с небольшим отрядом.

Китонские войска были разделены на две армии. Под контролем полководца Руминьяви находился сам город Кито и территория, занимаемая современным Эквадором. Полководец Кискис был в 1300 милях южнее Куско, в горах «кунти-суйю» (то есть в южной части империи), вместе с армией, выигравшей войну против Уаскара. Его люди потерпели поражение от испанцев у Вилькасуамана, на Вилькаконге, на подступах к Куско и у Капи, но ни одно из сражений не было решающим. Вероятно, численность армии Кискиса составляла около 20 тысяч человек: на смену погибшим и дезертировавшим из его войска пришли подразделения, бывшие под началом Чалкучимы. Но Кискис потерял инициативу. Теперь именно он, а не Писарро, был отрезан от своего опорного пункта. Его воины требовали возвращения на родину, в Кито. Они вынудили сопротивляющегося полководца прекратить свой завоевательный поход и предпринять долгий переход через Анды на родину. Огромная, неповоротливая армия Кискиса продвигалась в сопровождении стад лам, толпы носильщиков и женщин – тех самых обслуживающих армию людей, которые побывали в плену у сбитых с толку испанцев, – и она должна была пересечь в сезон дождей гористую страну с враждебно настроенным населением, в которой были разрушены мосты, а склады – пусты.

Кипу-камайок, официальный архивариус, хронист и статистик

Разведчики Манко вскоре донесли, что китонцы отправились на север вниз по левому берегу реки Апуримак, чтобы выйти на королевскую дорогу. Такой маневр представлял явную угрозу людям Рикельме в Хаухе. Это был самый слабый и самый уязвимый отряд испанцев. Победа над этими испанцами могла иметь далеко идущие последствия. Она означала бы уничтожение четвертой части чужеземцев, находившихся в то время в Перу, и оставила бы Писарро в Куско в полной изоляции от своих соотечественников в Сан-Мигеле. Это дало бы возможность Кискису получить назад часть выкупа Атауальпы, который еще не был отправлен в Испанию. Но прежде всего, это продемонстрировало бы, что испанцы не такие уж и непобедимые, и возродило бы боевой дух в армии инков.

Писарро правильно оценил опасность. «Он сильно терзался оттого, что оставил огромное богатство в Хаухе под охраной крошечного гарнизона». Он решил послать Диего де Альмагро и Эрнандо де Сото с отрядом из 50 испанцев на север. Их должно было сопровождать индейское войско численностью около 20 тысяч воинов под командованием Манко и одного из его братьев. Но это смешанное войско, которое должно было выступить из Куско в последний день 1533 года, на самом деле покинуло город только в конце января. Испанцы с неохотой прекращали свое мародерство в городе, а Манко наслаждался празднествами по поводу своей коронации. Также представлялось разумным шагом подождать, пока не кончится пик сезона дождей, так как «каждый день шел сильный дождь». Когда наконец войско выступило в поход, оно продвигалось очень медленно. От дождей вышли из берегов реки, а Кискис обрубил немногие оставшиеся мосты. Река Пампас, протекавшая под Вилькасуаманом, представляла собой непреодолимое препятствие. В течение двадцати дней люди Манко работали как муравьи, чтобы восстановить подвесной мост. Знатоки своего дела,

строители мостов испытывали огромные трудности из-за течения, которое все время сносило их канаты, но на испанских наблюдателей их мастерство произвело большое впечатление. Сам Манко вернулся в Куско с посланием, которое было получено от Рикельме в Хаухе. Возможно, Писарро пригласил Инку вернуться, чувствуя, что было бы неразумно рисковать его лояльностью в предстоящем бою с его братьями из Кито. Таким образом, спасательный отряд проследовал дальше без Манко, не сумев переправиться через Пампас и достичь Вилькасуамана раньше марта, но к этому времени сражение за Хауху решило все.

При планировании своего нападения на Хауху Кискис решил применить двойной охват. Тогда город располагался вдоль берегов реки Мантаро, в том месте, где плоская и плодородная долина резко обрывается серыми скалистыми горами. Тысяча индейцев должна была пробраться через горы, перейти мост рядом с Хаухой и овладеть высотами позади города. Остальные, около 6 тысяч воинов, должны были продвигаться по открытой долине. Не все пошло гладко по плану. Вскоре пропал элемент неожиданности, так как «такое большое перемещение нельзя было не заметить», и местные жители, сотрудничавшие с испанцами, «усердно сообщали обо всем ради своих эгоистических интересов». Четыре испанских кавалериста увидели армию китонцев, когда она переправлялась через реку по мосту в 50 милях от города. Расчет времени нападения на город также оказался неверным. Вместо того чтобы атаковать город одновременно с двух сторон, тысяча воинов, пришедших с гор, появились на день раньше, и они немедленно попытались поджечь город. Главной заботой королевского казначея Рикельме было золото королевской казны. Он поместил его в один дом под охрану наименее полезных в бою из имевшихся в его распоряжении 80 испанцев. Десять кавалеристов и несколько арбалетчиков отбросили индейцев, продвигавшихся по мосту недалеко от города, и бросились вслед за ними в атаку через мост.

Защищавшиеся испанцы провели ночь и последующий день в полном вооружении и в нетерпеливом ожидании. Только тогда появились главные силы китонского войска и встали лагерем на расстоянии мили от Хаухи на дальнем берегу притока реки Мантаро. Рикельме бесстрашно выступил с половиной своего личного состава: 18 кавалеристов, 12 пехотинцев и 2 тысяч дружески расположенных местных индейцев. Китонцы начали было переправляться через вздувшуюся реку, но вернулись вновь на дальний берег. Испанцы отважно вошли в разбушевавшийся поток, и их встретила стена стрел и камней, выпущенных из пращи. Сам Рикельме получил удар камнем по голове, упал с коня, был смыт потоком и с трудом спасся благодаря арбалетчикам. Только один испанец был убит, но почти все были ранены. Были убиты 3 лошади, и много местных жителей погибло от рук китонцев. Но испанская кавалерия и арбалетчики в этот день победили: большинство воинов из армии Кискиса убежали в горы в поисках спасения, а многие из них были зарублены преследовавшими их всадниками. Фортуна благоволила испанцам: всего несколькими днями раньше к ним приехал с побережья известный военачальник Габриэль де Рохас. Алонсо де Меса также «великолепно отличился в тот день, так как он был молод и силен и имел хорошего коня и прекрасное оружие». Испанцы даже продолжили преследование в горах, заставив китонцев отступить из укрепления, которое они попытались занять. Кискис собрал своих людей в Тарме, но был оттуда выбит. Его воины очень хотели вернуться в Кито, но Кискис твердо решил попытаться оккупировать центральную часть Перу. Он укрепился в горной цитадели недалеко от Бомбона на озере Хунин.

Так остались тщетными надежды Кискиса на эффектную победу. Его солдаты были частью профессиональной армии империи и могли бы лучше проявить себя. Вместо этого они быстро потеряли свой боевой настрой и стремились только поскорее пройти Хауху, которая была препятствием на их пути на родину. Но исход сражения на самом деле решила позиция местных индейских племен. Кискису удалось привлечь некоторые из них на свою сторону: после сражения испанцы многих из них нашли мертвыми на поле боя. Но индейцы

в самом городе не сделали ни одного враждебного движения по отношению к испанцам во время сражения. Они даже предоставили 2 тысячи воинов в помощь отряду Рикельме. Эти их действия были отчасти мстью китонцам за их прошлогоднюю оккупацию, но также это был – что более существенно – мятеж местного племени уанка против владычества инков из Куско. Враждебное отношение таких сильных племен, как уанка, было решающим фактором в свержении власти инков в Перу.

Альмагро и Сото достигли Хаухи спустя три недели после сражения, которое состоялось в середине февраля. Они своевременно выдвинулись, чтобы напасть на Кискиса в его горной крепости, взяв с собой 40 испанцев и отряд индейцев под командованием одного из братьев Манко. Они обнаружили, что китонцы укрепились в ущелье Маракайльо на дороге в Бомбон. В этом дефиле перед лошадьми встали отвесные стены, узкий проход и только один способ преодолеть крутой откос. Сото ничего не мог поделать с этой преградой и вернулся в Хауху.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.